

Энтони Берджесс

МЕД
ДЛЯ МЕДВЕДЕЙ

Annotation

Супружеская чета, Пол и Белинда Хасси из Англии, едет в советский Ленинград, чтобы подзаработать на контрабанде. Российские спецслужбы и таинственная организация «Англо-русс» пытаются использовать Пола в своих целях, а несчастную Белинду накачивают наркотиками...

- [Энтони Бёрджесс](#)

-

- [Часть первая](#)

- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)

- [Часть вторая](#)

- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
-

Энтони Бёрджесс

Мед для медведей

Посвящается Морису Эдельману

Часть первая

Глава 1

– Зачем, позвольте полюбопытствовать, вы направляетесь в Санкт-Петербург? – очень громко, чтобы перекрыть музыку, проговорило дряхлое существо по имени доктор Таерсис, сидящее в инвалидной коляске. Его ноги были заботливо укрыты теплым шотландским пледом, и не было никакой возможности определить, брюки на нем или юбка.

– Туризм, – соврал Пол Хасси.

В это время духовые инструменты, выводившие мелодию на раздражающе высоких, пронзительных нотах, наконец умолкли, вступили струнные, и раздались плавные звуки вальса.

Воспользовавшись временным затишьем, в разговор вмешался человечек с влажно поблескивающими глазами, стоящий за спинкой инвалидной коляски. Он был необыкновенно похож на конторского клерка.

– С гомосексуалистами и коммунистами дела обстоят совершенно одинаково. Люди почему-то считают, что эти качества должны проявляться в человеке постоянно. Но это немыслимо! Невозможно, к примеру, быть гомосексуалистом, когда спишь. И коммунистом тоже.

– Довольно, Мэдокс, – снисходительно обронил его хозяин или хозяйка. Физиономию сидящего в кресле создания покрывала сетка глубоких морщин, очевидно, сказывалось пагубное влияние разгульной юности. Голова была маленькой, усохшей, но гордо сидела на сморщенной старческой шее. Пол Хасси решил, что эта древняя мумия, имевшая чрезвычайно высокомерный вид, лишена всех признаков пола с какой-то высшей целью.

Престарелое существо с аристократическим презрением взидало на многочисленных представителей новой интеллигенции, заполнивших кают-компанию. Глаза, цветом напоминающие устрицы, неодобрительно поглядывали из-под полуопущенных век.

– Если позволите, доктор, – снова заговорил Мэдокс. – Не все, что люди делают, является политикой. Вспомните хотя бы тех дипломатов, которых мы встретили в прошлый раз. Их нисколько не интересовали вопросы дипломатических отношений, потому что они отчаянно страдали от несварения желудка. Между прочим, знаете, Пол, в России ни у кого не бывает кишечных расстройств. Там все готовят на хорошем масле. Все-таки это страна рабочих, – пояснил он.

– Ну хватит, Мэдокс, – поморщилось древнее создание. Оно извлекло

из-под пледа изуродованную артритом руку, корявые пальцы которой были сплошь унизаны золотыми перстнями, сверкающими и переливающимися даже на неярком балтийском солнце. Между двумя пальцами подрагивала сигарета.

Мэдокс щелкнул зажигалкой, и, словно повинуюсь этому сигналу, невидимые музыканты перешли к шумному, бравурному финалу. Их музыка должна была возвестить всему миру о триумфальной победе советской идеологии. Под нее хорошо было маршировать по Красной площади и торжественно обнимать друг друга перед глазами телекамер, отмечая очередной советский праздник. Хотя временами сквозь грохот триумфального марша все-таки прорывались щемящие нотки истинно славянской грусти, которую, как ни старайся, невозможно уничтожить. Но вот прозвучали завершающие аккорды, потом пластинка еще некоторое время пошипела и окончательно замолкла.

Студенты (направляющаяся за границу миссия доброй воли, называющая себя «Маленький Спутник»), заплодировали.

Советские музыканты (возвращающаяся из-за границы домой делегация) заплодировали.

Композитор Степан Коровкин, обладавший внешностью и манерами не слишком трезвого водопроводчика, заплодировал тоже.

– Хлопает сам себе, – заметила многократно окольцованная мумия, – ни дать ни взять дрессированная обезьяна. А такую музыку можно исполнять только в цирке.

Красивая переводчица торжественно объявила:

– А сейчас товарищ Коровкин расскажет нам о целях, которые он ставил перед собой при создании своей симфонии номер четырнадцать, финал которой вы только что прослушали, а также о том, насколько ему удалось воплотить свои идеи в жизнь.

Ее английский был безупречен, но мумия все равно презрительно фыркнула и выдохнула в сторону девушки клуб дыма. Товарищ Коровкин неторопливо встал, приосанился и начал свой страстный монолог. Он вещал громко, вдохновенно и со знанием дела, как выступающий на рабочем митинге профсоюзный лидер. А тем временем мумия снова заговорила с Полом:

– Хотя, может быть, еще не все потеряно. В конце концов, у нас достаточно опытейших управляющих, много лет отработавших в колониях, которые теперь скучают без настоящего дела в Истборне и Танбридж-Уэлсе. Думаю, они сумели бы привести этих людей в человеческий вид...

Мэдокс грыз ногти.

– Ш-ш-ш. Вы же мешаете, – обернулся кто-то из студентов.

– ...Стремления советского человека, – закончил Коровкин первую часть своего выступления и сел, чтобы перевести дыхание. Снова заговорила переводчица:

– Отдавая себе отчет в наличии отдельных мелких погрешностей...

А мумия продолжала вполголоса рассуждать:

– Если разобраться, они всего лишь азиаты, вечно униженные и абсолютно безграмотные. Поверь, я знаю этих людей ужасающе давно. В те времена о Ленине и Троцком еще даже и не слышали. Представляешь, эти несчастные даже считают с помощью специальных бусинок, называемых счетами.

– ...Стремления советского человека. Пожалуйста, – менторским тоном обратилась переводчица к слушателям, – очень тяжело выступать перед аудиторией, когда в зале еще кто-то говорит. Если вы не хотите слушать, вам следует попросить разрешения и покинуть помещение.

– Деточка, – ничуть не смутившись, проговорило древнее создание, протянув окуроч Мэдоксу.

Тот разок затянулся, словно удостоверившись, что с окурком все в порядке, и погасил его о столешницу.

– Так вот, деточка. Мое первенство, я имею в виду пребывание здесь, неоспоримо. Это может подтвердить мой секретарь, с которым мы вместе сидим тут уже довольно давно. Не могу не признать, что, когда эти дурно одетые люди ворвались сюда со своим дешевым, заикающимся граммофоном и старыми пластинками, они нам помешали. Более того, мое первое путешествие по этому маршруту состоялось в те годы, когда вас еще и на свете не было. Я помню Санкт-Петербург в те прекрасные времена, когда в Зимнем дворце еще жили его истинные хозяева.

Советские музыканты слушали, нервно переглядываясь друг с другом. Единственным иностранным языком, который был им хоть немного знаком, был итальянский, международный язык всех музыкантов мира.

– Да, деточка, – продолжало древнее создание, – в моей памяти живет Санкт-Петербург тех времен, когда он был гордым имперским городом, где дамы появлялись на балах в платьях, заказанных в Париже, а джентльмены носили визитки от лучших лондонских портных.

– Ну и заглохни, – злобно прошипел кто-то из студентов. – Умри.

– Послушайте, давайте обойдемся без политики, – забеспокоился Мэдокс и обратился к Полу: – По-моему они сейчас полезут в драку. Я этого не вынесу. Ради бога, отвлеките этих людей, задайте им какой-нибудь

вопрос. Что-нибудь нейтральное, безобидное.

Неожиданно для самого себя Пол встал и выкрикнул:

– А как насчет Опискина?

Аудитория потрясенно замолчала. Некоторое время стояла такая тишина, что было слышно тиканье чьих-то часов.

– Ну что же вы, – уже мягче проговорил Пол, – расскажите нам об Опискине. Мы хотим знать, что вы с ним сделали...

Ни за что на свете он не сумел бы объяснить даже самому себе, почему вдруг его так заинтересовал этот самый Опискин. Пол Хасси был заурядным торговцем антиквариатом, спокойно жил вместе с женой в Восточном Суссексе, а в Россию ехал с единственной целью – помочь кое-кому. Его никогда особенно не интересовала ни музыка вообще, ни композитор Опискин в частности. Ему даже показалось, что в тот момент им просто-напросто завладела странная высшая сила, и это именно она была чрезвычайно заинтересована в Опискине, а он просто повторял то, что ему было приказано.

– Опискин, Опискин, Опискин... – возбужденно заговорили все вокруг. Повторяемое одновременно десятками людей слово шипело вокруг Пола, как вырывающийся из многочисленных щелей пар. Он сел.

Зато встал товарищ Ефимович, тоже композитор, только обладающий еще более мощным телосложением и устрашающей внешностью, чем Коровкин. Этот уже, ничем не напоминая водопроводчика. Вероятно, он принадлежал к профсоюзу рабочих котельных и бойлерных. Он возмущенно погрозил кому-то кулаком размером с голову взрослого человека и оглушительно заорал. Быстро оправившись от шока, к нему присоединились и другие музыканты.

– Варвары! – вздохнул доктор Таерсис. – Вы можете представить себе великого Глинку, ведущего себя таким образом? Или Джона Филда?

Сквозь шум, создаваемый возмущенными музыкантами и оживленно галдящими студентами, слышался отчетливый и хорошо поставленный голос переводчицы, ни на минуту не забывающей о своих обязанностях.

– Формалистический уклонист! – бодро вещала она. – Дезертир! Перебежчик, подло предавший советское искусство! Отступник, умышленно искажающий образ Революции! Лакей!

Пол почувствовал, что кто-то осторожно похлопал его по плечу. Ну вот, началось. Значит, сейчас на него наденут наручники, возможно, даже закуют в кандалы, в которых он проведет остаток пути. Но это оказалась всего лишь Татьяна Ивановна, каютная горничная. Чудо что за девушка. Аппетитная, как сдобная булочка.

– Пожалуйста, – робко проговорила она, – врач, врач.

Пол сперва удивился, но потом вспомнил, что сам же просил судебного доктора зайти и осмотреть его жену, у которой на шее появилась странная сыпь. Он оставил ее в каюте и уговорил поспать, справедливо полагая, что сон лечит любые недуги, а сам отправился на музыкальный симпозиум. Вот он и явился. Пол вежливо поблагодарил горничную и направился вслед за ней к выходу из кают-компаний. Студенты, мимо которых он проходил, поглядывали на него весьма злобно. Аудитория продолжала публично разоблачать и осуждать Опискина. Впрочем, другой доктор, старый, сморщенный и бесполой, сидя в своей инвалидной коляске, весьма громко и авторитетно высказывал свою точку зрения:

– Если этот Опискин сумел привести в столь сильное негодование таких мелких людишек, как вы, он, несомненно, весьма достойный человек...

В средней части судна располагались в основном административные помещения. Стены были увешаны плакатами. На одном высились мрачные башни Кремля. На другом торжественно обнимались Хрущев и Юрий Гагарин, демонстрируя всему миру белизну своих зубов. Из-за двери доносился стрекот пишущей машинки. Очевидно, печатали завтрашнее меню. Скоро оно появится на своем обычном месте. Но уже сейчас можно безошибочно сказать, что в нем будет написано. На завтрак будет предложен рисовый пудинг, кровяная колбаса и красная икра. На обед – мясные фрикадельки с макаронами, а на ужин – жалкий кусочек тушеного мяса, гордо именуемый «украинское жаркое по-крестьянски». На сладкое каждому полагался один апельсин.

На следующем плакате Хрущев стоял один. «Маленький папа», задрал голову, смотрел на небоскребы Манхэттена.

Пол вошел в каюту и увидел сидящую на своей койке и сморщившуюся от боли Белинду. Девушка в дешевом и плохо сидящем платье, с массивными сережками в ушах осторожно смазывала ей покрытую сыпью шею. Интересно, а как она будет выглядеть, если ее одеть получше? Девушка, слегка приоткрыв рот, осторожно и аккуратно рисовала на шее больной замысловатую паутину. Но Белинда недовольно ойкала. Что поделаешь, истинная американка! У двери стояла еще одна русская девушка, симпатичная блондинка из Пскова по имени Лукерья. В своем городе она работала учительницей английского языка в школе. А на судне находилась с целью усовершенствовать свое произношение и пополнить словарный запас. Увидев Пола, она торопливо заговорила:

– Это врач. Сейчас она наносит на кожу вашей жены целебный лосьон,

сделанный в Советском Союзе. У вас в Англии ничего подобного нет. Это замечательное и высокоэффективное средство.

Пол сосредоточился и заговорил по-русски, четко выговаривая слова:

– Добрый день, товарищ доктор. Как вы поживаете?

– Врач поживает вполне нормально, – ответила Лукерья, – лучше спросите у своей жены, как она. Я имела в виду, как она себя чувствует, – добавила переводчица.

Пол вопросительно взглянул на жену.

– Я хочу получить пенициллин, – заныла Белинда. – В мою кровь попала какая-то инфекция. Спроси их, почему они не дают мне пенициллин. Ой!

Ее полная красивая грудь вздрогнула. Лукерья, бросив завистливый взгляд на изящную ночную сорочку, отреагировала довольно быстро:

– Она все время требует пенициллин. Надо полагать, потому что это английский препарат.

– Производитель медицинских препаратов здесь ни при чем, – поморщился Пол, – моя жена вовсе не англоманка. Она богатая (а значит, глубоко порочная) американка.

В этом месте Пол улыбнулся, увидел свою физиономию в висящем над умывальником зеркале и решил, что выглядит весьма глупо. Возможно, антиквары вообще не должны улыбаться?

– Да? – сказала Лукерья. – Я не знала. Я думала, ваша жена – англичанка.

Она разразилась длинной русской фразой, наверное, передала содержание разговора доктору. Та буркнула в ответ что-то неразборчивое. Лукерья сказала:

– Ваша супруга страдает от недостатка витаминов. Проще говоря, от плохого питания. – Она ободряюще улыбнулась. – Ну ничего, не расстраивайтесь. В Советском Союзе вы будете хорошо питаться. Она быстро поправится.

В это время доктор прекратила разрисовывать шею Белинды и начала сосредоточенно что-то смешивать в стакане.

– Нет! – хором воскликнули Пол и Белинда.

– Не могу поверить! – пробормотала Белинда.

– Вы ошибаетесь, – спокойно заговорил Пол. – Мы хорошо питаемся. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно просто на нас посмотреть.

Он улыбнулся, легонько похлопал себя по небольшому округлому животу и обернулся к жене. Яркий солнечный луч, заглянувший в иллюминатор, осветил пышную фигуру сидящей на койке Белинды.

– Этого не может быть, – повторил Пол. – Поймите, мы путешествуем первым классом, следовательно, отнюдь не бедствуем. Возможно, рабочий люд действительно плохо питается, но к нам это не относится.

– Пол, все-таки ты – идиот, – простонала Белинда.

Лукерья перевела все сказанное доктору. Та кивнула и протянула Белинде стакан с неприятным содержимым белого цвета.

– Вы должны это выпить, – перевела Лукерья.

– Она хочет меня отравить, – закричала Белинда, – потому что я – американка. А ты – кретин.

– Это была шутка, – уныло промямлил Пол, – о рабочих. А моя жена уже давно живет в Англии. Мы женаты больше двенадцати лет.

Наверное, пора прекращать эти шуточки.

Белинда покосилась на стакан и ожесточенно замотала головой. Она так плотно сжала губы, словно боялась, что жидкость выльют в нее насильно. Докторша пожала плечами и, отвернувшись, заговорила с Лукерьей. При этом она несколько раз употребила слово «аллергия».

– Аллергия? – удивился Пол. – Что за ерунда!

Но советские женщины его уже не слушали. Одна из них в мгновение ока переместилась к шкафу и начала вытряхивать из него одежду, а вторая принялась вытаскивать чемоданы.

– Мы должны осмотреть одежду вашей жены, – пояснила Лукерья. – Она носит что-то, оказывающее неблагоприятное воздействие на ее кожу. Конечно, дело может быть и в плохом питании, – пробормотала она, увлеченно перебирая висящие платья, – но мы обязаны все проверить. Мы не должны ничего упустить. Ничего.

Представительница советского пролетариата с наслаждением вдыхала сугубо капиталистические запахи одежды Белинды. А докторша в это время вытащила на середину каюты один из чемоданов и решительно произнесла: «Открывайте!»

Громкий стук в дверь зимней ночью, громкое: «Открывайте!», грязные сапоги, сжатые кулаки, склоненные головы. Не это ли случилось с Опискиным?

– Не знаю, где ключи, – заявил Пол, – и, кроме того, я решительно протестую. Черт побери, вы не имеете права рыться в наших вещах. Вы же не таможенники!

– Понятно, – сказала Белинда, – значит, все подстроено. Я вообще не верю, что она – доктор. Они обе из тайной полиции. Я так и знала, что все раскроется. Черт возьми, зачем я дала себя уговорить! Ой!

Видимо, сыпь ее сильно беспокоила. Хотя, возможно, теперь

неприятные ощущения вызывало то средство, которым ее смазали.

– Самый лучший способ развеять любые подозрения, – скороговоркой проговорил Пол, уверенный, что быструю речь Лукерья не поймет, – это ничего не скрывать. Считай это репетицией перед завтрашним спектаклем. Если все раскроется, это, конечно, будет очень плохо. Но убить нас они все равно не смогут.

Он вытащил связку ключей из заднего кармана и открыл старый, потрепанный голубой чемодан. Лукерья жадно заглянула внутрь. Десять дюжин дрилоновых платьев – половина общего количества – всевозможных цветов и оттенков: бледно-голубые, темно-синие, коричневые, лимонные, бледно-розовые, кроваво-красные, оранжевые. Две женщины на минуту позабыли о преимуществах советского образа жизни и завистливо вздохнули.

– Все это, – поинтересовалась Лукерья, – принадлежит вашей супруге?

– Да, – подтвердил он. – Видите ли, она любит часто менять платья. Очень часто. Дело в том, что она сильно потеет. Но думаю, что потери двух из них она даже не заметит. Не правда ли, дорогая?

Белинда не ответила. Он все время чесалась, морщилась и охала.

– Вот, пожалуйста, – сказал Пол докторше и сунул ей в руки платье густого малинового цвета, сделанное из химического волокна. Она не отказалась. – Подарок от благодарной пациентки. А это для вас. – Он протянул Лукерье такое же платье, только ядовито-красного цвета. – За доброту и бескорыстную помощь.

– У нас в Советском Союзе, – заявила Лукерья, прижав к груди платье, – пока нет таких вещей. Но скоро будут. Обязательно. Зато у нас бесплатная медицина и дешевый хлеб. И еще мы успешно покоряем космическое пространство, – поразмыслив, добавила она. – Это главное. А потом настанет черед и второстепенных вещей, таких, как красивая одежда. – Решив, что она успешно справилась со своей официальной миссией, Лукерья чисто по-женски с восторгом уставилась на яркую тряпку. – Хотя это платьице, конечно, очень миленькое.

Вслед за этим она объяснила не понимающей ни слова по-английски докторше, что платье ей вручили в благодарность за квалифицированно оказанную помощь, и в заключение добавила:

– Ваша супруга чрезвычайно добра и очень похожа на англичанку.

Глава 2

– У меня нехорошее предчувствие, – сказала Белинда, ерзая на койке. – Оно не покидало меня с момента отъезда, но сейчас особенно усилилось. Мне очень жаль, что мы приехали сюда. Мы не должны были соглашаться на эту авантюру. Я уверена: произойдет что-то ужасное.

Слово «ужасное» она произнесла очень по-американски. Создавалось впечатление, что ее понятие об ужасном не претерпело значительных изменений и осталось таким же, как было во времена ее далекого детства, проведенного в Амхерсте, штат Массачусетс. Потому что, если не считать нескольких несущественных мелочей, ее речь стала абсолютно британской, как и у любой бродвейской гранд-дамы. Правда, она продолжала жалобно охать. Видимо, ей все еще было больно.

– Но я думал, – пробормотал Пол, – что тебе очень понравилась идея сделать что-нибудь для Сандры. Она твоя подруга и вдова моего друга. Это же так просто.

– А ты уверен, – простионала Белинда, – что в Хельсинки, или Гельсингфорсе, или как там называется это проклятое место, на борт не поступило никакой почты?

– Во всяком случае, для нас ничего не было.

– Она могла бы прислать открытку, – сказала Белинда. – Обещала же поддерживать с нами связь. В конце концов, мы согласились сделать ей одолжение.

Пол молча покачал головой. Он сидел рядом с койкой на единственном имеющемся в каюте стуле, держа на коленях раскрытую книгу, одну из немногочисленных книг на английском языке, предлагаемых судовой библиотекой. (Боже мой, ну почему у них есть только Лондон и Кронин!) Он читал Белинде вслух, но ей явно было скучно, и мысли ее витали где-то далеко. Надо сказать, она не слишком увлекалась книгами, хотя, между прочим, ее отец был профессором английской литературы, специалистом по поэзии восемнадцатого века. Переработанное им для школьников «Похищение локона» А. Попа было подготовлено к изданию в день, когда родилась его дочь, поэтому ей и дали такое имя.

Пол тоже чувствовал некоторое смущение, скорее даже возбуждение. Ничего подобного с ним не происходило уже давно. Возможно, его растревожил равномерный гул двигателей, по необъяснимой прихоти судьбы сыгравший роль своеобразного стимулятора, или же сказалось

вынужденное воздержание. Но вероятнее всего, причиной было изрядное количество водки, выпитой им перед обедом. Каким-то образом она снова начала действовать, после невинного стакана чая с лимоном и окаменевшей сладостью, именуемой зефиром. Книга, которую Пол тщетно пытался читать, была длинным романом, написанным в духе социалистического реализма неким Т.С. Пугачевым, персонажи которой являлись советскими мужчинами и женщинами, то есть были все на одно лицо. Советская литература наверняка убьет сама себя из-за свойственных ей внутренних противоречий. Ах, пронизательный Маркс.

– Трагический, – вслух произнес Пол, – дуализм.

– Трагическое ничто, – резко возвестила Белинда, – кстати, и Сандра тоже ничего из себя не представляет. На расстоянии людей видно лучше. Представляешь, Сандра считает, что ей идет черный цвет. А ты заметил, сколько у нее перхоти! Кстати, знаешь, что я подумала... Мне кажется, Сандра убила (ой!) Роберта. Не верю я в сердечный приступ.

Пол снисходительно улыбнулся. Любопытно, почему женщины так ненавидят друг друга. Не всегда, правда, это заметно сразу, они научились ловко скрывать свои чувства. Но в конце концов тайное всегда становится явным. Хотя в данном случае всему виной, наверное, сыпь.

– Не говори чепухи, – успокаивающе улыбнулся он, – и не волнуйся, милая, скоро тебе станет лучше.

Он осторожно погладил руку жены, ее кожа была гладкой и теплой, как только что снесенное яичко. Вообще, привлекательность многих женщин так или иначе ассоциируется с едой. К примеру, Полу всегда казалось, что роскошные волосы Сандры имеют едва уловимый аромат поджаренного копченого бекона. А эта сыпь у Белинды, которая никак не проходит, хотя ее и смазали чем-то необыкновенно целебным, похожа на кипящую овсянку. Кстати, само слово «сыпь» произносится как «ломтик ветчины».

– Ночью мне не спалось и я много думала о Сандре, – сообщила Белинда. – Это не чепуха.

Придумывая небылицы о Сандре, Белинда отвлеклась от своих болячек, поэтому Пол мудро решил не мешать ей. Она села на койке, лицо оживилось, глаза засверкали.

– Вскрытие же не производилось! А человек днем раньше пребывал в добром здравии, ни на что не жаловался, вечер, как всегда, провел в пабе, а потом – ой! – Белинда вздрогнула. Боль никак не желала ее покидать. – А Сандра утром принесла ему чашку чая и – ой-ой-ой!...

– Дорогая, возможно, боль означает, что дело идет на поправку, – предположил Пол и добавил: – Не зря же говорят, что самое темное время

всегда наступает перед рассветом.

Здесь, на Балтийском море, летом не бывает по-настоящему темных ночей. В свое время Пушкин воспевал удивительную красоту белых ночей севера России. Еще на службе Пол твердо решил одолеть Пушкина и теперь честно пытался это сделать.

– Сильно чешется, – вздохнула Белинда и снова вернулась к столь заинтересовавшему ее предмету. – Однажды правда все равно станет известной. С тех пор как мы уехали, я только об этом и думаю. Помнишь, как все кинулись утешать бедную рыдающую киску Сандру, ставшую вдовой после войны? Все знали, что ее муж за десять дней, проведенных в самолете, шлюпке или еще где-то, заработал Крест за боевые заслуги и больное сердце. Поэтому сердечный приступ все посчитали совершенно естественным, и никто не удосужился проверить содержимое его чашки.

– Она же сразу же позвонила тебе. Ты бы и проверила.

– В тот момент я не могла и подумать! – сказала Белинда. – Сразу предположить такие кошмарные вещи довольно сложно. К тому же она наверняка постаралась замести следы и быстро вымыла чашку. Кроме того, она считалась моей подругой.

– Она и сейчас твоя подруга, – улыбнулся Пол, – ничего же не произошло.

– Она поклялась, что напишет мне хотя бы открытку. Я ей сказала название судна, адреса агентств, в общем, сообщила все необходимые сведения.

– Ну зачем же во всем видеть плохое? – вздохнул Пол. – Мы не так долго отсутствуем.

– Все равно, – капризничала Белинда, – она плохая подруга. И убийца.

Пол не смог сдержать усмешку. Воистину, женщины – восхитительные создания. А Белинда, широко раскрывшая свои огромные голубые глазищи, – самая очаровательная из всех.

– Ладно, – улыбнулся он, – если Сандра действительно убила мужа, то сделала это не из-за денег. Это уж точно. Если бы он имел хотя бы что-нибудь за душой, нас бы сейчас здесь не было.

Год назад, – продолжал Пол, – Роберт решил заняться не вполне законным бизнесом. Двадцать дюжин платьев из синтетического волокна, купленные оптом по тридцать шиллингов за штуку, были проданы им некоему П.В. Мизинчикову по пятнадцать рублей за каждое. Пятнадцать рублей даже по дикому курсу, устанавливаемому Госбанком, составляли шесть фунтов. Общий доход Роберта составил тысячу восемьдесят фунтов. Чистая прибыль (общий доход за вычетом стоимости билетов, расходов на

питание, выпивку и сигареты) – около тысячи фунтов. Доход Мизинчикова в его стране, рвущейся в космос, но не обеспечивающей население потребительскими товарами, никто не считал. Но положить в карман тысячу фунтов было довольно заманчиво. В России такие авантюры проходили без осложнений, не то что в законопослушной Великобритании. Год назад Роберт успешно провернул такую сделку. Он собирался повторить то же самое и в этом году. Но, увы, умер в спальне, набитой дрилоновыми платьями. Бедный Роберт, у него всегда было слабое сердце. Но это никого не интересовало при подготовке к очередной кровавой аванюре. Королевские вооруженные силы Великобритании – это не персонаж, придуманный специально для английских военных фильмов. Они защищали нашу благословенную страну, пока нам продавали суррогат свинины. – В голосе Пола зазвучала злость, еще больше возбудившая его желание.

Белинда по привычке не обратила на это внимания. Что касается сексуальной активности англоамериканок, здесь больше разговоров, чем дела. – Сандра способна обвести вокруг пальца кого угодно. Этаким ангелочек с пухлыми губками и пальчиком во рту. Если бы не она, я бы не лежала здесь и не испытывала такие ужасные страдания.

– Ты намного привлекательнее Сандры, – с придыханием проговорил Пол, пожирая глазами полуодетое тело жены. – Она – женщина совершенно другого типа. Тебе совершенно не о чем беспокоиться, мой ангел.

Сколько он еще сможет терпеть? Желание становилось нестерпимым. Но привычка – великая вещь. Спросите об этом любого тридцатисемилетнего торговца антиквариатом. И вы получите ответ, что дело должно происходить субботним вечером или воскресным утром. Чтобы была возможность восстановить работоспособность. Но субботний вечер обычно бывает очень занят. Молодожены всегда принимают гостей, а супружеские пары со стажем начинают присматривать временную замену партнерам. А по воскресеньям Белинда и Сандра ходили в церковь. Такие близкие подруги! А еженедельные визиты в церковь придали этой дружбе оттенок святости. Как было здорово, когда старый товарищ Пола, с которым они вместе служили, переехал в их город и открыл небольшой радиомагазин на соседней улице. Правда, его бизнес не процветал. Зато сколько приятных часов они провели вместе! Достаточно вспомнить долгие, веселые поездки по субботам, затягивавшиеся далеко за полночь, пиво в придорожных пабах (иногда можно было себе позволить даже джин, если у одного или у другого выдавалась удачная неделя) и пи к чему не обязывающие, зато жаркие поцелуи с меняющимися партнерами...

Обычные развлечения представителей среднего класса, владельцев небольших магазинов. Но теперь Роберта нет, его все-таки забрала война. Он мертв и кремирован. А Сандра нуждается больше чем в дружбе.

– Сыпь – это ужасно, – ныла Белинда. – По-моему, она расплзается по всему телу. Причем меня беспокоит вовсе не боль. Ой! Она ужасно выглядит!

Ну вот, опять: Амхерст, ночной кошмар некой Эмили Дикинсон.

– А что мы будем делать, если мне станет хуже? Мы так далеко от дома! – жаловалась Белинда. – Как жаль, что я согласилась ехать. Все мои мучения только из-за Сандры.

– Считай, что мы отдыхаем, и наслаждайся жизнью, как это делаю я, – твердо сказал Пол.

Правда, они оба весьма настрадались от морской болезни, захватившей их, пока судно шло к Скагерраку, но это не главное.

– Разве тебе не понравился Копенгаген? – спросил он.

Сильный ветер с песком в садах Тиволи, холодный полдень, теплый «Карлсберг».

– А Стокгольм?

Спокойное лютеранское воскресенье, вялая чайка, устроившаяся на голове Густава-Адольфа.

Но теперь Белинда лежала в постели с сыпью.

– Ты – моя индеечка, мое живое благодарение, – с чувством сказал он. Но все еще испытывал робость. – Думаю, я пойду приму душ.

У них был общий душ и туалет с пассажирами из соседней каюты, мрачными украинцами, до полуночи распевавшими свои печальные мелодии. Пол моментально разделся и на секунду замер, решая, что делать дальше. Мимо иллюминатора неторопливо прошествовали, оживленно чирикавая, две молоденькие блондиночки. Кажется, шведки. В каюту они не заглянули.

– Ладно, – сказал Пол, – душ может и подождать. Подвинься.

– Ты ничуть не изменился, – капризно протянула Белинда. – Месяцами не обращаешь на меня никакого внимания, зато сейчас, когда у меня эта ужасная сыпь, тебе приспичило...

– Ничего страшного, – нетерпеливо пробормотал Пол. – Она похожа на крошки от печенья. Двигайся скорее.

– Но мне же больно!

– Я не трону твою сыпь, моя дорогая, моя сладкая. Ты сводишь меня с ума. Я пьянею от завораживающего взгляда твоих прекрасных глаз, – шептал дрожащий Пол. – Знаешь, ты – настоящая американская красавица.

Интересно, они уже закончили обличать Опискина? Пол все-таки вспомнил, почему ему пришло в голову это имя. Это было как-то связано с Робертом. Но сейчас был явно неподходящий момент, чтобы занимать голову такими мыслями.

– Хорошо, – сказала она, продолжая лежать без движения, – ты сам напросился. Тогда я покажу тебе, что я хочу.

И показала.

– Ох, – воскликнул он, – боже мой!

Это было нечто волшебное, экзотическое, абсолютно аморальное и к тому же совершенно непохожее на его достаточно либеральные понятия о благопристойном достижении обоими партнерами полового удовлетворения. Пол считал себя достаточно образованным в вопросе полового воспитания человеком, в свое время он прочитал немало соответствующей литературы, но сейчас он испугался. Как это можно назвать? Сладострастным исступлением? Взрывной волной похоти? Возможно, льющаяся рекой водка, неизменный чай с лимоном и каменным зефиром как-то изменили их? Во всяком случае, Пол чувствовал себя вовсе не так хорошо, как хотелось бы. Откуда она набралась всего этого? Из книг? Но ведь она никогда и ничего не читает! Из разговоров? Но такие вещи вряд ли обсуждают даже самые близкие подруги.

Огромная и уродливая рыба появилась из бездонной пучины и проникла в их тихий водоем, чтобы поплавать. Уродливая? Почему? Ведь у рыбины было лицо Роберта. Нет, такого не может быть. Глупо даже думать об этом.

Он сказал:

– Невероятно!

Она ответила:

– Убирайся! Уйди отсюда! Оставь меня в покое!

Белинда застонала и начала всхлипывать. Не дождавшись реакции, она резко отвернулась, отодвинулась от него подальше и уткнулась носом в переборку.

Все еще обнаженный Пол присел на краю койки, шокированный, удивленный, довольный, ошарашенный, заинтригованный, озадаченный, возмущенный, охваченный ревностью. Он неожиданно вспомнил слова совершенно незнакомого человека, покупателя, пришедшего в магазин за металлической чесалкой для спины. Тот говорил о «первоклассном знании наиболее эффективных способов эротической стимуляции». Пол повернулся к Белинде, намереваясь задать множество вопросов, но она завернулась в простыню с головой.

Он легонько похлопал укрытую простыней аппетитную округлость, прикинув, что это должно быть, но, очевидно, не угадал. Белинда глухо вскрикнула, села и резко сдернула с себя простыню, представ перед ним обнаженной. Ее глаза метали молнии.

– Мне больно! Кретин! Все мужчины – неуклюжие и грубые животные...

В это время дверь, которую Пол забыл запереть, распахнулась и в каюту ввалился Егор Ильич.

Он вечно крутился в ресторане, предназначенном для пассажиров первого класса, но, казалось, не занимал никакой официальной должности на судне. В манере поведения Егора Ильича никогда не проявлялось подобострастие, поскольку это было запрещено режимом, наоборот, к пассажирам он относился по-семейному бесцеремонно.

Вот и сейчас он появился в каюте без стука, довольно ухмыльнулся, обзрев обнаженную фигуру дяди Павла, так он называл Пола, не обошел своим вниманием и грудь Белинды, а когда она юркнула под простыню, сказал: «Ага» и в знак одобрения поднял большой палец. Он был красив, но какой-то детской красотой, обладал очень красной, выдающейся вперед нижней губой и блестящими напыженными волосами, распространяющими запах крема после бритья «Макс Фактор». На нем был хорошо сшитый вечерний пиджак (у него был еще один, утренний) от Бертон или Джона Коле. Он был слишком смазлив, чтобы стать хорошей рекламой Советской России. Что касается политической системы, он, скорее всего, ее просто не понимал. Он показывал дяде Павлу фотографию своей семьи за рождественским столом, однажды в ресторане он даже позволил себе исполнить довольно смешную пародию на Хрущева, которого он называл «Большой живот». Кроме того, он был убежден, что спутники и космические корабли – пустая трата народных средств, а наиболее значительными достижениями Запада считал джин, принцессу Маргарет, быстросохнущие мужские рубашки, автомобильные гонки и мистера Гарольда Макмиллана. Сделав круг по каюте, он остановился возле койки и сказал: «Ужин через десять минут. Одевайся быстрее». Затем он потянул на себя простыню, и, когда из-под нее показалась красная физиономия Белинды, сообщил: «А ты оставайся в постели. Доктор велел. Ужин я принесу в каюту. Что я принесу? Красную икру, консервированные крабы, огурец, черный хлеб».

Пока Пол поспешно натягивал нижнее белье, Егор Ильич, явно чувствующий себя в каюте как дома, открыл шкаф и вытащил спрятанную среди одежды бутылку грузинского коньяка. Стаканы были у

него с собой. Он щедро наполнил два стакана, протянул один из них Полу и сказал:

– Твоей жене нельзя. Доктор сказал, что ей нельзя пить и курить. А нам можно. – Он чокнулся с Полом, сказал «За ваше здоровье!», после чего коньяк моментально исчез.

– За ваше здоровье, – машинально ответил Пол.

– Пол, – подала голос Белинда, – я не хочу.

– А тебе никто и не предлагает, – ответил Егор Ильич и снова наполнил стаканы.

– За ваше здоровье, – поднял стакан Пол.

И коньяк исчез.

– За ваше здоровье, – ответил Егор Ильич.

– Каждый день одно и то же, – неизвестно кому пожаловалась Белинда, – они думают, что мы печатаем деньги?

– Конечно, – согласился Пол. – За ваше здоровье.

– За ваше здоровье.

Бутылка уже опустела на три четверти. А красная нижняя губа Егора Ильича ярко заблестела. Он сказал:

– Мы уже заканчиваем, – и аккуратно разлил оставшийся коньяк в стаканы.

– Чертова свобода, – вздохнула Белинда.

Егор Ильич расплылся в улыбке, протянул Полу его стакан, точным броском отправил пустую бутылку в мусорную корзину и снова провозгласил:

– За ваше здоровье. За мир во всем мире! – Он проглотил содержимое своего стакана и довольно крикнул.

– Миру мир, – отозвался Пол. Он чувствовал, как на него наваливается тяжелый пьяный дурман.

– Какой позор, – ругалась Белинда.

Егор Ильич принялся наскакивать на Пола, весьма похоже копируя боксерскую стойку. Он с шутливой яростью размахивал кулаками, легонько касаясь своего соперника. С трудом ворочая непослушным языком, Пол сказал:

– На ужин я не иду. Через час принесешь еду сюда. Борщ, холодную осетрину, блины со сметаной.

Егор Ильич подмигнул, изобразил несколько фигур из своей пантомимы, изображающей Хрущева с маленькими девочками, изобразил замысловатое балетное на, поправил, заглянув в зеркало, галстук, послал воздушный поцелуй Белинде и танцующим шагом вышел из комнаты.

Пол окинул взглядом Белинду и заявил:

– Хорошо, а теперь все будет по-моему. Я приготовил настоящий английский ростбиф для избалованной американки.

Глава 3

Высота тридцать пять тысяч. До цели осталось пятнадцать миль. Наводка по лучу. Атака! Правый двигатель горит. Зенитным огнем снесло большую часть левого крыла. Связи нет. Хвостовой стрелок доложил, что интерком сдох.

Пол проснулся и с удивлением обнаружил, что лежит обнаженный и сильно вспотевший на маленьком красном диванчике у переборки.

Но они же вернулись домой, Роберт вернулся. А потом он слушал граммофонные пластинки (такие большие, тяжелые круглые штуковины, музыка на которых всегда сопровождалась шипением и очень быстро заканчивалась). Но при этом лежал полностью одетым на своей кровати.

Брамс, Шуберт, Шенберг, Прокофьев, Опискин, Бах...

Снаружи в каюту проникал слабый свет. Электроэнергию на судне расходовали очень экономно. Было темно и мрачно. Должно быть, уже очень поздно.

Пол сделал попытку взглянуть на свои наручные часы. Это единственное, что было на нем надето. Независимо от того, сколь безудержно он предавался распутству, часы всегда оставались на руке.

Кстати, а было ли оно, распутство? Пол сморщил лоб, но ничего не смог вспомнить. Оказалось, что уже без десяти двенадцать. Почти полночь. Он приподнял голову и посмотрел по сторонам.

На нижней койке спокойно спала Белинда, уютно устроившись среди многочисленных одеял. На столе стоял нетронутый ужин: неизменный хлеб, красная икра, заливная осетрина, в окружении аккуратных колечек огурца. Посмотрев на еду, Пол моментально почувствовал, что больше всего на свете хочет пить. Следующим было ощущение урчания в животе. Пол страстно возжелал чего-нибудь холодного и газированного, причем в большом количестве, и тут же вспомнил, что бар закрывается ровно в полночь.

Он вскочил, обтерся полотенцем, быстро оделся, не утруждая себя поисками расчески, причесался пятерней и вышел из каюты.

Наверное, ему не следовало тратить столько усилий на одевание, решил Пол через несколько минут. На судне все, должно быть, сошли с ума.

Мимо него неторопливо продефилировала девица, слегка покачиваясь на высоченных каблуках. Из одежды на ней, кроме туфель, не было ничего. Нет, постойте, кажется, у нее еще что-то было на голове.

Не в силах отвести взгляд от ее соблазнительно покачивающейся попки, Пол, как привязанный, дотопал за ней до конца коридора. Там было светлее. Лестничная площадка, оформленная в стиле рококо, на стене большая карта, по которой змейкой вился курс судна, направо – вход в бар, налево – в библиотеку, превращенную в храм майора Гагарина.

При нормальном освещении Пол сразу же увидел, что привлекавшая его внимание обнаженная девушка на самом деле была полностью одета. На ней была розовая пластиковая кожа, плотно прилегающая к телу от шеи до кончиков пальцев. Правда, разглядев, что костюм довершают монашеский чепец на голове и четки на талии, Пол слегка вздрогнул.

Держа руки на бедрах, девица приплясывала и кривлялась. Смех и веселье!

Немного растерянный Пол сделал попытку пробиться через толпу собравшейся здесь молодежи к бару. Он сообразил, что попал на костюмированный бал (конечно, ведь наступила последняя ночь путешествия), причем костюмы были сделаны с очевидной антиклерикальной направленностью.

Сутаны из простыней, монашеские одежды из одеял, накрахмаленные воротники поверх ночных сорочек и грязных пижам. Мужчины в большинстве своем были босыми, их физиономии были измазаны сажей и разукрашены помадой.

Пол, бормоча извинения, ввинтился в толпу и устремился к бару. Вокруг галдели девушки – ангелы в нижнем белье с весьма потрепанными картонными крыльями, непристойно одетые монашки с матерью-настоятельницей, открыто демонстрирующей обнаженные бедра. Абсолютно пьяный юноша с бородой и проволочным нимбом вокруг головы судорожно сжимал в руках стакан и бутылку.

Пол с трудом пролез через живописную толпу, толкнул дверь бара, на которой висела табличка, извещающая, что в последнюю ночь путешествия сие питейное заведение открыто до часу, и устремился к стойке. Все пассажиры первого класса, очевидно, уже спали, поэтому бар оккупировали студенты, путешествующие третьим и четвертым классом.

Пол с трудом пролез между юнцом, на голой спине которого был нарисован крест, и весьма натурально грязным монахом и вежливо сказал:

– Извините, мне очень срочно.

Монах прошипел:

– А мне насрать, Опискин.

– Извините, – начал Пол, – я не совсем понимаю...

– Мы там были и все слышали, – сообщил монах со стаффордширским

акцентом, – как ты защищал этого ублюдка.

– Послушайте, – сказал Пол, – я только хочу...

– Да? – рядом возник бармен, угрюмый здоровяк, очень похожий на монгола, в легкомысленной рубашечке с короткими рукавами. – Что вы хотите?

– Пиво, – сказал Пол, – похолоднее, пожалуйста.

Студенты весело рассмеялись, после чего Полу вручили бутылку теплого пива.

– Стаканов нет, – сообщил бармен и пожал плечами.

– Черт побери! – возмутился Пол. – Я пассажир первого класса и имею определенные права!

Студенты снова рассмеялись. А тот, у которого на спине был нарисован крест, сообщил:

– Ты не туда попал, папаша, здесь бесклассовое общество.

Пол на одном дыхании высосал теплый напиток и ехидно переспросил:

– Да? Тогда странно, почему так сильно отличаются цены на билеты?

Аудитория вокруг возмущенно загудела, а Пол нервно усмехнулся. Все же вокруг было слишком много демонстрирующих свое атеистическое мировоззрение неотесанных парней, причем все как на подбор обладали атлетическим телосложением. Пожалуй, он купит еще одну бутылку пива и уйдет к себе. Изъясняющийся со стаффордширским акцентом монах заявил:

– Всех буржуев надо бить в морду, – потом взглянул на кого-то, стоящего у Пола за спиной, и добавил уже другим тоном: – Мисс Траверс, это парень, защищающий Опискина.

Пол вытер мокрую щеку (его излишне эмоциональные собеседники имели обыкновение плевать при разговоре) и увидел сухопарую девицу далеко не первой молодости (лекции читает, что ли?), готовую ринуться в бой. Она была полностью одета, но тем не менее выглядела совершенно непристойно: тощие, волосатые ноги, прыщавая, не слишком чистая шея, грязная рубашка с пятнами от губной помады.

Продемонстрировав сильный манчестерский акцент, мисс Трэверс сказала:

– Так, значит, это были вы? Товарищ Коровкин очень расстроился. Ему даже пришлось лечь после ужина, и он не смог прийти и поиграть на пианино в музыкальном салоне. А ведь люди ждали его, чтобы потанцевать. Вы его совершенно вывели из себя. Неужели непонятно, что такие действия не способствуют развитию и укреплению наших

отношений? Все-таки они – хозяева.

Пока она говорила, студенты, столпившись неподалеку, жадно внимали ей, разинув рты. Очевидно, она пользовалась непререкаемым авторитетом у собравшихся.

– Что за чепуха, – поморщился Пол. – Я считаю, что они стремятся побольше получить, ничего не давая взамен. Лично я плачу им изрядную сумму в фунтах стерлингов, а за что? Тоже мне хозяева.

Неожиданно он снова почувствовал дикую жажду. Он сделал большой глоток пива и увидел, как внимательно следят студенты за его движениями.

У одного из студентов на шее болталась табличка с надписью: «Хочешь в морду?»

– Между прочим, – развязно поинтересовался он, – а зачем ты едешь в Россию, парень?

Сегодня Полу уже задавали этот вопрос, только делал это более интеллигентный человек. Полу очень захотелось, чтобы этот человек немедленно оказался рядом и в два счета разделался с прыщавыми юнцами. Только помощи ждать было неоткуда, и Пол ответил:

– Думаю, это мое дело.

– Ах, вот как, – ответствовал дружный хор голосов.

– Ах, вот как, – повторил мальчик, вырядившийся епископом, злобно покосившись на Пола. – Мы так и думали. Все под завесой тайны. Тебя наверняка направила к нам какая-нибудь тайная американская организация, возможно даже проповедующая расовую дискриминацию. Его мадам – настоящая янки, – сообщил он товарищам. – Она пытается скрывать этот позорный факт, но нам все известно. Кстати, а где она сейчас? – требовательно спросил он и ткнул Пола кончиком епископского посоха, сделанного из длинной ручки от метлы.

– Моя жена здесь ни при чем, – процедил сквозь зубы Пол. Он пытался сохранить спокойствие и только еще сильнее сжал горлышко бутылки.

– Послушайте, – воскликнул «отец церкви» откуда-то сзади, – он наверняка один из приверженцев насилия, последний оплот гибнущего режима.

– Именно такие распутники, как ты, – заявил монах-атлет из Стаффордшира, – сводят на нет всю нашу работу. Мы едем к нашим товарищам, преследуя благородную цель научить их английскому языку, а также изучить их лингвистику. Но появляются такие, как ты, и вся наша работа летит псу под хвост. Ты ведь веришь в войну, не так ли? То-то и оно. Вам всем мало одной Хиросимы, вы хотите еще. – С этими словами он схватил Пола за лацканы пиджака. – Между прочим, мы больше не будем

участвовать в ваших грязных войнах. И вообще, от вашего поколения нам достались только одни неприятности.

Он отпустил Пола и демонстративно отряхнул руки.

– Давайте вернемся к Опискину, – вмешалась мисс Трэверс. – То, что он сделал, является совершенно осозанным, преднамеренным и абсолютно порочным актом.

Она говорила тоном, свойственным лекторам из Просветительной ассоциации рабочих Великобритании.

– Я имею в виду пресловутую «Акулину Панфиловну», которая не вызывает ничего, кроме отвращения, у любого порядочного человека. Этот проныра даже послал партитуру Костолетте в Милан, мы все, разумеется, знаем Костолетту. Ее даже поставили в Ковент-Гарден. Впрочем, что я говорю, вы наверняка там были. Вероятно, даже на премьере.

– Я даже не знаю, что это, – немного растерянно признался Пол, – поэтому я совершенно не понимаю, о чем идет речь.

– «Акулина Панфиловна», – сообщила мисс Трэверс, – это опера. Если, конечно, можно назвать эту насквозь реакционную мешанину оперой. Ее героиня – ленинградская проститутка. Нет никакого сомнения, что в Москве, Ленинграде, Киеве, так же как и в других советских городах, нет никаких проституток.

Выступая с лекцией перед аудиторией, мисс Трэверс явно чувствовала себя как рыба в воде. Псевдомонахи и псевдоангелы разом замолкли. Они внимательно слушали, напряженно сопя аденоидными носами.

– Автор имел в виду, что ленинградская проститутка символизирует современную Россию. О, этот двурушник очень умно все преподнес. Слушая оперу, сразу и не поймешь ее глубинный смысл.

В этом месте слушатели громко захохотали, но были быстро призваны к порядку.

– Тем не менее неистребимый русский дух, как всегда, торжествует, и все, что происходит на сцене...

– Звучит довольно интересно, – сказал Пол, – жаль, что я пропустил эту вещь.

Мисс Трэверс хихикнула.

– Действие происходит в наши дни. Автор хотел сказать, что Акулина Панфиловна живет здесь, среди нас, отрицая принципы коллективизма и проповедуя порочные идеи индивидуализма.

– Ладно, я понял, – отмахнулся Пол.

– А ты заткнись, – выкрикнул монах, – когда мисс Трэверс разговаривает.

– Автор – подлый двурушник, – повторила мисс Трэверс, – и нет ничего сатирического в его концепции характера главной героини, ни в музыке, ни в либретто. Острие сатиры направлено лишь на государственных деятелей, являющихся клиентами проститутки.

– А кто написал либретто? – поинтересовался Пол, решив, что обязательно должен послушать эту занимательную вещь. Придется попросить мисс Трэверс записать ему на бумажке имена.

– Некто Русапетов, – громко и негодуя рывкнула мисс Трэверс. – Теперь он служит конторским чиновником в Охотске. Это наверняка охладит его пыл.

Мисс Трэверс была вполне искренней, выступая в роли яростного обвинителя, и Пол никак не мог понять почему. С виду она казалась обычной, в меру образованной представительницей среднего класса. Таких в Манчестере великое множество.

– А как насчет Опискина?

– Послушай, – угрожающе нахмурился мальчик-епископ, – ты уже задавал сегодня этот вопрос. Мы больше не желаем ничего об этом слышать, понял? Если тебе хочется поболтать, отправляйся к себе подобным. К янки, например, – фыркнул он.

– Ты сам знаешь все об Опискине, – проревел монах. – Можешь не признаваться, мы и так знаем, что Опискин – твой приятель.

– Был, – поправила мисс Трэверс, – был приятелем. Теперь он мертв, и вам это отлично известно.

– Я не знал, – сказал Пол, – я вам все время пытаюсь объяснить, что я ничего об этом не знал. Честное слово.

Помимо его воли где-то в тайных глубинах его сознания начали появляться странные образы, кривые, искаженные.

– Вы же сами сегодня вечером намекали на то, что Опискина убили, – заявила мисс Трэверс.

– Он был убит? – удивился Пол и немедленно получил весьма чувствительный удар по голове. Он потер ладонью затылок, повернулся к обидчику и угрожающе взмахнул зажатой в руке бутылкой. – Эй, ты, имей в виду, я не собираюсь терпеть подобные выходки!

Студенты моментально отодвинулись на безопасное расстояние. Граммов сто пива выплеснулось из бутылки и испачкало Полу рукав. Все засмеялись, включая и бармена-монголоида.

– Для начала заткнись, – проворчал Пол.

– Ну вот, опять, – громко заявил тощий юнец, напяливший на голову странное сооружение, в котором с трудом угадывался головной убор

католических священников, – во всем виноваты рабочие.

– Я ухожу, – сообщил Пол, которому неожиданно стало скучно. – По-моему, все, что вы здесь затеяли, весьма дурно пахнет. От лица всех пассажиров первого класса я решительно протестую против этого вопиющего богохульства. Вы унижаете нас всех. К тому же вы отстали от времени.

– Посмотрите-ка, – принялся кривляться студент, одетый священником, – оказывается, он за словом в карман не полезет.

Но остальные хранили мрачное молчание.

– Раньше еще можно было понять эти дешевые насмешки над опиумом для народных масс. Вы сможете сами убедиться, что сейчас в Советском Союзе многое изменилось. И к религии там теперь другое отношение, значительно более либеральное.

– Тем хуже для Советского Союза, – раздался громкий, хорошо поставленный голос. Говоривший был точной копией знаменитого монаха Чосера, такой же лысый и безбородый.

Гомосексуалист, подумал Пол, никакого сомнения. Затем он повернулся к мисс Трэверс:

– Вы специализируетесь в области музыки, не так ли? Вы знаете все работы Опискина?

– Разумеется, – высокомерно кивнула она, – я должна, вернее, должна была знать их все. Я писала о нем статьи для журнала «Музыка». Его и тогда уже осуждала вся прогрессивная общественность, но глубокие знания всегда помогают придать осуждению должный вес. А что вы хотите узнать? – поинтересовалась она, широко расставив свои ужасные ноги.

Аудитория восхищенно внимала ее словам.

Искаженные образы начали понемногу приобретать реальные очертания. Только что приземлившийся Роберт, он сам, никогда не летавший, русские курсы в Финтри... Понятно, требовалось воплотить в жизнь планы налаживания более близкого сотрудничества с русскими, но почему из всех возможных мест выбрали именно Финтри? И бурная реакция Роберта, слушавшего заигранную пластинку. Оказывается, музыка может черт знает что сделать с человеком, причем менее чем за четыре минуты.

– У него должна быть одна вещь, насколько я помню, – пробормотал Пол, – где все музыкальные инструменты на первый взгляд звучат весьма нестройно, пианино, клавесины, колокольчики, ксилофоны – каждый сам по себе. И только через какое-то время понимаешь, что сквозь какофонию звуков пробивается величавая мелодия колокольного перезвона.

Пол задумался, пытаясь припомнить запомнившуюся вещь.

– Есть у него такая вещица, – сразу же ответила мисс Трэверс. – Называется она «Колокол», опус 64. Уже тогда его талант начала разъедать ржавчина, и его творчество оказалось изъеденным отвратительными жуками формализма. А ведь его предупреждали, но он продолжал упорствовать и проводил недопустимые в музыке эксперименты со звуками. Причем все это он проделывал в то время, когда его родной город самоотверженно сражался с немецким фашизмом. И этот композитор не сделал ничего, чтобы поддержать сограждан в суровую годину испытаний, воодушевить их. Именно тогда были заброшены семена, которые попали на благодатную почву и впоследствии выросли в предательство.

Несколько студентов заплодировали.

– Что вы имели в виду, – спросил мальчик-епископ, – когда говорили, что в Советском Союзе сейчас все не так, как раньше? Вы здесь уже бывали?

– Роберт побывал здесь в прошлом году, – ответил Пол. – Я хотел сказать, здесь был мой близкий друг. Роберт.

И тут он отчетливо вспомнил ту самую работу Опискина. Колокола. Казалось, он отчетливо слышал странные, величавые звуки. Но это длилось недолго.

В группу людей, столпившихся у стойки бара, с шумом ворвалась девушка, одетая падшим ангелом: бриджи, черные чулки, бюстгальтер, разрисованные крылья, сделанные из картонного ящика от сыра, симпатичное юное лицо грубо размалевано. Только ее юную прелесть не смог обезобразить даже этот отвратительный атеистический маскарад.

Она завопила:

– Мисс Трэверс, скорее, мистер Коровкин уже наверху. Он пришел поиграть на пианино. Пойдемте скорее, будем танцевать.

– Товарищ Коровкин, милая, – назидательно проговорила мисс Трэверс и коснулась уродливым пальцем точеного плечика девушки. – Что ж, отлично, значит, ему стало лучше.

– Слушайте, – воскликнул мальчик-епископ и картинно указал импровизированным посохом в сторону Пола, – по-моему, мы должны как следует проучить этого парня.

– А ну его, – отмахнулся стаффордширский монах, – оставим его испытывать муки нечистой совести.

– Общая исповедь, – объявил фальшивый священник, но без юмора в голосе, – покайтесь-ка, почему мы все не танцуем?

Полу почему-то вдруг показалось, что он действительно должен быть

наказан, что это правильно и справедливо. Какие-то голоса внутри него нашептывали, что наказание всегда следует принимать с благодарностью. За все надо платить. Может быть, тогда ему станет легче, он избавится от чувства вины перед Робертом, которого эти монахи называли Опискиным. Все правильно. Все хорошо. Он сказал:

– Мне все равно. Но когда впервые приезжаешь в чужой город, надо прилично выглядеть.

Внезапно он почти полюбил этих потных, распущенных юнцов. А девушка-ангел, казалось, освещала всех присутствующих небесным сиянием. Что поделаешь, молодежь. Они сами не ведают, что творят. Кроме мисс Трэверс, конечно. Она точно знала, что делает. Он заискивающе улыбнулся.

– Клянусь, – сказал один из студентов, бывший, по выражению Дилана Томаса, кем-то вроде Джека Христа, – он не такой уж пропащий парень.

Я хочу сказать, – добавил он, – что этот тип, конечно, не прав, но он это признает. Поэтому его следует отпустить.

– Все идут танцевать! – пропела девочка-ангел.

Каждая вещь содержит свою противоположность. Стаффордширский монах хрюкнул и сказал:

– Что ж, если мы собираемся идти танцевать, давайте признаемся честно. Те пластинки, которые они ставят, хороши только для лягушатников. Мы под них можем только водить хоровод вокруг майского дерева. Если, конечно, в Советском Союзе есть майское дерево.

– У них есть майские праздники, – вмешалась девочка-ангел. Ее голосок звучал чисто и звонко, как в пасторалях.

– ...Но больше ни на что они не пригодны. Я вам скажу откровенно, – продолжал бубнить монах, обращаясь теперь к мисс Трэверс, – кое-что в Советском Союзе кажется мне весьма старомодным.

– Мода, – бодроотреагировала мисс Трэверс, – понятие буржуазное.

На лице монаха неожиданно отразилось раздражение и усталость.

– Хорошо, – сказал он, – тогда давайте выпьем, а потом уж пойдем.

Студенты наперебой стали предлагать Полу выпивку. Он согласился на коньяк. Но Пол точно знал, что абсолютно все заключает в себе свою же противоположность. И если он немедленно не отправится в каюту, то очень скоро начнет скандалить. Тем не менее он дал себя вовлечь в веселое шествие и направился вместе со всеми в музыкальный салон. Там танцевали все: священник с монашкой, святой с мучеником, монахи друг с другом. Товарищ Коровкин, вполне довольный жизнью, наигрывал приятную мелодию в стиле двадцатых годов. Пол некоторое время молча

таращился на танцоров, потом сказал монаху:

– А я все равно считаю, что это – дурной вкус. – Он указал на «Джека Христа», который увлеченно плясал, осеняя крестом партнера.

Монах ответил:

– Если честно, то я с вами согласен. Все дело в воспитании. Большинство из нас – унитарии. Мой отец, к примеру, был чрезвычайно строг. Но если кто-то начинает, остальным приходится присоединяться. Иначе на тебя начнут показывать пальцами.

– А кто подал идею?

– Тот древний доктор в инвалидном кресле, который все время ездит в Санкт-Петербург. Он будто явился к нам из поэм Киплинга.

– Боже мой!

– А я люблю Киплинга, – заявил монах, – он гениально предвидел конец всего.

– Я имел в виду совсем другое, – прошептал Пол.

– Понятно. Можно сказать, он специально подбил нас на это мероприятие? Просто не ушел из кают-компаний, когда мы там заседали. Сказал что у нас кишка тонка пойти на такое. А теперь не явился посмотреть, что мы натворили. Мне кажется, – он понизил голос, – что это очень важный советский агент. Замаскированный. Он здесь за всеми следит. Очень умные люди живут в России.

Глава 4

– Мне бы это понравилось, – сказала Белинда, – я не танцевала уже целую вечность.

Бал безбожников не привиделся Полу в дурном сне.

– Капитан лично, – сказал молодой датчанин за завтраком, отправив в рот большой кусок колбасы, – пришел в два часа ночи и прекратил веселье.

Датчанин активно жевал, умудряясь при этом еще и широко улыбаться. Было отличное солнечное утро, юноша был здоров и бодр, с аппетитом поглощал сытный завтрак, в общем, имелось достаточно поводов, чтобы наслаждаться жизнью. Во время рейса Пол видел капитана всего один или два раза. Это был некто П.Р. Добронравов, мужчина средних лет с восточным разрезом глаз и резко очерченным ртом.

– Нам дали понять, что официальную установку на атеизм, то есть на безбожие, никто не отменял, но тем не менее следует соблюдать приличия, – проявил осведомленность довольный жизнью датчанин.

Пол склонил голову над своей тарелкой с остывшим рисовым пудингом.

– Оказывается, третий помощник капитана Корейша доложил об увиденном им бесстыдстве на мостик. Понимаете, у русских теперь нет официальной религии, но тем не менее они люди высокой морали.

Кроме молодого датчанина в это утро вместе с Полом за столом сидел польский инженер, никогда не носивший галстука (очевидно, этого предмета мужского туалета у него просто не было), три его сына и толстая жена, которую он даже во время еды пожирал глазами. Именно поляк распустил слух, что Пол насильно запер свою жену в каюте.

Белинда чувствовала себя лучше, хотя сыпь все еще не прошла. Был самый разгар дня. Пассажиры разбрелись по своим каютам. Судно стояло на внешнем рейде Ленинграда. На борту работали таможенники.

Запертые в небольшом пространстве своей каюты, они напряженно ждали. Пол нервно курил, стараясь справиться с дурными предчувствиями. Вот-вот послышится топот сапог, затем резкий стук в дверь, после чего каюта наполнится людьми в форме, которые начнут задавать каверзные вопросы на безукоризненном английском. Пол уже давно заполнил все необходимые бумаги, перед ним лежала таможенная декларация, содержащая совершенно неверные сведения. Он ехал в Россию как преступник. А русские – люди высокой морали.

– И, – сказала очень красивая Белинда, – не думаю, что в этом людском раю будет весело. Шахматы, не так ли? Шахматы и чай из буфета. – Истинная дочь Массачусетса, она употребляла слово «чай» в качестве бранного. – Качающиеся столы – продолжила она, растянув губы, чтобы покрыть их помадой, – стук шарика от пинг-понга и запеченные бобы с гренками.

Вот оно, единство противоположностей: родина печеных бобов – Бостон, она их вдоволь наелась в детстве. А Европа, охваченная войной, тогда казалась такой далекой и загадочной... Чтобы попасть туда, ей пришлось надеть форму Красного Креста, то есть пройти через чужую боль, кровь, грязь и нечеловеческую усталость. Правда, форма шла ей необыкновенно. Белинда была в ней чрезвычайно хорошенькой и очень американкой. Она решила, несмотря ни на что, остаться в Англии и устроилась секретаршей в «Тайм-Лайф» на Бретон-стрит, где и работала, пока Пол не женился на ней. Он очень любила старые вещи. Благодаря этой любви она и познакомилась со своим будущим мужем.

В то время Пол работал менеджером у Ф. Тайсона в магазине Кьюрио в Ричмонде и продал ей старинную медную формочку для пудинга. Фирма «Пол Хасси. Предметы антиквариата и роскоши» в городке Винчелмарш, Восточный Суссекс, была впоследствии открыта главным образом на ее деньги. Она получила неплохое наследство от матери.

Но кроме того, Пол, несомненно, очень любил жену. Она была старше его на три года и стала не только женой, но одновременно и матерью, и старшей сестрой. Он была очень красивой и вовсе не старой. Во всяком случае, ей следовало находиться не среди антиквариата. А если уж говорить об античных древностях, она вполне могла занять место языческой богини.

– А затем бодрая проповедь в десять часов, – продолжила она, все еще не закончив процесс окрашивания губ. Поэтому слова она произносила тягуче и не слишком внятно, – падре всегда наготове. – Он закрыла тюбик с губной помадой и бросила его в сумку. – И мальчики будут стараться пить чай потише, чтобы не заглушить Слово Божье.

– Дорогая, – улыбнулся Пол, – СССР здесь ни при чем.

Тем не менее он отлично понимал жену. Серьезный подход, руководство и наличие идеологической базы во всем, даже если речь идет о вкусе печеных бобов. На коленях Пол держал переведенного на английский язык «Доктора Живаго». Это был весьма хитрый ход с его стороны. Запрещенная литература. Он предусмотрительно положил книгу так, чтобы ее заголовок не остался незамеченным советскими официальными лицами.

Он надеялся, что таможенники конфискуют книгу и позабудут о дрилоновых платьях.

– Си Си Си Пи, – сказала Белинда, с интересом поглядывая в иллюминатор. Балтийское море было залито ярким, теплым солнцем, почти как Средиземное. Вокруг сновали небольшие суденышки. Загорелые моряки на них заразительно смеялись и махали пассажирам. Воистину серп и молот на развевающемся красном флаге перестали быть мрачной эмблемой рабского труда, теперь они больше напоминали эмблему фаллического культа, принятую у индусов. А немного подальше величаво раскинулся главный северный город России.

– А вот еще, – снова заговорила она, – кажется, они называют это траулером, а буквы написаны на стрелах... или... ну, не знаю, что это такое.

Белинда выросла в материковой части Американского континента. Ее заинтересовало сокращение – СССР, она некоторое время напряженно размышляла, нахмутив свои очаровательные брови, но не смогла его расшифровать.

– Мир исчезает, – в конечном итоге заявила она, – остаются одни только инициалы. Суп из крекеров... алфавитных. (Белинда скаламбурила. Крекер – прозвище белых бедняков на юге США.)

– Их буква С соответствует нашей S, – начал объяснять Пол, – а их буква Р – это наше R. Получается СССР, или Союз Советских Социалистических Республик.

– У нас за домом, – сказала Белинда, – рос огромный старый дуб. На нем все кому не лень вырезали надписи сплошь из инициалов. «Дж.Б.В. любит Л.Дж.» «Б.Х... любит С.» Забавно, раньше мне казалось, что так и должно быть. Дьявол, зачем все это? – Она неожиданно надулась и бросила злобный взгляд в иллюминатор, за которым сиял ясный солнечный день. – Сука, – с чувством добавила она.

Пол не разобрался, что именно ее так разозлило, и снова принялся объяснять жене структуру русского алфавита.

– Я не про буквы спрашиваю, – пожаловалась она, – просто должна была прийти открытка. – Еще раз весьма неодобрительно взглянув в иллюминатор, она решительно встала. – Черт, мне надоело. Я выхожу. По какому праву они позволяют себе так с нами обращаться! Почему я должна безвылазно сидеть в каюте? Я иду поговорить с этим, как его, Строгановым. На борт уже давно должна была прийти почта.

Она резво направилась к двери и открыла ее. Тут же раздался встревоженный женский голос:

– Нельзя, нельзя!
– Что она бормочет? – возмутилась Белинда.
– Она говорит, что выходить из каюты нельзя.
– Что за детский сад! – громко возмутилась Белинда, но тем не менее быстро вернулась в каюту, словно ее прогнали из коридора кнутом.

Насупясь, она сделала несколько быстрых шагов взад-вперед по каюте, потом закурила длинную тонкую сигарету, выдохнула ароматный дым Полу в лицо и снова заговорила:

– Думаю, я должна тебе кое-что сказать.

Пол взглянул на жену, мягко улыбнулся и показал на букву С в фамилии Пастернак.

– Слушай, ну что ты привязался ко мне со своими буквами!

Как раз в этот момент раздался негромкий стук в дверь и в каюту вошел таможенник. Сердце Пола болезненно сжалось и заныло.

– Добрый день.

После недолгого общения с русскими моряками Пол пришел к выводу, что ему придется их полюбить. Теперь, встретившись с первым сухопутным русским, он убедился, что не ошибся. Ну разве можно бояться или ненавидеть этого замотанного клерка в плохо сшитой и отвратительно сидящей форме офицера-таможенника? (Конечно, следует принять во внимание, что сейчас разгар лета, впечатление от зимней формы может быть совершенно иное.)

Это был невысокий человек среднего возраста с усталым, перечеркнутым ранними морщинами лицом. Было видно, что его одолевали многочисленные заботы. Пол мог легко себе представить, как этот человек приходит домой после окончания длинного советского трудового дня, его встречает сальный поцелуй жены, бульканье самовара и мерзкий запах свеклы на кухне. Ему навстречу выбегают дети, чтобы поприветствовать своего повелителя. В общем, этот человек обременен большой семьей.

Он предложил им открыть чемоданы.

– Мы все это носим, – нахально заявил Пол, – по крайней мере, моя жена. Это ее платье.

Таможенник с интересом рассматривал гору платьев, от которых исходил слабый запах какой-то химии.

– Все дело в том, что она потеет, – сообщил Пол, потом повторил по-русски отдельно слово «пот». Оно почему-то показалось ему вульгарным, и он решил сформулировать мысль иначе – «потение».

Таможенник понял и даже произнес это слово по-английски.

– Я немного беспокоюсь об этой книге, – пошел в наступление Пол и

сунул таможеннику под нос известный русский роман. – Я могу ввезти ее в Советский Союз?

Таможенник взглянул на книжку без всякого интереса, потом нехотя пролистал страницы, словно искал спрятанный между ними старый трамвайный билет. В конце концов он изрек:

– Можно.

Потом он вернулся к платьям и принялся их медленно и аккуратно перебирать, пересчитывая. Именно так обращаются с вещами работники китайских прачечных. Платья громко шуршали.

– Боже мой! – воскликнула Белинда.

Затем, к своему огромному облегчению, Пол увидел, что таможенник не заинтересовался платьями. Он принял версию о повышенной потливости Белинды с прямо-таки оскорбительной готовностью. Он определенно искал что-то еще. Полу оставалось только гадать, что ему надо, пока толстые советские пальцы копались в его чемоданах. В конце концов он извлек на свет божий два тюбика стоматологического клея, один был полный, а другой почти пустой.

– А! – торжествующе воскликнул он. – Я так и знал! Наркотик!

– Нет, что вы, – улыбнулся Пол, – это специальное вещество, чтобы можно было поставить на место случайно слетевший зубной протез. Понимаете, у меня вот здесь, внизу, в центре, не хватает четырех зубов. Мне сделали протез. А когда жуешь резинку, да и не только ее, он иногда соскакивает. Приходится возвращать на место. И это своего рода клей, чтобы он держался.

Таможенник с недоверием разглядывал странные тюбики.

– Зубной врач сделал протез, – повторил Пол, – а в тюбике – клей, чтобы закрепить его во рту, если он выпадет.

Белинда весело расхохоталась, продемонстрировав свои ослепительно белые зубы.

– Я из-за тебя их потерял! – возмутился Пол.

И это было чистейшей правдой. Это произошло во время их совместного отдыха во Франции. Однажды Белинда решила, что у нее аппендицит, и потребовала, чтобы Пол немедленно отвез ее к доктору. Пришлось позаимствовать мотоцикл и мчаться сломя голову в больницу, причем, как выяснилось, по полосе встречного движения. Там он и врезался в ехавший навстречу «рено». Получилось, что доктор потребовался Полу, потому что аппендицит Белинды оказался плодом ее не в меру разыгравшейся фантазии.

– Наркотик, – продолжал настаивать таможенник.

– Нет, нет, – громко запротестовал Пол. Он попытался объяснить, что находится в тюбике, с помощью жестов, но смог только плотно сжать зубы, а потом помахать кулаком перед своей челюстью.

Таможенник пожал плечами. Что это еще может быть, если не какой-нибудь наркотик. В любом случае, он решил, что безопаснее всего будет конфисковать непонятный предмет. Причем, отправив оба тюбика в карман, никаких угрызений совести он не чувствовал.

– Но что я буду делать, – воскликнул Пол, – если чертов протез снова вывалится?

Пребывая в возбужденном до крайности состоянии, Пол протянул руку к карману таможенника, намереваясь заполучить свою собственность обратно, но строгий дядюшка крепко, хотя и не грубо, ухватил запястье нарушителя и отвел его руку в сторону. Белинда снова расхохоталась.

– Черт возьми, я же не достану никакой замены. У вас в России нет ничего подобного! И я ничего не смогу. А проклятая штуковина долго не продержится! – Сообразив, что сказал лишнее, Пол залился краской. Что ж, возможно, вчера после изрядного количества русского коньяка не было никакого староанглийского ростбифа для изнеженной американки. Он ни о чем ее не спросил, она тоже промолчала. Вероятно, настоящий отдых еще не начался. А теперь еще зубы вот-вот выпадут.

Таможенник выяснил, сколько Пол имеет при себе наличной иностранной валюты, и записал его ответ на каком-то бланке. Улыбаясь и что-то тихо бормоча себе под нос, таможенник нарисовал мелом на чемоданах крестики, но стоматологический клей он все-таки унес с собой.

– Пошли, – скомандовала Белинда, – вдохнем свежего советского воздуха и поговорим с человеком по фамилии Строганов.

Пол проворчал что-то неразборчивое. В коридоре он первым делом увидел множество белозубых улыбок. Советские зубы и зубы приверженцев советского строя отчетливо белели с висевших на стенах плакатов даже при довольно тусклом освещении коридора.

В том летном лагере, насколько он помнил, тоже всегда висели стенные газеты, их регулярно обновлял угрюмый комиссар, бывший военный летчик. Кроме того, он везде развесил портреты их командира, мрачного губошлепа, смахивающего на бульдога. Тогда дело с настенной агитацией было поставлено серьезно. А здесь судовая стенная газета висела уже давно и имела вполне стандартный заголовок «Миру мир». Русские безусловно гордились, что их слово «мир» имеет двойное значение. С одной стороны, оно означает отсутствие войны, с другой – планету, свет, вселенную. Как будто в этом была их, русских, заслуга.

Газета пестрела фотографиями Хрущева, обнимающего лидеров революционного движения разных стран: бритых и бородатых, в фесках и беретах. Но у всех без исключения были отличные белые зубы. А у Пола вот-вот выпадут четыре штуки, причем на самом видном месте.

Возле административных помещений никого не было. А кают-компанию заполнили представители службы «Интуриста» и еще какие-то люди. Пол заблаговременно позаботился о печати в их совместном паспорте, поэтому мог наблюдать за всеобщей суетой спокойно. А о номере в гостинице должен был подумать Мизинчиков. Покойный Роберт, бедняга, состоял с ним в переписке. Роберт красочно описывал красивую процедуру смены караула и капризную английскую погоду, а Мизинчиков отвечал, что в Советском Союзе все очень счастливы, причем его английский вряд ли был выше уровня начальной школы. Но о чем-то же надо было писать, чтобы переписка совсем не заглохла.

А потом в Ленинград пошла телеграмма, только отправил ее в этот раз Пол: «Номер на двоих Астории, пожалуйста, 4 июля. Уважением. Роберт». Пол оставил подпись Роберта, чтобы не вызывать ненужного недоумения. По прибытии он намеревался все объяснить лично. Мизинчиков должен был все сделать как надо.

Пол приблизительно знал, как выглядит Мизинчиков. Сандра показала ему фотографию: Мизинчиков обнимает Роберта в Ленинградском порту на фоне залитых солнцем порталых кранов, судовых труб, украшенных серпами и молотами, и толстых чаек.

Бедный умерший Роберт, сохранивший худощавую фигуру до самой смерти и не успевший занять ни одного седого волоса в роскошной шевелюре медового цвета. И толстый, смеющийся Мизинчиков, всем своим видом демонстрирующий абсолютное счастье.

Видимо, Россия – это такое место, где безоблачно счастливы все без исключения. Фотография была цветная и очень красивая. Увидев ее впервые, Пол с изумлением понял, что в Советском Союзе все такое же цветное, как и везде, а не черно-белое, как в шпионских фильмах. Что ж, учиться никогда не поздно.

Тем временем судно мало-помалу двинулось в порт. Великий город приближался. За бортом визгливо галдели чайки, очевидно сообщающие прибывшим иностранным гостям, что они настоящие советские чайки. Одни кричали, кружили вокруг судна и широко раскрывали голодные клювы, ведь известно, что жадность чаек не меняется в зависимости от политического режима в стране. Другие величаво парили высоко в небе. Со всех сторон виднелись буйки, маленькие чадящие пароходики, баржи,

загорелые смеющиеся лица, белые и золотые зубы. Вдали сверкал золотой купол Исаакиевского собора.

Пол и Белинда стояли на верхней палубе и наблюдали, как судно медленно приближается к священной русской земле. Студенты тоже высыпали на палубу, правда, выглядели они весьма мрачно, видимо ощутив на себе все прелести похмельного синдрома. Но Пол не заметил ни одного из участников атеистической вакханалии накануне ночью.

Тут Белинда легонько тронула его плечо. Они обернулись и увидели направляющегося в их сторону помощника капитана Строганова. У этого довольно молодого человека были очень грустные азиатские глаза, которые диссонировали с бодрой улыбкой. В руке он держал стопку конвертов.

– Для вас, – сказал он, – открытка от Сандры. Надеюсь, вы не возражаете, что я прочитал ее. Это очень полезно для моего английского.

Итак, Сандру тоже приняли в великую советскую семью. Белинда двумя пальчиками схватила открытку и пробормотала:

– О, вы... – и впилась глазами в долгожданные строчки. Она проглотила открытку моментально, как любимое лакомство, и тут же ее лицо приобрело мрачное, злобное выражение. – Сука, – прошептала она, – представляешь, эта стерва отправилась в Кизвик с... Я всегда знала, что она это сделает!

– Кто, дорогая, – недоуменно поинтересовался Пол, – ты о чем? Дай мне посмотреть.

Но Белинда с яростью разорвала открытку на мелкие части и бросила ее за борт. К плавающим в воде обрывкам ринулись голодные чайки.

– Удивительно! – улыбнулся Строганов. – Я правильно произношу это слово? Я имею в виду не ее бурную реакцию на поступок Сандры. Посмотрите! – И он указал на шею Белинды. Ее сыпь на глазах становилась ярче, приобретая пурпурно-красный оттенок.

Глава 5

– Я хочу спросить, почему тебя так волнует моральный облик Сандры? И при чем тут вообще мораль? Предположим, она куда-то отправилась, чтобы устроить себе небольшой праздник, к тому же не одна, а с кем-то. Ну и что с того? Она, должно быть, чувствует себя очень одинокой, особенно сейчас, когда нас нет рядом. У нее нет никакой причины жить только прошлым. И незачем хранить верность Роберту после его смерти, – весьма разумно говорил Пол, думая, что разобрался в существе вопроса. – Сандра должна начать новую жизнь, разве не так?

Ответа с койки не последовало.

Невзрачная судовая докторша, не ставшая в новом дрилоновом платье более красивой, снова чем-то смазала сыпь. Вдобавок она назначила мягкое успокоительное.

У Пола громко урчало в животе. Он не пошел на слишком ранний ужин, который перенесли на такое время из-за прихода в порт назначения, чтобы посидеть с несчастной Белиндой, и теперь чувствовал неприятную нервозность. Багаж был свален за дверью каюты и напоминал бесформенную кучу мусора. С правого борта теперь было видно только море. С другой стороны наступал порт.

Приезжать куда-нибудь – процесс крайне неприятный, накладывающий на тебя множество всяческих мелких, на первый взгляд незначительных обязательств, которые выполнить зачастую оказывается сложнее, чем свои основные обязанности человека и гражданина.

С берега доносился шум работающих портовых кранов, слышались голоса.

Скоро им предстояло начать знакомство с чужим городом, а значит, пережить немало неприятных минут. Ему очень хотелось, чтобы Белинда поправилась и снова стала оживленной, веселой, а главное, бодрствующей. Проклятый протез из четырех зубов, как назло, совсем расшатался. Вот-вот выпадет. Пол был уверен, что сможет до конца разобраться в запутавшейся ситуации с Сандрой, чувством вины и злостью Белинды, только ему надо найти время, сосредоточиться и как следует подумать. Он снова подумал о том, что если у нее что-то было с Робертом, то есть, если это он научил ее таким выкрутасам в постели... Но ведь Роберта уже нет в живых... Поэтому у Белинды вроде бы нет повода чувствовать себя виноватой и уж тем более переносить свои угрызения совести на Сандру. Ладно, сейчас не

время ломать над этим голову. Главное, чтобы она наконец проснулась, растерянно заморгала спросонья, улыбнулась, потеряла шею, убедилась, что сыпь исчезла бесследно, и сказала: «Дорогой, я чувствую себя отлично. Пойдем погуляем».

Но вместо этого она начала тихонько похрапывать, словно впереди была целая ночь. Это никуда не годилось.

К тому же его сильно нервировал голод. Он уже неоднократно нажимал на кнопку вызова горничной, но все судно казалось вымершим. Работали только матросы, носившие багаж. Куда, интересно, запропастился Егор Ильич, их благоприобретенный «племянник»? Наверняка уже на берегу, рассказывает, шлепая ярко-красной нижней губой, как на халяву литрами пил коньяк у дурака англичанина. Белинда продолжала размеренно похрапывать, даже не думая просыпаться. Пол прислушался. Ему показалось, что он услышал, как начали высаживаться на берег пассажиры. Не стоит паниковать, повторял он себе, судно пришвартовалось в самом конце причала, в тупике, в обратный рейс оно отправится только послезавтра, а до этого никуда не денется, у них достаточно времени. Но Полу очень хотелось, чтобы они сейчас так же, как все остальные пассажиры, шли по широкому трапу на причал Ленинградского порта. Теперь он уже не мог понять, чего ему хотелось больше, плотно поужинать или обрести спокойствие и душевное равновесие.

Пол не мог сидеть на одном месте. Он вышел из каюты и обнаружил, что его багаж унесли. Значит, он получит его на пассажирском вокзале. А что, если, подумал он, невзрачный таможенник кому-то расскажет о необычном количестве дрилоновых платьев у уважаемой английской леди? Конечно, это не его дело. Леди страдает излишней потливостью, это не ее вина. Но он мог упомянуть об этом факте между делом, как о курьезе, а уж его собеседник мог рассказать кому-то еще, потом еще и еще... И в конце концов какой-нибудь начальник мог приказать снова открыть и проверить чемоданы. Поскольку в последнее время участились случаи контрабандного ввоза в страну капиталистических потребительских товаров, причем с единственной целью – подорвать советскую экономику. Быть может, это необычное количество платьев – очередная партия товара, не исключено даже, что на этот раз ее везет главарь целого звена контрабандистов, а дальше – дело техники. Сильный свет ламп в лицо, лысые головы следователей, омерзительная вонь советских папирос, настойчивое требование назвать всех участников преступной группировки и...

Караул! Пол почти бегом рванул к левому борту, где собрались все

пассажиры, желавшие высадиться на берег. Вокруг царило оживление. Люди смотрели вниз и радостно смеялись.

Пол пробился через толпу и увидел, что на берег как раз сходит докторша, несмотря на жару летнего вечера, очень тепло одетая.

Инвалидное кресло несли двое: сзади – неизменный Мэдокс, а впереди – тощенький, одетый в синюю хлопчатобумажную форму носильщик, на долю которого пришлась основная тяжесть ноши. Он гнулся под ней, как под ударами кнута, подбадриваемый бодрыми выкриками Мэдокса и оживленной болтовней сидящего в кресле бесполого доктора.

Слегка повернув сухонькую голову, Таерсис крикнул ожидающим на борту студентам:

– Монахи! Падшие школяры! Учитесь никогда ничего не бояться!

Старческая рука из всех сил сжимала тросточку с головой собаки и в бессильной злобе потрясала ею.

Что-то здесь не так, подумал Пол, это уже явный перебор. Эта мумия ведет себя очень уж подозрительно. Но тут же он отвлекся, заметив тележку с багажом, которая медленно катилась по рампе. Ему даже показалось, что он узнал свои чемоданы.

Господи, ну как ее вытащить на берег, если она все время спит!

– Ленинград, – прошептал он и жадно посмотрел вокруг.

у трапа толпились люди с цветами, встречающие своих близких. Их одежда была дурно сшита словно все советские люди, как один, одевались не у портных, а у их подмастерьев, далеко не лучших. Чуть поодаль работали краны, перетаскивая с берега и на берег грузы, сновали погрузчики. Прикатила команда телевизионщиков, состоящая исключительно из девушек в унылых цветастых платьях, – режиссер, ассистент, оператор. Железным занавесом всегда пугали детей. И вот они здесь. И ничего страшного. Все обычно, как везде.

Тележка с чемоданами доехала до середины рампы и свернула в здание вокзала. А люди внизу терпеливо ждали. Одни курили, другие нервно вертели в руках букеты. На ногах у всех были весьма посредственно сделанные туфли или босоножки. Теперь на рампу въехал доктор Таерсис. Он гордо восседал в коляске, подталкиваемой его вечным и верным спутником – Мэдоксом. Студенты оживленно приветствовали мумию. Пол не выдержал и бросился бегом обратно в каюту. И сразу все изменилось. Ленинград исчез, осталась только каюта, маленькая клетушка, в которой они проводили время между отправлением судна и его прибытием. А в ней мирно похрапывала Белинда.

– Дорогая! – Пол весьма чувствительно потряс ее за плечо. –

Просыпайся. Нам пора на берег.

Ответа не последовало. Она перевернулась на спину, и взору Пола предстал открытый рот. Но издавал он только храп. Она серьезно отключилась. Возможно, назначенное ей успокоительное оказалось вовсе не таким уж мягким. Пол сильно встряхнул спящую, но сумел добиться от нее лишь нескольких невнятных слов, среди которых он с удивлением узнал произнесенное по-русски «люблю».

Очень странно. Пол готов был поклясться, что она не знает ни слова по-русски. И тем не менее откуда-то из потаенных глубин ее подсознания всплыло именно русское слово. Непонятно.

Пол с благодарностью вспомнил Роберта, которому он был обязан своими знаниями русского языка. Затем он предпринял еще одну довольно энергичную попытку разбудить Белинду, но скоро убедился, что это бесполезное занятие.

Тогда он сел и закурил. В перерывах между затяжками он толкал языком свой зубной протез, который, как назло, вконец разболтался. Может быть, попытаться закрепить его с помощью ватного тампона? Мизинчиков, очевидно, будет ожидать в гостинице. Он же знает, когда прибывает судно. Как хорошо будет, наконец, отделаться от этой проблемы! Гора упадет с плеч! Конечно, Белинда через час или два проснется, но какой же это неприятный процесс – ждать.

А если Мизинчикова не окажется в гостинице? Все равно будет намного безопаснее забрать чемоданы со склада и запереть их в гостиничном номере. Очевидно, имеет смысл отвезти их на такси до «Астории», а потом вернуться обратно. Белинда, скорее всего, даже не успеет проснуться. А судно никуда не денется. Оно будет стоять здесь, у причала. Его маршрут точно указан в расписании. Они проведут два дня в Ленинграде, затем последуют Хельсинки, Росток, Тилбери и Гавр. Пол быстро вернется, судно останется на месте, и Белинда будет сладко спать.

Решившись, Пол вырвал листок из блокнота и размашисто написал: «Дорогая, я уехал в отель, чтобы обо всем договориться. Не переживай, скоро вернусь. Надеюсь, тебе лучше. И поверь, нет никаких оснований чувствовать себя виноватой». Немного подумав, он решительно зачеркнул последнее предложение.

На всякий случай он еще раз встряхнул Белинду, но она даже не пошевелилась. Уверившись, что он все делает правильно, Пол прихватил плащ и покинул каюту.

В административном офисе сидел незнакомый круглолицый офицер. Взглянув на него, Пол неожиданно позабыл все свои знания русского

языка. Попытка объяснить знаками все, что он хотел сказать, вылилась в весьма выразительный спектакль.

А в это время на заднем плане высаживались на берег студенты. Среди них Пол успел заметить некоторых участников ночной оргии безбожников, теперь одетых почти нормально. На падшем ангеле, например, был шерстяной костюмчик, правда несколько неряшливый.

Маленький офицер терпеливо и бесстрастно досмотрел разыгранную Полом пантомиму, при помощи которой он хотел сказать, что его жена больна и спит под воздействием официально назначенного ей советским доктором успокоительного, поэтому ей лучше пока остаться на судне, в то время как он...

– Да, да, да, – кивнул офицер, и Пол присоединился к толпе жаждущих высадиться на берег.

Он спустился по трапу, потом людской поток отнес его чуть-чуть в сторону, и Пол внезапно обнаружил себя в плотном кольце русских, от которых пахло грузинским вином, борщом и крепким табаком.

Причем он их почти всех знал. Это были советские музыканты, которых встречали родные и близкие, – Коровкин, Ефимович, Видоплясов, Холмский и некоторые другие, кого Пол не знал по именам, но неоднократно встречал на судне. Почему-то вместе они напоминали толпу ремесленников, вышедших погулять в свой законный выходной. Они несли коричневые бумажные пакеты и картонные чемоданы. Их радостно приветствовали женщины. Вокруг звучали звуки поцелуев, из рук в руки передавались букеты слегка увядших цветов.

Пол Хасси, Павел Иванович Гуссей, непостижимым образом оказался в самом центре этой любвеобильной толпы. Маленькая девочка, как собачонка, запрыгнула ему на руки и выплеснула на него такую волну бескорыстной любви и искренней привязанности, что Полу стало трудно дышать. Вслед за ней рядом возникла беззубая бабушка, одетая и причесанная как цыганка. Она тянула к нему руки, покрытые веревками вен, и что-то бормотала. Потом перед ним что-то клацнуло и усталая девушка сунула ему в руку микрофон. Пол увидел, что торжественную встречу вернувшихся на родину музыкантов снимают телевизионщики, очевидно, где-то в недрах грузовика располагалось и звукозаписывающее устройство.

Так Пол без всякого умысла попал в советский документальный фильм. Он просто не мог, несмотря на прилагаемые усилия, выбраться из толпы.

«Улыбка! Улыбка!» – кричала ему девушка, очевидно желая, чтобы в

кино попали только улыбающиеся лица. Пол вымученно улыбнулся, продемонстрировав вполне приличные верхние зубы и шатающиеся нижние. Женский голос с отчетливым манчестерским акцентом громко проговорил:

– Произошла ошибка! Это – друг Опискина.

Доброжелательницу никто не услышал. Товарищ Коровкин, казалось, узнал его. Но только как человека, который, хотя и является иностранцем, имеет какое-то отношение к советской музыке. Своей огромной лапой он сграбастал руку Пола и дружески ее потряс. Это торжественное рукопожатие запечатлела камера киношников. Отчаянный вопль Пола «Черт побери!» тоже оказался зафиксированным соответствующей аппаратурой. С трудом вырвавшись, Пол со всех ног припустился к вокзалу. Так началось его путешествие по загадочной России.

Глава 6

Первое, что бросилось в глаза Полу, когда он вошел в здание вокзала, это огромное количество всевозможных плакатов на стенах. Здесь словно встретились старая и новая Россия. Патриотические призывы и рекламные объявления мирно соседствовали с репродукциями картин Эрмитажа и совершенно не мешали друг другу.

Красивые, бойкие и плохо одетые девушки из «Интуриста» шустро сновали в толпе пассажиров. Они называли выгружающих багаж рабочих «товарищ» и при ходьбе мелодично позвякивали массивными и безвкусными сережками.

Пол заметил, что его багаж спокойно ожидает возле пункта обмена валюты, с облегчением вздохнул и присоединился к длинной очереди, выстроившейся за рублями и копейками. Толстый человек в подтяжках уверенно сообщил своей жене:

– В таком большом городе, как Ленинград, мы обязательно найдем отличный бифштекс и чипсы. Я в этом нисколько не сомневаюсь. – При этом его десны блестели, как хорошо отшлифованные белые кораллы.

Очередь двигалась довольно быстро, и вскоре Пол стал обладателем нескольких бумажек, выданных ему в обмен на десятифунтовый дорожный чек. Поначалу он принял их за талоны на обед, но быстро осознал свою ошибку. Это оказались вполне нормальные рубли. Пол слышал, что менять валюту следует не в государственных учреждениях, а на черном рынке, то есть в гостиничных туалетах. Получается намного выгоднее. Но это все завтра.

Пол зажал в тощей руке пригоршню монет и немедленно отправился в видневшуюся неподалеку небольшую закусочную. Заведение общественного питания оказалось переполненным, и он пристроился в хвост еще одной очереди. Стоять пришлось довольно долго, прислушиваясь к громкому урчанию в собственном животе. Не зная, чем себя занять, он принялся наблюдать за жизнерадостной официанткой, громко щелкающей костяшками счетов. Она была очень веселой, пухленькой, рыжеволосой и орала, как доярка на ферме. Пол внимательно осмотрел вазочки со сладостями, сэндвичами с ветчиной и копченым лососем, красной икрой, советское шампанское и коньяк. Самодостаточная страна.

При виде столь близкой еды Пол ощутил, что его настроение

значительно улучшилось. Он даже почувствовал приятное волнение. Наконец-то он ступил на чужую землю. Теперь главное – замечать любые, даже самые незначительные на первый взгляд детали: светлый волос, свернувшийся колечком на спине жгучего брюнета; странный мужчина, дергающий себя за нос, словно стараясь подоить его; обгоревшие спички на полу; густой запах табака, вызывающий в памяти Рождество. Пол обвел взглядом полку, на которой были выставлены советские сигареты: очевидно, некоторые из них были созданы в ознаменование достижений советской науки: «Спутник», «Лайка» (бесстрашная космическая сука радостно улыбалась с бумажной пачки, чем-то неуловимо напоминая мистера Хрущева), «Восток», «Вега» (все-таки их амбиции не имеют границ). Старую Россию представляли здесь же «Тройка», «Богатыри» (бородастые герои на полудохлых клячах), «Друг» (на этой пачке пес выглядел значительно менее добродушным, чем Лайка). И...

Официантка жизнерадостно гаркнула на Пола. Тот в испуге подпрыгнул, его язык, разумеется, тоже не удержался на месте, и подлый протез все-таки выскочил изо рта. Пол ловко подхватил паскудную штукуну, но советские граждане, включая и симпатичную официантку, успели заметить, в чем дело, и выразить свое удивление.

– Национальное здравоохранение, – по-английски пробормотал Пол и попытался улыбнуться. Затем он поспешно водворил протез на место. Любопытно, что, сделав первые шаги по русской земле, Пол начисто позабыл все русские слова и выражения, которые так долго и старательно учил.

– Не стоит хулить собственный товар, друг мой, – произнес знакомый голос. Пол испуганно обернулся и заметил Мэдокса, стоящего неподалеку с бутылкой пива в руке.

– Я думал... – начал Пол. Сейчас, когда выпавшие зубы заставили нескольких покупателей отступить в сторону (неизвестно, что это было: новое секретное оружие иностранных держав, а может быть, у них, иностранцев, принято так шутить), Пол увидел и самого доктора. В неизменном инвалидном кресле он сидел в самом углу бара и оживленно беседовал с мрачным, страдающим сильным косоглазием человеком в выцветшем костюме. – Я думал...

Пол хотел сказать, что доктора должны были бы встречать официальные чиновники с машиной, но почувствовал, что любая попытка открыть рот и заговорить окончится новым полетом протеза прямо в толпу. Кроме того, официантка уже давно, настойчиво и очень громко требовала сказать, чего он, собственно говоря, желает. Пол жестом показал на

бутерброды, пиво и положил на прилавок рубль. Когда он снова обернулся, Мэдокса уже не было видно. Живой занавес снова скрыл доктора и мрачного мужчину.

Желая утолить голод, в очереди стояла массивная женщина азиатского типа в открытом летнем платье, обнажавшем поленоподобные руки, а за ней грустный гигант кавказец в расстегнутой рубашке, демонстрирующий всем окружающим поросшую густой шерстью загорелую грудь. Стоя плечом к плечу, они здорово ограничивали обзор.

Пол пожал плечами и решил выкинуть всякую ерунду из головы. В конце концов, у него хватает собственных забот. Подражая Лайке, он взял свою пищу и отнес в укромный уголок. Чтобы ее съесть, придется сперва вынуть протез, а это зрелище не для слабонервных. Что же делать!

Кое-как справившись с сэндвичами и на ходу глотая пиво, Пол быстро вышел из буфета и направился в туалет. Это был капитальный, солидный туалет, правда не слишком чистый. Очевидно, в России они все такие. Благо он был пуст. Пол вытащил коробок спичек и приступил к торопливым экспериментам. Он пытался расколоть спички в длину, чтобы получить маленькие деревянные клинья. Черт знает что! Наконец-то он приехал в Союз Советских Социалистических Республик! И чем ему приходится заниматься? Ломать спички в портовом туалете. Пол извел половину коробка, но все-таки сумел получить нужную вещь – тонкую щепку, которую он вставил между протезом и левым клыком. Он заглянул в зеркало и покачал протез пальцем. Вроде держится. Ну и ладно.

Теперь предстояло найти такси. Пол вышел на небольшую площадь по другую сторону пассажирского вокзала. Там стояло несколько обшарпанных автобусов, в которые усаживались студенты и престарелые туристы. Тут же скучали две служебные машины. Только такси не было. Полу пришлось обратиться за помощью к пробегавшему мимо очень занятому человеку, имевшему комплекцию борца-тяжеловеса (очевидно, его внешность у многих вызывала доверие, потому что его постоянно останавливали и никак не давали добежать до места назначения). Тот охотно ответил, что такси можно найти только за воротами порта. Там же останавливается рейсовый автобус номер двадцать два. А в порт такси не пускают.

– Но у меня багаж! – ошеломленно воскликнул Пол.

– Так ведь здесь недалеко, – пробасил здоровяк и побежал дальше, – не больше мили. Это вам не какой-нибудь Лондон.

Этот советский портовый рабочий мягко окал и произносил название британской столицы так, что великий город почему-то сразу представлял в

виде мрачной капиталистической темницы, кишасей громыхающими кебами.

Тут Пол заметил мисс Трэверс, пересчитывающую по головам сающихся в автобус студентов. Она взглянула на него с выражением мрачного удовлетворения.

– Я хотел бы вас попросить, если вас не затруднит, – нерешительно начал Пол, – понимаете, у нас возникли некоторые затруднения с транспортом...

– ...Двадцать семь, двадцать восемь, двадцать девять... Такого не может быть, – насмешливо заявила мисс Трэверс. Она была одета в нечто довольно странное, цветом и фасоном напоминающее камуфляж.

– Просто мне необходимо вывезти отсюда багаж, – сказал Пол. – А я бы потом забрал его там, где вы будете. Понимаете, моя жена еще болеет. Я вас очень прошу.

– ...Тридцать три, тридцать четыре. Все.

Студенты оживленно загалдели.

– Что бы я там ни говорил об этом Опискине, поверьте, я так не думаю, – упрасивал Пол. – Я вообще не интересуюсь музыкой. Это моему другу Опискин нравился, а вовсе не мне.

Группы организованных туристов разместились по автобусам и приготовились к отправлению. Мисс Трэверс сказала:

– Сами решайте свои проблемы, приятель. А нас не впутывайте. – И решительно двинулась по ступенькам в автобус.

– А как же всеобщее братство народов? И товарищеская взаимопомощь? – воскликнул Пол.

Отдых начинался великолепно!

– Чтоб вам всем пусто был! – в сердцах выругался Пол. – И пусть живет Опискин!

Двери, что-то прошипев, закрылись, и автобус тронулся в путь, выдыхая клубы черного дыма. Студенты отбыли исполнять свою благородную миссию. Насколько удавалось рассмотреть сквозь грязные стекла окон, они выглядели вполне довольными жизнью.

Пол вспомнил о Мэдоксе и его престарелом хозяине. Они же тоже должны как-то добраться до города. Но, поразмыслив, решил больше никого и ни о чем не просить. Он возьмет два опасных чемодана и сам отнесет их на автобусную остановку или к стоянке такси. А чемоданы с вполне невинным содержимым останутся здесь, в здании вокзала, до лучших времен. Он заметил, что в офисе с вывеской «Интурист» наблюдается повышенная деловая активность. Высокий мужчина с крайне

озабоченным видом разыскивал на столах пропавший документ, изумительной красоты богиня в желтом платье монотонно кричала в телефонную трубку: «Алле! Алле!» Никто не обращал на Пола никакого внимания. Он перенес свои чемоданы в какую-то темную, грязную и пахнущую пылью кладовку. Выйдя оттуда, он сообщил, не обращаясь ни к кому конкретно: «Багаж». Его машинально поблагодарили. Значит, все в порядке.

Нельзя сказать, что прогулка с тяжелыми чемоданами к воротам порта была легкой и приятной. Северный летний вечер был удивительно жарким. А ведь на Западе все уверены, что жители Ленинграда круглый год одеты в меха.

Но вот позади остались подкрановые пути, штабели грузов, стоящие у причалов суда. Теперь Пол тащился по узкому проходу между неизвестными строениями, весьма оснащенный попавшимся ему по дороге указателем, утверждающим, что город располагается впереди. Затем он узрел облупившуюся арку, по обе стороны которой, как ряды встречающих, выстроились щиты с видами советского Ленинграда. Наконец Пол добрался до щуплого чиновника, который долго и внимательно изучал предъявленный ему паспорт. Правда, скорее всего, его повышенное внимание было вызвано не бюрократическими, а эстетическими причинами: Белинда была исключительно фотогенична и на фотографиях всегда получалась удивительной красавицей.

Получив обратно документ, Пол вышел за ворота, и перед его взором предстала картина всеобщей убогости и нищеты.

Дома неопределенного цвета, поскольку с них давно слезла краска (такие ему доводилось видеть только в доках Манчестера), казались еще более запущенными под величественным сводом золотисто-голубого неба. Вокруг росли чахлые, неухоженные деревья, стояли покосившиеся урны, переполненные всевозможным мусором. Единственное, что могло порадовать глаз своим изобилием, это нравоучительные плакаты. На фойе этого пейзажа советские рабочие ждали автобуса.

Впервые в жизни Пол ощутил себя до мозга костей капиталистом. Капитализм чувствовался даже в покрое его одежды. И новые саржевые брюки, и уже весьма поношенная спортивная куртка от Гарриса сразу же бросались в глаза. Здесь царил пролетариат, одетый в потертые кепки и не знающий, что такое галстук. Пол ощутил это необычайно остро, как никогда ранее, хотя неоднократно встречался у себя на родине с представителями рабочего класса. Больше всего на свете ему захотелось поскорее очутиться в такси, вырваться из этого ужасного места, снова

попасть в привычное окружение богатых туристов из капиталистических стран. Устыдившись, он вспомнил, как его отец, Джон Хасси, однажды во время массовой безработицы стал в очередь на такси у столба с большой буквой «Т». Там он лишился рубашки, галстука, обуви и даже грязного плаща, который нес в руке. Очередь сожрала все. Но черт побери, у них же есть Гагарин, балет, а товарищ Хрущев обещал построить небоскребы. У них в большом почете правда, красота и чувство товарищеской взаимопомощи. Что они еще хотят?

Они хотели его одежду и чемоданы из свиной кожи, вот что.

Ожидая своей очереди, Пол старался почувствовать запах Советской России. Он знал, что только в первые часы пребывания в новой стране можно почувствовать ее запах. Он хорошо помнил запах своих школьных лет в Брэдкастере – пивоварни, сыромятни, горелой картошки, а также густой аромат табака на Рождество. Ароматизированный табак курили только в праздники. Пол увидел себя среди собственных небогатых родственников: дядя Билл и тетя Вера, маленькая Нелл и кузен Фред. Сейчас они не стали бы с ним разговаривать из-за его непристойного богатства. По странной причуде памяти он вспоминал тех людей, о которых не думал уже много лет. Праздник, посвященный окончанию шестого класса, проходил в Народном парке Брэдкастера. Тогда всеобщее внимание привлекла броско оформленная витрина вербовочного центра ВВС. Потом Пол приходил сюда уже один, в форме. Он отчетливо помнил тот вечер на русских курсах, когда на старенький граммофон поставили пластинку с колокольным перезвоном Опискина, а Роберт задрожал от испуга, снова представив себе ту памятную атаку и загоревшийся правый двигатель. Пол, как мог, успокаивал друга.

Очнувшись от невеселых воспоминаний, Пол обнаружил, что стоит уже первым в очереди. И сразу почувствовал себя виноватым. Доходчиво объяснив самому себе, что его вины в том, что подошла его очередь, а остальные еще должны стоять, нет и быть не может, Пол загрузился в громыхающий всеми мыслимыми железными частями драндулет, отравляющий все окружающее сизыми выхлопами, и сказал потному водителю: «Астория».

Окружающее потрясло Пола до глубины души. Ему на мгновение показалось, что разваливающееся транспортное средство везет его в прошлое, которое захватит его в плен и больше никогда не отпустит. Он ожидал, сам не зная почему, увидеть большой чистый город с современными домами, сверкающими под солнцем стеклами окон. А теперь он ехал по довольно широким улицам, на которых почти не было

машин, совсем как в английской провинции по воскресеньям, но только в провинции обветшалой, облезлой, обшарпанной. Создавалось впечатление, что глаза советских людей направлены только на то, что находится в далеком космосе. Дома, стоящие вокруг, казались ранеными, перевязанными бинтами штукатурки, которая во многих местах проступила из-под облупившейся краски. Они взирали на мир больными глазами окон и молили о помощи. Да, это был Бродкастер его детства, или даже более раннего периода, который Пол не застал, но слышал о нем. И даже обилие каналов не делало картину более привлекательной. Нет, Ленинград – это не Венеция для фабричных рабочих. И не великий северный город.

А потом такси проехало по мосту над воспетой Пушкиным Невой и оказалось на площади Исаакиевского собора, как раз перед статуей, изображавшей всадника на вздыбившейся лошади. За ней высился огромный варварский собор с мрачной золотой колокольной. Здесь наблюдалось даже скудное движение транспорта. Облепившие все голуби издавали низкие, утробные звуки, и временами казалось, что это стонет площадь. Вот каким предстал перед Полом главный город российского севера.

Перед «Асторией» Пол вылез из такси, все еще поглядывая на злобный собор, и заплатил водителю рубль. Ему пришлось самому вытаскивать из машины багаж, и он сразу же в панике обнаружил, что привез из порта не те чемоданы. Позже он сможет назвать это происшествие очень разумной ошибкой. То, что было запрещено ввозить в страну, он спрятал в темной кладовой портового офиса «Интуриста». Пусть охраняют. Но это будет потом. А пока он в сердцах громко выругался и, естественно, снова выплюнул протез.

Глава 7

В холле гостиницы «Астория» пахло пылью. Пол совсем не удивился, заметив, что в самом центре зала, среди всеобщей суматохи, сидят двое: крестьянин и крестьянка. Оба разместились на самых краешках стульев. Они сидели очень прямо и совершенно неподвижно, взявшись за руки и закрыв глаза. Возможно, это их первый визит в великий город, и они просто перепутали помещение отеля с Исаакиевским собором. Хотя, может быть, они думают, что попали на вокзал, и ждут здесь поезда. Ну и молятся заодно. Пол бросил свои чемоданы неподалеку от крестьянской пары и огляделся. Его внимание привлекли чрезвычайно пышные, аляповатые украшения, в изобилии стоящие и висящие вокруг.

С потолка свисали огромные, давно не мытые люстры, на полу были расставлены гигантские вазы, расписанные ярким орнаментом. Архитектурных украшений было слишком много даже для такого большого помещения. Они подавляли своим количеством и массой. А от плюша и позолоты рябило в глазах. Ковровое покрытие изобиловало многочисленными потертостями. Пол был уверен, что на дне служивших пепельницами ваз-монстров найдутся окурки, брошенные туда еще при царском режиме.

Нигде, ни среди плохо одетых местных жителей, ни среди нарядных туристов, не было видно никого, кто мог бы оказаться Мизинчиковым. Ладно, следует делать все по очереди. Пол прошел по бесконечному коридору, разыскал мужской туалет и в холодной полутьме кабинки сделал еще один деревянный клинышек из спички. Затем он вернул протез на место, удостоверился, что он сидит достаточно плотно, и быстрым шагом вернулся в холл к своим вещам. Он решил подождать, пока очереди на регистрацию станут поменьше. А пока Пол развлекался тем, что всячески ругал себя за перепутанные чемоданы. Мизинчиков? В холле определенно не было никакого Мизинчикова. Чтобы убедиться в этом, Пол достал из кармана фотографию, на которой несчастный Роберт обнимал Мизинчикова, и прошелся с ней по огромному вестибюлю, методично сравнивая с фотографией лица всех славян и азиатов, попадавшихся на его пути. Никто не показался ему похожим. А потом его окликнул лысый человек из-за стойки.

– Эй!

Пол обрадовался, решив; что дождался внимания к своей персоне.

– Да? – приветливо откликнулся он.

– Какой предлог употребляют перед словом «угол»? – спросил незнакомец, старательно выговаривая чужестранные слова.

– А откуда вы узнали, что я – англичанин? – удивился Пол.

– Вы – англичанин, поэтому точно знаете, как правильно говорить. – Лысый произнес это до крайности недовольным тоном, словно Пол несправедливо обладал преимуществом называться англичанином.

– Понимаете, – задумался Пол, – это зависит от контекста. Например...

Пол не был учителем, поэтому его импровизированная лекция заняла довольно длительное время. Лысый позвал еще нескольких служащих гостиницы – официанта в белом пиджаке и теннисных туфлях, женщину, похожую на гувернантку, прелестную девушку из расположенного тут же в вестибюле сувенирного киоска. Его слушали очень внимательно.

– Непослушный мальчик стоит в углу, – проговорил Пол.

– Какой мальчик? – тут же последовал вопрос.

– А это уже тема другой лекции. Каждая лекция имеет только одну тему, – улыбнулся он. – Итак, я продолжаю. Музей расположен на углу улицы. Послушайте, мне нужна комната на двоих. Для меня и моей жены.

– Здесь вы ничего не добьетесь, – объяснил лысый. – Вам следует обращаться в «Интурист». – Он тут же забыл о тревогах Пола и вернулся к интересующему его вопросу. – Значит, я не могу сказать: «Я стою в углу улицы»? Так... понял. У нас имеется еще одна проблема. Как правильно сказать: «в постели» или «на постели»? Объясните, пожалуйста. – И он громко шикнул на сильно увеличившуюся аудиторию слушателей. В это время кто-то громко задышал за спиной у Пола и сунул ему в руку карандаш.

– Видите, – сказал Пол, – подошла моя очередь. Я лучше быстренько сбегаю туда.

– По-моему, слово «быстренько» так не произносят, – сказала женщина в черном, сжимавшая в руке большое кольцо с многочисленными ключами.

Лысый укоризненно произнес:

– В Советском Союзе мы все стремимся к знаниям. Мы хотим знать все, – заключил он с неподдельной страстью в голосе. Затем он жестом предложил собравшимся разойтись по своим местам. Люди недовольно зароптали.

– Пойдите, кажется, эта толстая спина принадлежит Мизиичикову!

Нет, ошибся. Значит, остается одно, попытаться встретиться с Мизинчиковым в Доме книги. Вроде бы там у Мизинчикова была какая-то

работа. Это завтра утром.

А пока Пол заметил, что одна из служащих «Интуриста» освободилась, и со всех ног ринулся к ней. Молящиеся крестьяне теперь спали. Мужчина слегка похрапывал. А у стойки «Интуриста» веснушчатая и шмыгающая носом девушка с улыбкой смотрела на Пола. Возле нее лежал закрытый любовный роман издательства «Пингвин». Девушка была сильно простужена и поминутно терла покрасневший нос мокрым комом носового платка. Глядя на нее, Пол ощутил, как в нем поднимается волна сострадания к русским людям. Он облизнул пересохшие губы и улыбнулся в ответ.

– Номер на двоих, – сказал он. – Мой друг должен был заказать номер на двоих для меня и моей жены. То есть для моей жены и меня, – поправил сам себя он. – Фамилия друга – Мизинчиков.

Девушка чихнула, высморкалась и виновато подняла глаза на Пола. У нее на столе лежало множество больших и маленьких бумажек, и она быстро просмотрела некоторые из них.

– Мизинчиков? – переспросила она, слегка замявшись. – Да, конечно, я уверена, кто-нибудь получил эту информацию.

– Вы прекрасно говорите по-английски, – улыбнулся Пол, – и читаете, как я успел заметить.

– Правда? Спасибо. – Она подняла тонкую руку и грациозным движением позвала коллегу, сидевшую за соседним столом. Другой рукой она снова вытерла нос и, с неожиданной страстью в голосе, произнесла: – Гемингуэй. Смерть Эрнеста Гемингуэя. Какой позор! – Пол с удивлением заметил, что ее глаза наполнились слезами. Она протянула ему какой-то бланк и предложила написать свое имя. – У нас все девочки обожали Гемингуэя, – сообщила она. Когда Пол сделал то, что она просила, она внимательно посмотрела на написанное и прочитала: – Мистер Пол Гасси.

Подошла другая девица. Эта была попроще, с тоненькими косичками и в очках. Пол решил, что она, должно быть, берет уроки игры на фортепиано.

– Вы изменили имя, – прогундосила простуженная девушка, – у нее в списке написано не так.

– Совершенно верно, – начал объяснять Пол. – Понимаете, случилось вот что...

Только его уже никто не слушал. Обе служащие «Интуриста» потеряли к нему всякий интерес. Вероятно, для капиталистов это вполне обычное дело – поменять имя в промежутке между заказом комнаты в гостинице и заселением в нее.

– Вас проводят наверх. Третий этаж.

Пол молча проследовал за маленьким человечком в убогой форме к лифту. В лифте, благополучно разместившись рядом с двумя безобидными чемоданами, они смогли лучше рассмотреть друг друга. Такие типы, подумал Пол, встречаются во многих странах: не теряющий оптимизма неудачник с постоянно оживленной щекастой физиономией, в очках с толстыми линзами. Обычно они являются мишенью для насмешек и привыкают к этому.

На третьем этаже их встретила весьма устрещающего вида толстая тетка, вся состоящая из одних выпуклостей. Носильщик украдкой подтолкнул Пола локтем и шепнул:

– У этой не забалуешь!

Тетка вручила Полу чудовищный ключ, причем, судя по его размерам, он был не от комнаты, а, как минимум, от города, если не от всей имперской России, и строго приказала:

– Идите в свою комнату.

Комната была весьма неплохой. Летний вечер струился в помещение через большие грязные окна и наполнял комнату мягким золотистым светом. Из кранов капало. На столике стоял древний телефон, рядом с которым виднелся смятый листок – список гостиничных телефонов. Кровати были застелены, правда неаккуратно. Здесь, так же как и в каюте судна, прочно поселилось прошлое и не желало сдавать свои позиции. Такая комната могла бы стать отличным экспонатом в революционном историческом музее (к примеру, здесь арестовали какого-нибудь большевика или подписали совместный с кем-то манифест). Пол выдал носильщику сорок копеек, поскольку тот не выглядел человеком, которого оскорбляют чаевые, и остался один. Он посидел несколько минут на одной из кроватей, затем наскоро умылся холодной водой и собрался идти вниз, где сможет найти такси и вернуться в порт к несчастной Белинде. Он открыл дверь и с удивлением обнаружил, что выход из комнаты ему загораживает дежурная по этажу. Ее широкие крестьянские ступни прочно стояли на потертой ковровой дорожке.

– Отправляйтесь в свою комнату, – приказала она. Причем ее грозный той не допускал никаких возражений.

Конечно, она не имела в виду ничего дурного. Видимо, она просто недостаточно знает английский язык. Пол улыбнулся, поправил галстук, провел рукой по чисто выбритому подбородку. Возможно, она относится к нему по-матерински и считает, что его внешний вид не соответствует ее высоким требованиям... Тогда он попробовал бочком протиснуться мимо

нее. Уловка не сработала. Она явно решила не выпускать его, приготовившись при необходимости стать еще одной дверью, теперь уже непреодолимой.

– Будьте любезны, – улыбнулся Пол, – мне надо пройти. У меня еще очень много дел.

– В свою комнату. Идти.

– Это не смешно! – возмутился Пол. Он даже попытался отодвинуть тетку в сторону, но глыба плоти легко устояла. Ее крестьянские лапы не сдвинулись с ковра ни на сантиметр. Зато она без малейших усилий толкнула его обратно и снова заявила:

– В комнату. Обратно.

Пол буквально дымился от ярости. Причем злость даже помешала ему удивиться. Пролетарская наглость способна переполнить чашу терпения даже ангела. Он поднял правую руку и со всего размаху отвесил мерзкой туше полновесную пощечину. Ее щека даже не покраснела. И вообще она, казалось, не заметила этой мелочи.

– Обратно. В комнату. Идите.

– Да, черт возьми, – заорал Пол, – я пойду. И воспользуюсь телефоном. Он отвернулся и решительно направился в глубь комнаты.

– Хорошо.

Полу оставалось только выругаться. Он с содроганием и опаской взял в руки трубку древнего аппарата и поднес к уху. Оттуда доносились только щелчки и скрежет. На диске имелись буквы русского алфавита. Он выбрал одну наугад. И сразу же попал в мир мертвых – до него донеслись слабые обрывки слов, не иначе как произносимых членами Военно-Революционного Комитета, отдававшими приказы из Смольного.

– Алле, – закричал Пол, – алле!

Но привидения в трубке никак на него не реагировали.

– Хорошо, хорошо, – раздался добрый и проникновенный голос от двери. Пол увидел двух мужчин в темных костюмах, сшитых еще при Ильиче. Один был высоким и довольно накачанным малым, судя по размеру кулаков, он занимался боксом. Другой, пониже ростом, смахивал на интеллигентного учителя. Оба держали в руках портфели и ласково улыбались. Огромная женщина, стоя в коридоре, громко жаловалась. Пол разобрал несколько раз произнесенное ею слово «жестокость».

– Она обвиняет вас в жестокости, – пояснил один из мужчин.

– Она еще не знает, что такое жестокость! Я ей сейчас покажу! Мало не покажется! На всю жизнь запомнит! – не помня себя, от злости, выкрикнул Пол. – Я требую, чтобы мне немедленно объяснили, что за

чертовщина здесь происходит.

Дежурная вразвалочку удалилась, но Пол имел возможность еще долго слышать постепенно затихающие причитания. Мужчины вошли в комнату.

– Моя фамилия Зверьков, – представился интеллигент. – А это товарищ Карамзин. Давайте сядем и успокоимся.

Он говорил по-английски со странным акцентом, который Пол никак не мог классифицировать географически: немножко сиднейский, с оттенком, приобретенным в Ньюкасле, и с добавлением скрежещущих звуков Бронкса. Словно этот человек специально совершил паломничество по свету, чтобы приобрести самый невероятный акцент. Полу, в общем, понравилось его открытое лицо: строгие черты, волевой рот, светлые глаза, высокий лоб. Карамзин, бормоча что-то себе под нос, расставил у стола стулья. Мускулистый, широкоплечий, почти без шеи и с огромными ручищами, он, казалось, источал угрозу. Во всяком случае, выглядел он значительно менее приятно, чем его товарищ. Льющиеся из окна солнечные лучи золотистым нимбом окружали его бычью голову с коротким ежиком волос и складчатым загривком. Пол откровенно испугался. Он знал, что не является невинным туристом и уже успел совершить преступление. Тем не менее он взял предложенную ему Карамзиным папиросу «Беломорканал» и тщательно выговорил по-русски:

– Спасибо, товарищ.

– А, значит, вы говорите по-русски, – сказал Зверьков. – Впрочем, не буду врать, это нам известно. Из ваших писем. – И он расстегнул свой дешевый потрепанный портфель.

– Письма? – удивился Пол. – Но я никогда не писал письма по-русски.

– Ну да, конечно, – фыркнул Зверьков и помахал перед лицом Пола какими-то бумагами. Пол сразу же узнал почерк Роберта. Только он мог так старательно выписывать русские буквы. – Эти письма вы написали вашему другу Мизинчикову. Только, вынужден вас огорчить, его вы не увидите еще долгие, долгие годы.

– Все очень просто, – улыбнулся Пол. В комнате повис густой туман от дыма советских папирос, и лица сидящих немного расплывались. – Эти письма писал не я. Посмотрите на подпись. Видите? А теперь взгляните на мой паспорт. – Он засунул руку во внутренний карман (Карамзин насторожился) и вытащил паспорт (Карамзин расслабился). – Убедились? Я – совершенно другой человек.

Только теперь Пол осознал, что происходит что-то странное. Причем началось это еще у столика представительницы «Интуриста». Почему эта девушка, в соответствии с установленным порядком, не потребовала его

паспорт? Это не просто так. Его определенно ждали. Но почему? Мизинчиков?

– А что случилось с Мизинчиковым? – спросил он.

Русские внимательнейшим образом изучали его паспорт и ответили не сразу. В конце концов Карамзин сказал:

– Он поступал неправильно. Продавал туристам рубли в туалете. Черный рынок, понимаете? Но его поймали.

– А сколько он давал за фунт? – заинтересовался Пол.

– Пять рублей. И два за американский доллар. Это нелегально, – объяснил Карамзин. – Это подрывает... черт, забыл слово... финансовую основу советской экономики.

– Понятно... – протянул Пол, хотя почти ничего не понял. Ему было слишком сложно сразу же постичь проблемы социалистической действительности. – Значит, Мизинчиков в тюрьме?

– Он ждет суда, – важно отвечал Карамзин, после чего снова заглянул в паспорт. – Гасси. Но это не то имя, которое мы здесь имеем.

– Вы имеете в виду подпись в этих письмах? Это имя моего друга. Он мертв.

Оба гостя рассматривали Пола с неподдельным интересом.

– Итак, – заключил Зверьков, – смерть, конечно, является суровым наказанием. Но число серьезных преступлений в Англии чрезвычайно велико. – Последний тезис он провозгласил, а не предположил. – За контрабанду и нелегальные валютные операции Мизинчиков получит несколько лет тюрьмы или его отправят в исправительно-трудовую колонию. Но это преступление, естественно, не заслуживает смертной казни.

– Мой друг, – запротестовал Пол, – не был преступником.

– То есть как? – возмутился Зверьков. – Между прочим, Мизинчиков с радостью во всем сознался. Он осознал, что долгое время поступал неправильно, и раскаялся. А ваш друг тоже поступал неправильно. Он занимался контрабандным ввозом капиталистических товаров в советскую страну. Этот варварский акт имеет целью подорвать экономические основы государства, разрушить молодое советское производство. А вы говорите, что он не преступник.

– По британским законам он – не преступник.

– Он хотел, – сказал Карамзин, – разрушить советскую экономику.

– Зачем? – удивился Пол. – Ему вовсе не мешала социалистическая экономика. Он только хотел дать людям то, что они хотели. И они с радостью это брали. Ведь ваши люди ужасно одеты!

Искренние слова Пола явно не понравились Карамзину. Он вскипел и со всего размаху стукнул кулаком по столу. Старинный телефон подпрыгнул, жалобно тренькнув, а листок с гостиничными телефонами плавно спланировал на пол.

– Какая мерзость! – проревел он. – И вы еще имеете наглость называть себя туристами? А мы так мягко с вами обходимся! Негодяй! – рыкнул он по-русски. Этого слова Пол не знал. – Подлец! – добавил он, глядя на Пола налитыми кровью глазами. Тоже новое слово.

Зверьков успокаивающе похлопал своего спутника по плечу.

– Преступник – он и есть преступник, – заметил он. – Ваш друг, несомненно, был прирожденным преступником. Преступность расшатывает основы общества. Но ваш друг больше никогда не будет преступником. И согласитесь, он заплатил за свое преступление по самой высокой ставке.

– Мой друг, – громко сказал Пол, – умер от сердечного приступа. У него было слабое сердце. Он был военным летчиком. Его сбили немцы. И ему пришлось провести долгое время в крошечной шлюпке на морозе. Вы слышите? Немцы! Это ведь и ваши враги тоже. Надеюсь, вы еще помните о войне?

– Давайте успокоимся, – предложил Зверьков и пристально взглянул на Карамзина. Слово Карамзин был главным ответственным за процедуру установления порядка. И действительно, Карамзин как-то сразу притих, заскучал и со вздохом достал из кармана папиросы. Перед тем как закурить, оба русских одинаково смяли бумажные мундштуки. Некоторое время курили молча. Сизый туман в комнате становился все гуще и гуще. По потолку неторопливо прогуливался огромный паук.

Трое мужчин внимательно следили за его перемещениями. Затем Зверьков нарушил молчание:

– Ваша жена приехала с вами?

– Да. Она осталась на судне. Во время рейса она заболела, врач назначил ей успокаивающее лекарство, теперь она все время спит. – Пол посмотрел на часы. – Мне надо к ней вернуться.

– Вы считаете, что справедливо заставлять вашу жену выполнять такую опасную работу? – невинно поинтересовался Зверьков.

– Какую работу? Мы с женой находимся здесь на отдыхе.

– Ах да, – понимающе усмехнулся Зверьков. – Только мы здесь все уже большие мальчики. Зачем вы пытались войти в контакт с Мизинчиковым? Хотели продолжить дело своего друга? Давайте договоримся: не стоит считать нас идиотами. Кстати, а что у вас в чемоданах?

– Наши вещи. Вы забываете, что мы прошли тщательный таможенный досмотр в порту. – Внутри у Пола все пело и торжествовало. (Все-таки есть Бог на свете! И пути его неисповедимы!) – Не знаю, что вы хотите там найти, но, если вы не верите своим товарищам-таможенникам, вы можете сами открыть чемоданы и посмотреть.

– Понял, – пробормотал Зверьков, – что-то вы слишком спокойны.

А Карамзин поинтересовался:

– А где остальной багаж? Остался на судне?

– Нет, – с готовностью ответил Пол, – здесь все. На судне осталась только моя жена.

– Мы с удовольствием подвезем вас до порта, – предложил Зверьков. – У нас внизу машина. «ЗИС» 1959 года, – с гордостью добавил он.

– Спасибо, – мило улыбнулся Пол, – я возьму такси.

Мужчины встретили его вежливый отказ понимающими улыбками.

– Формальность, конечно, но мы обязаны проверить его багаж, – сказал Зверьков. – Но помни, что он – наш гость. Будь поаккуратнее.

Карамзин вздохнул, вытащил папиросы, закурил и, подойдя к одному из чемоданов, щелкнул замком.

– Послушайте, – возмутился Пол, – кто вы, собственно говоря, такие? Вы без стука врываетесь в мой номер, допрашиваете меня, грубо оскорбляете память моего покойного друга. А теперь еще и обыскиваете мой багаж. Я имею полное право знать, кто вы.

– Мы можем отвезти вас в нашу контору, – сказал Карамзин, роясь в белье, – там вам все объяснят. А потом мы доставим вас в порт.

– У вас должна быть таможенная декларация, где указано, сколько мест багажа вы везете, – сказал Зверьков. – Предъявите ее.

– Но у меня ее нет с собой, – соврал Пол. – Она осталась в сумочке у жены. У меня и так карманы забиты всевозможными бланками, дорожными чеками и прочей ерундой. Обычно, если у меня при себе слишком много бумаг, я их теряю.

– Ладно, – вздохнул Зверьков, – тогда мы лучше отправимся на судно вместе.

– Но в чем меня подозревают? – спокойно поинтересовался Пол. – Я совершил что-то незаконное? Или собираюсь совершить?

– Вы продолжаете черное дело своего покойного приятеля, – сказал Зверьков. – Везете к нам капиталистические товары, чтобы продать их здесь и тем самым подорвать нашу экономику.

– Но я же могу продать все, что угодно, – удивился Пол, – например, эти туфли, что сейчас на мне, или галстук, или ту грязную рубашку, на

которую с таким восторгом смотрит ваш друг? Разве торговля – преступление?

Карамзин закончил перекладывать вещи, закрыл чемоданы и сообщил:

– Это обычный багаж.

– Разумеется, обычный багаж. А чего вы ждали? Мы с женой приехали в Ленинград на отдых. Я все время пытаюсь вам это втолковать.

– А как же Мизинчиков?

– На всякий случай. Мало ли что? Мы здесь впервые, а мой друг немного знал этого человека. Вот я и решил, пусть лучше будет хоть такой знакомый, чем никакого. Мой друг попросил его заказать номер для себя и жены. Но не успел поехать. Умер. Поэтому я решил воспользоваться этим заказом. Откуда я мог знать, что этот Мизинчиков – великий преступник? Я думал, что в Советском Союзе уже давно искоренили преступность.

– Да, да, – сказал Зверьков, – незаконная торговля – это преступление. – Он несколько раз энергично кивнул. – Лучше не пытайтесь ничего продать. Займитесь осмотром города. У нас здесь есть что посмотреть: Эрмитаж, Марсово поле, Адмиралтейство, железнодорожные вокзалы, площадь Декабристов, Геологический музей имени Карпинского... О! – воскликнул он, а Полу показалось, что его незваный гость неожиданно очень расстроился. – В нашем городе множество интересных мест.

Глава 8

На улице Герцена, как раз через дорогу от гостиницы «Астория», была стоянка такси. Пол нашел хвост длинной очереди и приготовился ждать. Был теплый летний вечер. Стоя на улице рядом с убого одетыми людьми, Пол неожиданно почувствовал, что на него снизошла Божья благодать. Он не был католиком, а сейчас вообще находился на земле безбожников, но тем не менее величественный небесный свод показался ему куполом храма. Он сиял мягкой и нежной голубизной, очевидно, такого же цвета были одежды Девы Марии. Впервые ступив на землю этой непонятной страны, Пол с необыкновенной остротой ощутил, что существует нечто истинное, изначальное, объединяющее его с живущими здесь людьми. Он искренне посочувствовал пожилой женщине, волокущей сетку с грязной картошкой и сушеной рыбой, порадовался вместе с мужчиной, который весь лучился восторгом, держа в руках перевязанную веревкой картонную коробку с надписью «Стекло».

Два неожиданных визитера простились с Полом весьма дружелюбно. Он даже видел, как они сели в свой «ЗИС». Конечно, не исключено, что они будут ждать его на судне, может быть даже прямо в каюте, но Пол решил, что это маловероятно. Он отчетливо видел, что под конец оба порядком устали и потеряли уверенность в успешном завершении дела. Все-таки интересно, почему славяне так подвержены унынию?

Но теперь у Пола возникли другие проблемы, которые придется как следует обдумать и как-то решить.

Сейчас, когда Мизинчиков вышел из игры, следовало распорядиться дрилоновыми платьями, причем желательно сделать это с умом, чтобы не попасть за нелегальную продажу импорта в большие неприятности. Причем неприятности могут начаться еще до попытки продажи. Уже по одному подозрению товар могут конфисковать. Это было бы неприятно. Не хотелось бы предстать перед глазами умершего Роберта и его вполне живой вдовы в невыгодном свете. Кроме того, у Пола было мало денег. Имеющихся в наличии дорожных чеков вряд ли хватит им с Белиндой, чтобы прожить здесь пять дней и отправиться в Тилбери, как это было запланировано, на «Александре Радищеве». Придется возвращаться домой на «Исааке Бродском», если, конечно, там еще не все каюты распроданы. Да, как пи крути, а с отдыхом не очень получается.

Примерно через час Пол сел в такси и к немалому удивлению

обнаружил, что водитель не злится, не грубит и даже не хмурится, а, напротив, ведет себя приветливо и радушно. Видимо, он как раз пребывает в другой части общеславянского маниакально-депрессивного цикла – радостно-возбужденной. Водитель был довольно высоким, обладал густой, давно не стриженной шевелюрой и грязной рубашкой. В свое время Пол встречал подобную личность в пабе Сассекса. Тогда это был веселый безработный и звали его, помнится, Фред.

На пассажирском сиденье рядом с водителем валялось довольно много открытых сигаретных пачек. Создавалось впечатление, что малый только что начал курить и пытается выяснить, какая марка сигарет вызывает у него наименьшее отвращение. Он сразу определил, что Пол – иностранец, и принялся настойчиво предлагать организовать для него ознакомительную поездку по городу.

Пол вовсе не собирался долго кататься на ржавом драндулете, ему надо было быстрее добраться до порта. Поэтому он постоянно твердил одно и то же слово: «Пароход, пароход». Но водитель отказался понимать русский язык своего выгодного пассажира. Водитель решил, что Полу следует предоставить привилегию всех иностранцев быть непонятыми. Поэтому он добросовестно показал Полу памятник Ленину на площади Финляндского вокзала, Петропавловскую крепость, летний домик Петра (для которого соорудили специальную защитную оболочку), крейсер «Аврора», Летний сад вместе с окружающей его ажурной решеткой, Эрмитаж, Дворцовую площадь и Триумфальную колонну, Триумфальную арку возле Генштаба, броневики, с которого Ленин однажды произносил речь, стрелку Васильевского острова, академический театр драмы имени Пушкина и...

Пол устал повторять одно и то же слово: «Красивый, красивая, красивое», при этом окончания он изменял, полагаясь исключительно на волю случая, поскольку зачастую сам не был уверен в том, какого рода то, что ему в данный момент показывали.

В конце концов они достигли ворот порта. Уже зажглись фонари. Опускающиеся на город сумерки окутывали все вокруг серой дымкой. Скоро наступит ночь. Правда, в этих высоких широтах летом не бывает по-настоящему темно. Пол показал охраннику паспорт, и гроыхающее транспортное средство въехало в порт. Снова очутившись в мире кранов, туюков и ящиков, Пол немного растерялся. Он не знал, где стоит «Исаак Бродский». Но водитель явно чувствовал себя здесь как дома и, всего лишь дважды поинтересовавшись у пробежавших мимо фигур: «Где «Исаак Бродский», товарищ?» – доставил Пола прямо к трапу.

Судно стояло у причала, величественное и почему-то немного пугающее.

– Одну минуту, – поспешно проговорил Пол, – я только схожу за женой. Моя жена, – повторил он для верности.

Знакомые английские слова тоже показались странными и пугающими. Полу даже почудилось, что у него нет никакой жены.

Он прошел мимо скучающего в одиночестве вахтенного офицера, ощутив мимолетное теплое чувство к знакомым лицам Хрущева и Гагарина на плакатах, запыхавшись преодолел длинный коридор, открыл дверь каюты и даже почти не удивился, увидев, что Белинды там нет. Койки были застелены, одеяла сложены и лежали в ногах. Но Белинды не было, Пол не заметил даже намека на то, что она когда-нибудь здесь была. Потрясенный, он еще раз проверил номер каюты. Никакой ошибки. Он втянул носом воздух и не почувствовал ни намека на запах любимых духов жены. И на столе пусто – ни расчески, ни пудры. Ее похитили! Это слово из недавно прочитанного детектива само всплыло в памяти. Он выскочил из каюты и побежал по коридору, издавая отчаянные вопли.

Не сразу, но все же на его пути возник юный матрос, видимо привлеченный громкими криками. Причем он не казался ни взволнованным, ни заинтересованным, и на энергично жестикулирующего Пола посматривал недовольно и лениво. Пол начал объяснять причину своего волнения, но вместе с тем его не покидало чувство, что этого матросика он уже видел раньше (но это невозможно). Все еще пытаясь внятно изъясниться на ломаном русском языке, Пол вспомнил, откуда он его знает. Из фильма «Броненосец Потемкин». Точно такое же лицо было у одного из юных мятежников, того самого, который чуть не съел ложку борща с червяками. Этот фильм показывали как-то вечером на русских курсах. Он смотрел его вместе с Робертом. Морячок не спеша прошествовал к судовому телефону, с кем-то поговорил, потом снова обернулся к Полу.

– Сейчас, – сказал он, – ждите.

В ожидании Пол раздраженно мерил шагами коридор.

– Что, черт возьми, здесь происходит? – не выдержав, заорал он. Только ответа все равно не получил. Он закурил, но почти сразу же выбросил сигарету, угодив ею точно в ведро с песком. С плакатов ему радостно улыбались Хрущев и Гагарин. Судно издавало ровный глухой гул. В конце концов его терпение было вознаграждено появлением жующей девушки. Она на ходу вытирала пухлые губы салфеткой. На девушке было открытое летнее платье, она обладала приятным личиком и копной

каштановых кудряшек. Раньше Пол не встречал ее на судне. Она сказала:

– Добрый вечер. Как вам понравился наш город?

Ее английский был весьма неплох.

– Моя жена! – воскликнул Пол. – Что вы сделали с моей женой?

– Ах, значит, вы – муж той несчастной женщины! Доктор на вас очень рассердился. Она же плохо себя чувствовала, ее нельзя было оставлять одну. – Ее глаза даже округлились при воспоминании о недавних драматических событиях. – Ужасная сыпь, а потом, у нее сильно распухли ноги. Просто жутко смотреть! Она так страдала.

– Где она? – взмолился Пол. – Пожалуйста, скажите мне, где она, я вас очень прошу.

– Мы вызвали «скорую помощь», – объяснила девушка, – и ее увезли. Ей было очень плохо. Она дралась с врачами и сестрами. Не хотела ехать. Она была... забыла слово... в бреду. И все время требовала какой-то мяч.

– Милосердный Боже, – прошептал Пол, – это она меня звала. Ей нужен был я, а вовсе не мяч. Меня зовут Пол, понимает? Я – Пол, а не ball...

– Вот оно что, – девушка расцвела в улыбке, – тогда все понятно. А мы тут голову ломали... Слава богу, все разъяснилось. Никаких тайн.

– Где она? – спросил Пол голосом, в котором уже не осталось ничего человеческого. – Куда ее увезли? Что вы сделали с моей женой?

Девушка сосредоточенно нахмурилась, почесала локоть, затем подбородок, после чего изрекла:

– В какую-нибудь из клиник. Нет, постойте, кажется, я слышала, доктор говорил, что ее повезут в Павловскую больницу. Учтите, это одна из лучших ленинградских больниц.

– Павлов? – насторожился Пол и моментально представил, как его горемычную супругу используют для опытов в страшной лаборатории, изучающей поведенческие рефлексy живых существ. Где-то звенит колокольчик, а у Белинды начинается слюноотделение. – И где бы это могло быть?

– Где бы это могло быть? Как забавно вы говорите по-английски! Это могло бы быть именно там, где было всегда. Я так думаю. В районе площади Мира и Садовой улицы. Вы должны немедленно отправиться к жене и сказать, что все еще любите ее.

Это было сказано без намека на улыбку. Похоже, в этой стране люди испытывают острый дефицит любви и относятся к ней чрезвычайно серьезно.

– Я непременно это сделаю, – так же серьезно пообещал Пол. Девушка

снова расцвела в улыбке, кивнула ему на прощанье и удалилась по своим делам.

Неоновая вывеска на самом большом портовом здании сообщала морю, что здесь начинается Ленинград Протез снова угрожающе расшатался. Таксист нервно шагал взад-вперед по причалу и яростно пыхтел сигаретой. Счетчик в его машине мерно щелкал, отсчитывая копейку за копейкой в пользу того министерства, которое ведает работой общественного транспорта. Несмотря на довольно долгое ожидание, водитель выразил согласие ехать в Павловскую больницу. Такси вновь запрыгало по рельсам и грубым булыжникам в сторону выезда из порта. Полу и офицеру, проверяющему паспорта у ворот, очевидно, суждено было вскоре стать друзьями.

А в это время где-то в темноте портового офиса «Интуриста» спокойно лежали дрилоновые платья, такие мирные и такие опасные.

Сидя в такси, Пол ощутил, что у него щемит сердце. Но в тот момент он не думал о Белинде. В его душе звучала тоскливая, заунывная песнь о России, поселившая в его душе тяжелую печаль. Но почему? С чего бы ему испытывать какие-то чувства к России, к этим темным, мрачным складам, каналам? Тем не менее Пол ощущал странный комок в груди. Его переполняла острая жалость к этому городу, ко всем убогим городам, которые он никогда не видел, между которыми громяхают закопченные паровозики, выдыхающие в атмосферу черные клубы дыма. Эта страна была вся покрыта обширными степями, где одиноко выли волки, громко звонили колокола на соборах, варварски гремела Патетическая симфония, а ссыльные и осужденные тяжело передвигали закованные в кандалы ноги, ели кожаные ремни и выдалбливали могилы во льду. Здесь погибла под колесами Анна Каренина и закончил свой век гениальный гомосексуалист Чайковский. Бедный, милый Роберт!

На Невском проспекте горели фонари, ползли ярко освещенные трамваи, целовались влюбленные парочки, торопились домой припозднившиеся отцы семейств. У стены стоял светловолосый и очень лохматый пьяный. Убого одетые рабочие послушно стояли на краю тротуара, дожидаясь разрешающего сигнала светофора. Только увидев надпись «Идите», они начнут переходить улицу. Удивительно послушные люди.

А тем временем водитель такси, в котором ехал Пол, все глубже и глубже погружался в депрессию. Он уже не улыбался, не насвистывал, не приставал к Полу с рассказами о местных достопримечательностях и даже не курил. С мрачным и угнетенным видом он смотрел прямо перед собой.

Подъехав к больнице, которая, как и обещала девочка на судне, оказалась совсем рядом с площадью Мира, он выглядел настолько измученным и потерянным, что вполне сам мог претендовать на койку в этом славном медицинском учреждении. Все-таки славянский темперамент – это не что иное, как болезнь. Водитель наотрез отказался ждать и лишь печально покачал головой. Пол положил ему руку на плечо и несильно сжал его. Водитель судорожно схватил сжимающую его вялое плечо руку и стиснул ее изо всех сил. Физический контакт, казалось, принес успокоение обоим. Но тем не менее, отсчитав изрядное количество рублей и копеек, которые показывал счетчик, Пол добавил вполне приличные чаевые. Этот человек сейчас нуждался в чем-то значительно более крепком, чем обыкновенный чай.

Такси развернулось и покатило к оживленной магистрали. Воистину, у каждого имеется свой скелет в шкафу.

Павловская больница была, судя по всему, обычным муниципальным медицинским учреждением. Пол не мог судить обо всей России, но Ленинград показался ему городом с другой планеты, затерянной в далекой и не слишком развитой галактике. Грязные, выкрошившиеся во многих местах каменные ступеньки, коридор, который явно не ремонтировали со дня постройки этого здания. Стены были окрашены в мрачные коричневые тона, а запах мог бы свалить с ног неподготовленного человека. На входе Пола встретил маленький человечек весь в белом, на нем был даже белый колпачок, как у продавца газировки на улице. «Чего надо?» – полюбопытствовал он. Пол был уверен, что это не доктор, поскольку человечек обладал не слишком умной физиономией и большими, грубыми руками ремесленника.

– Моя жена, – тщательно выговорил Пол по-русски, – англичанка. Этих слов оказалось вполне достаточно. Человечек молча указал ему в глубь коридора, откуда неслись громкие крики Белинды:

– Нет! Нет! Нет! Ни за что! Я же говорю, нет! Да отпустите же меня! Уберите это от меня!

Строго говоря, это не было голосом уважаемой английской леди. Это вопила маленькая хулиганка из Амхерста, потому что в ее лексиконе выражение «черт побери!» было самым приличным. Где, интересно, она этого набралась? Насколько Полу было известно, Белинда росла единственным ребенком в весьма благополучной семье, правда, матери у нее не было, но отец был интеллигентным человеком, профессором... Пол вежливо проговорил:

– Спасибо. Маленький человек не менее вежливо ответил:

– Пожалуйста. И они быстро пошли по коридору на голос.

Кроме отчаянных воплей, оттуда временами раздавались громкие звуки совсем иного рода. Билась стеклянная посуда. И еще слышны были русские ругательства. Пол решительно открыл дверь.

Свет. Очень много белого света. Чужие лица, над которыми белеют совершенно одинаковые шапочки. Все повернулись на звук открывшейся двери. Кроме Белинды. Почти голая, она лежала на столе, с трудом удерживаемая двумя мощными сестрами. Она отчаянно вырывалась, трясла головой, отчего спутанная копна ее волос казалась живой, рот был широко раскрыт в пронзительном крике. Похоже, на нее пытались натянуть смирительную рубашку. Но не исключено, что это была самая обычная ночная сорочка.

– Пол, Пол, Пол, где, черт возьми... что, черт возьми... – как заведенная, повторяла она.

Человечек, заглянувший в комнату вслед за Полом, объяснил собравшимся, кто это, и мгновенно возникший при появлении в больничном помещении чужака настороженный интерес так же моментально исчез.

– Дорогая, – нежно проворковал Пол и обнял жену. Она уткнулась лицом ему в грудь и сразу же перепачкала белую рубашку смывой слезами тушью для ресниц.

Покрасневший от злости человек принялся сметать с пола разбитые стеклашки, при этом он громко и возмущенно что-то выговаривал по-русски.

– Да заткнись ты, – рявкнул Пол.

Оказывается, Белинда лежала не на столе, а на специальной тележке на колесиках. Вцепившись в Пола, она попыталась одновременно оттолкнуть тележку, словно это был башмак с роликами. Металлическая конструкция въехала прямо в спину подметающего осколки человека, который заорал, надо полагать, что-то вовсе уж нецензурное.

– Одежда, – попросил Пол, – где ее одежда? Куда вы дели одежду?

– Кровать, – закричала одна из сестер, почему-то по-немецки, – она должна остаться здесь и лечь в кровать.

Пока Пол тщетно старался собрать воедино свои далеко не блестящие знания немецкого языка, подошла еще одна женщина в белом.

– Мы считаем, что ваша жена должна остаться здесь, – проговорила она на вполне приличном английском. – Необходимо сделать кое-какие анализы.

– Слава богу, – искренне обрадовался Пол, – вы говорите по-

английски. А то я совсем уже разуверился в своих знаниях русского. Скажите, что с ней?

– Я – доктор Лазуркина, – представилась женщина. – Я не очень хорошо говорю по-английски. Пока.

Женщина была чисто одета и, пожалуй, довольно красива, но какой-то слишком уж мужской красотой. От нее сильно пахло лекарствами.

– Конечно, – не стал спорить Пол, – конечно. Но что с ней?

– Где ты был? – рыдала Белинда, все еще судорожно прижимаясь к мужу. – Почему ты ушел и покинул меня? У-у-у...

Взъерошенная, с размазанной по лицу косметикой, опухшими и покрасневшими глазами, к тому же еще и завывающая, Белинда выглядела откровенной уродиной. Ухмыляющаяся пожилая женщина, очевидно старая медсестра, успокаивающе похлопывала строптивую пациентку по плечу. Чуть поодаль восседал сутулый мужичок, одетый, как и все присутствующие, в белое. Он не принимал участия во всеобщем бедламе, просто тихо сидел и что-то бормотал себе иод нос. Местный памятник спокойствию.

– Я не виноват, дорогая, – начал оправдываться Пол, прижимая к себе сотрясающееся от рыданий тело, – сначала меня задержали двое чиновников в гостинице, потом я очень долго ждал такси, потом... Успокойся, прошу тебя, дорогая, все позади, больше тебе не о чем волноваться.

– Ты меня не любишь, – хныкала Белинда, – и никогда не любил. Меня, несчастную, никто не любит.

По крайней мере, она прекратила биться в истерике. И то хорошо.

– Любовь, – громко заявила доктор Лазуркина, – это тема, которую всем надлежит как следует изучить. Даже нам, в Советском Союзе. Я имею в виду терапевтическое воздействие любви. Чувство, что тебя не хотят, отвергают твою привязанность, ощущение неудовлетворенности способны оказать разительное воздействие на состояние здоровья пациента. Тут еще так много неизученного!

– Вы превосходно говорите по-английски, – восхитился Пол.

– Психосоматические процессы весьма интересны, – в заключение сообщила доктор Лазуркина, продемонстрировав незаурядные лингвистические способности (любопытно, а какое время она отвела себе по плану на овладение языком в совершенстве?), – предположим, у вас соринка в глазу. Вытащить ее несложно, но как она туда попала? Этот вопрос не дает вам покоя. Случайно? А вдруг пет?

– Спасибо, – сказал Пол, – но пусть с проблемами моей жены

разбираются органы здравоохранения нашей страны.

– Ну хорошо, – призналась доктор Лазуркина, – случай показался очень интересным лично мне. Но нужна ваша супруга, чтобы провести некоторые исследования. – И она положила руку на плечо Белинды.

Несчастливая вздрогнула, как от удара, потом расслабилась и прошептала:

– Пусть мне вернут одежду. Я хочу домой.

Доктор Лазуркина сурово возразила:

– Она должна остаться. Мы не можем быть уверены, что с ней все будет в порядке, если она не останется под нашим наблюдением. К тому же нам чрезвычайно интересно получить капиталистическую пациентку.

– Я здесь не останусь! – заверещала Белинда, отталкивая от себя твердую, почти мужскую руку (еще и чисто вымытую). – Пусть мне немедленно принесут одежду. Я себя превосходно чувствую! Лучше не бывает! И вполне могу ходить.

Она бодро спрыгнула на пол и сделала несколько шагов в сторону двери.

– У нее только сыпь, – неуверенно сказал Пол. Она так и не прошла: на нежной шее продолжало пламенеть яркое пупырчатое пятно. – Мне еще говорили, что у нее отеки ноги, но я, честно говоря, не вижу никаких отеков.

– Со мной все в порядке, – приплясывала Белинда, – в жизни не чувствовала себя лучше. Пошли отсюда.

– Мы сделали ей обычные инъекции, – сказала доктор Лазуркина, – в Советском Союзе мы достигли больших успехов в области лечения антибиотиками.

– Я думал, пенициллин...

– Разумеется, ей ввели пенициллин. И уже имеется результат. Но здесь есть что-то еще. Мы решили, что наши новые антибиотики исказят картину заболевания и затруднят постановку диагноза. Вам понятно? Отлично. Нельзя лечить, в точности не зная, что ты лечишь.

Пол решил, что непременно оценит по достоинству последнее высказывание.

– А теперь, – сказала доктор Лазуркина, глядя на Белинду с профессиональным «голодом», – мы имеем случай, требующий глубокого и всестороннего обследования. С вашей супругой не все в порядке.

Белинда, которой сварливая санитарка все-таки принесла ее вещи, быстро оделась и уже приготовилась нанести на заплаканное лицо косметику.

– Я сейчас покажу вам, больна я или здорова, – злобно проговорила она, ожесточенно роясь в сумке.

– Что ж, – вздохнула мужеподобная доктор Лазуркина, – я думаю, вы вернетесь. А я подожду. Кстати, если вас беспокоит вопрос оплаты, то совершенно напрасно. В Советском Союзе медицинская помощь бесплатная.

– В Великобритании тоже, – ответил Пол.

– Да? – удивилась доктор Лазуркина. – Но в Советском Союзе лечение тоже бесплатное.

– А у нас, – грустно сказал Пол, – лечение зубов стоит очень дешево, почти бесплатно. Зато у вас... Большинство солистов вашего Кировского балета выполняют свои антраша с английскими вставными зубами, которыми они обзавелись, когда приезжали на гастроли в Великобританию и танцевали в нашем Ковент-Гарден. Не подумайте, мне не жалко, я далек от мысли попрекать их этими зубами. Люди должны что-то отдавать, а что-то получать взамен.

– В таком случае должна вам сообщить, – заметила проницательная доктор Лазуркина, – что мне совершенно не нравятся ваши нижние передние зубы. Похоже, они вот-вот выпадут.

Пол уже открыл было рот, чтобы поведать глазастой докторше свою печальную историю о стоматологическом клее и бдительном таможеннике, но неожиданно почувствовал, что слишком устал, чтобы продолжать дискуссию, и очень хочет чего-нибудь выпить.

– На все есть свои причины, – ухмыльнулся он, – и поверьте, мы вовсе не дураки, хотя, вероятно, кажемся ими.

Доктор Лазуркина подняла голову. Белинда к тому времени уже успели накрасить губы вызывающе яркой помадой, пройтись пуховкой по щекам и аккуратно причесаться.

– Не могли бы вы распорядиться, – обратился Пол к доктору Лазуркиной, – чтобы нам помогли найти такси. Я отвезу жену в гостиницу и уложу в постель.

– Мне осточертела постель, – громко заявила Белинда. – Есть хочу. И пить.

Доктор Лазуркина произнесла несколько фраз по-русски, затем грустно посмотрела на оживленное личико Белинды и сказала:

– Эйфория. Это временно. И быстро пройдет. Что ж, дело ваше, только имейте в виду, что я дежурю до утра.

Глава 9

И Белинде и Полу было что рассказать друг другу. Поэтому всю дорогу они вели весьма оживленный диалог, иногда даже перебивая друг друга. Усаживаясь в третье по счету за этот длинный вечер такси, Пол произнес только одно слово: «Ресторан». Водитель сразу же предложил «Метрополь», который располагался, по заверению водителя, совсем недалеко.

Судя по всему, за рулем очередного облезлого драндулета сидел коренной ленинградец. Он обладал роскошными усами, голосом базарного торговца, был быстр в движениях и необыкновенно артистичен. Шустрый водила сумел наглядно показать, что в «Метрополе» играют на пианино, ударных и духовых музыкальных инструментах, танцуют, занимаются любовью, едят, пьют и напиваются до бесчувствия. При этом он еще и вел машину.

– Мне это все не нравится, – нахмурилась Белинда, когда Пол завершил описание своей одиссеи. – Тебе следует избавиться от этих проклятых чемоданов. Сандра – сука, и она не заслуживает, чтобы ей помогали. Просто оставь их там, где они лежат. Вроде бы они принадлежат кому-то другому.

Интересно, почему она снова взялась на Сандру? Надо разобраться. Потом... как-нибудь.

– С нашими именами на ярлыках? Думай, что говоришь.

– Тогда сходи за ними рано утром. И брось в воду. Я знала, – простонала она, испуганно глядя на темную улицу за окном, – мы не должны были приезжать. У меня с самого начала было дурное предчувствие.

– Сделай одолжение, заткнись, – буркнул Пол и сам удивился. Что случилось с его традиционно вежливой и грамотной речью? Не иначе, сказалось дурное влияние водителя. – Нет, – сказал Пол, – придется мне самому заняться продажей. Продать эти дурацкие платья в каких-нибудь туалетах. Их расхватают, как горячие пирожки. Женщины, я имею в виду. Дорогая, – он нежно обнял испуганно нахохлившуюся жену, – с тобой все в порядке? Ты действительно хорошо себя чувствуешь?

– Ты не должен был оставлять меня одну в чужой стране. Они несли меня вниз по трапу на носилках, представляешь? Мне было так стыдно! А потом еще эта старая ведьма в машине «Скорой помощи». А какая

маленькая была машинка! Не больше, чем наш мини-кеб. Так вот, эта ужасная старуха положила мою голову себе на колени и всю дорогу напевала старые русские колыбельные песни или еще что-то такое же заунывное. Там еще было двое медбратьев, один из них все время прижимал меня к себе, причем, что самое странное, в его объятиях не было ничего сексуального. В общем, все было как-то неправильно. Словно меня взяли в чужую семью, в одну из тех громадных семей, которые настолько велики, что могут позволить себе взять ребенка с улицы и даже не заметить этого. Между прочим, улица, по которой мы едем, довольно большая, – впечатляет... Хотя она какая-то убогая. И безымянная.

– Что ты имеешь в виду?

– Нигде не видно никаких имен. Никакой рекламы, украшений, иллюминации, нет даже простого освещения. Совершенно не похоже на Лондон. Да и на Нью-Йорк тоже.

Пол отчетливо понял, что она имеет в виду, говоря о безымянности. Здесь ни у кого не было имен, как их нет у членов одной семьи. Имена существовали только для чужаков. Все: магазины и магазинчики, крохотные ларьки и большие склады – существовало в пределах семьи.

– И все же, – продолжала рассуждать Белинда, – здесь на меня повеяло чем-то знакомым, родным, вроде бы я уже видела нечто подобное, когда была маленькой девочкой. Ты меня понимаешь?

– Не знаю. Думаю, что да. Дело в том, что Россия – это всеобщее прошлое. Кое для кого она является также и будущим, но зато прошлым – для всех.

– Это форменное безумие! – сморщила носик Белинда.

Как раз в это время водитель был вынужден остановиться, поскольку дорогу решительно перегородила толпа людей, желающих сесть в подъехавший трамвай. Он жестами выразил свое негодование по этому поводу, но продолжал послушно стоять. Затем он проехал еще несколько метров и остановился у мрачного темного здания с грязными стеклянными дверьми, на которых весьма странным шрифтом было написано слово «Метрополь». Если здесь гуляли и веселились, то перед этим хорошо позаботились о маскировке. Двери охранял весьма живописный страж.

Когда Пол расплатился с таксистом, швейцар, или как там эта должность у них называется, открыл перед ними двери в темный коридор. Обстановка напомнила Полу муниципальную библиотеку после закрытия. Ему иногда доводилось навещать туда в неурочные часы, если на втором этаже заседало местное литературное общество.

Вслед за этим он увидел слева от себя небольшую закусочную,

которая, очевидно, была уже закрыта, поскольку подверглась яростному нападению уборщицы с метлой. Он сразу же вспомнил уродливых детей войны, которым дал жизнь незабвенный Уинстон Черчилль, – британские военные рестораны. На полу там всегда можно было обнаружить мусор или лужи от только что произведенной влажной уборки. У официантов были неизменно постные лица, а из кухни несся тошнотворный запах плавленого сыра.

Правда, когда они поднялись по совершенно голой винтовой лестнице на второй этаж, стало очевидно, что где-то здесь люди действительно веселятся. Белинда прислушалась и бодро зашагала на звук музыки. Русские играли джаз. Рыдали саксофоны, им заунывно вторили кларнеты, навевая на присутствующих всеобщую, ставшую уже национальной чертой, меланхолию.

В зале все осталось таким же, каким, очевидно, было при царском режиме. Пианино, ослепительно белые скатерти, громоздкие канделябры, которые подрагивали, если танцующие слишком уж усердствовали. В танцевальном зале отплясывали фокстрот инженеры, электрики и транспортные рабочие, все с мрачными, неулыбчивыми женами. Тут же было несколько человек в форме. Пол принял их за космонавтов, они топтались здесь же с крупными и, по всей вероятности, очень здоровыми девушками, не иначе как трудящимися на благо родины на молочной ферме. Их плотно сбитые тела просвечивали сквозь тонкую ткань летних платьев. Несколько очень юных и тонконогих созданий неопределенного пола были одеты в джинсы. Богатая, но неухоженная гостиная, казалось вся состоящая из зеркал и пыльного плюша, отделяла танцующих от обеденного зала, где в тот момент было довольно шумно. Это одетые в белые пиджаки и теннисные туфли официанты дружно сплотились, чтобы выдворить на улицу двух пьяных. У двери стоял автомат для продажи сигарет, но в нем, очевидно, что-то разладилось, и в настоящий момент он был занят тем, что выплевывал бесплатные пачки столпившейся вокруг него кучке людей, которые, не медля, распахивали халатное курево по карманам.

– Иди за мной, – вполголоса сказал Пол и вклинился в толпу. Белинда вцепилась в его рукав мертвой хваткой и не отставала ни на шаг.

Белый, белый свет. Почти как в больнице. И посуду так же бьют, только не от злости, а с перепоя.

– Пожалуйста, пожалуйста, – бормотал он, с трудом продвигаясь вперед в густой толпе.

– Боже мой, – прошептала Белинда, – какое пекло!

Из-за жары жующие и пьющие люди, сидящие за столами, старались отодвинуться друг от друга. Они расселись в узких проходах, или, по крайней мере, вытянули туда ноги. После обильных возлияний любая беседа обычно сопровождалась оживленной жестикуляцией. Так что идущему по проходу между столами следовало соблюдать особую осторожность, чтобы никому не наступить на ногу, и при этом суметь увернуться от очередного взмаха руки чрезмерно увлекшегося рассказчика. Тепло отражалось в зеркалах, сгущалось над канделябрами, согревало наполненные водкой стаканы. «Сюда!» – воскликнул Пол. Это был стол, откуда, судя по грудам мусора в грязных тарелках и плавающим в луже пива окуркам, только что изгнали двух пьяных. Но стол предназначался для четверых. Напротив сидел молодой ремесленник, одной рукой он обнимал довольно неприятную особу женского пола, а в другой держал вилку, которой выуживал из весьма странной посуды кусочки яичницы. Его спутница в это время потягивала пиво и довольно хихикала. У нее были длинные спутанные волосы, которые она не только не причесывала, но и не мыла, а во рту отсутствовал верхний резец. (Слава богу, подумал Пол, протез пока еще держится.)

– Что ж, – вздохнул Пол и помог Белинде сесть, – теперь мы, по крайней мере, можем выпить.

Вокруг то и дело откупоривали шампанское. Пробки выстреливали в потолок. Соседи Белинды и Пола по столу тоже не страдали от жажды. Перед ними выстроились бутылки с пивом, графинчик с водкой, небольшая бутылочка с ядовито-розовым ликером, к которой ремесленник периодически присасывался своими толстыми розовыми губами, отложив на время вилку. В дальнем углу светловолосый великан возвышался над столом, произнося длинный тост. Тут же сидела группа молодых людей. Судя по всему, это были студенты, но не русские. Они что-то громко пели. Песня была не русской, но тем не менее казалась очень славянской. Молодые люди, а вместе с ними и их стаканы с пивом покачивались в такт мелодии. Рядом весьма серьезный человек вместе с семьей праздновал какое-то важное событие. Все пили вдумчиво и серьезно.

– Боже, – простонала Белинда, – умираю от жажды.

Мимо без усталости сновали взад-вперед официанты. Их подносы были уставлены кружками и пенящимся пивом, бутылками грузинского муската, теплого даже на вид, шампанского, водки, коньяка. Пол старался изо всех сил, жестами изображая близкую смерть от жажды, причем не только собственную, но и своей жены. Это никого не волновало. За соседним столиком два почтенных на вид гражданина устроили соревнование, кто

больше выпьет водки за две минуты. Оба не были намерены проигрывать. Рядом официант открыл очередную бутылку теплого шампанского. Пробка, а вместе с ней и изрядное количество содержимого взлетели к потолку, окатив сидящих за столиком. Неподалеку от них солидный мужчина пил пиво. Когда он оторвался от кружки, его толстые губы были покрыты белой пеной.

Отчаявшийся Пол приложил руку к сердцу и из последних сил завопил:

– Пожалуйста, товарищ. – Но официанты были глухи к его мольбам.

– Я не шучу, – нахмурилась Белинда, – я точно умру, если немедленно не получу чего-нибудь попить. Мне уже дурно.

Официанты споро открывали бутылки и наливали в стаканы искрящееся вино. На бегу они снисходительно поглядывали на Пола и Белинду. Так занятые люди иногда бросают мимолетный взгляд на экран телевизора. Возможно, передача интересная, но, к сожалению, нет времени остановиться и посмотреть ее. В конце концов Пол узрел, где официанты наполняют свои подносы. В дальнем конце комнаты стоял совершенно неприметный прилавок, над которым возвышалась мощная мадам с претенциозным украшением в волосах, выполненным в форме диадемы. Пол со всех ног устремился к ней.

– Пожалуйста, пожалуйста, – залопотал он и вынудил ее оторваться от кассы и с неудовольствием взглянуть в его сторону – Лива, – униженно молил Пол, – дайте мне пива!

– Нет! – Женщина отмахнулась от него, как от назойливой мухи, и возмущенно фыркнула.

Полу уже порядком осточертели постоянные стычки с упрямыми женщинами в этой стране. Он увидел, где стоят вождеденные бутылки, протиснулся в узкую щель между стеной и прилавком и решил позаботиться о себе сам. Разъяренная женщина сжала далеко не маленькие кулаки и двинулась на него. Получив первый, весьма чувствительный удар, Пол едва не заплакал. Для одного дня это было уже слишком. Он всего лишь хотел получить два холодных пива. И несколько минут покоя. Неужели это так много! Почувствовав, как его глаза наполнились слезами, Пол отступил. Он сгорбился и уныло побрел на свое место, расстроенный, обиженный, несчастный.

– Вам нужно вернуться за столик и подождать официанта, – раздался мужской голос, – понимаете?

Это сказал молодой человек, высокий, худощавый, в спортивной рубашке с расстегнутыми верхними пуговицами и рукавами, закатанными

почти до самых подмышек. Хлопчатобумажные брюки обтягивали его так плотно, что казались вторым слоем кожи. Утирая слезы, Пол заметил широкие плечи и внушительные бугры мышц. У новоявленной золотой рыбки были широко расставленные голубые глаза и прямой нос с большими трепещущими крыльями. Светлые волосы вились над высоким загорелым лбом. Рот тоже производил приятное впечатление – широкий, правильно очерченный, улыбающийся. Стоя в такой же расслабленной позе, молодой человек не глядя выбросил в сторону руку (так хамелеон выстреливает изо рта свой длинный язык), поймал официанта и проговорил несколько быстрых фраз по-русски. Кое-что из сказанного Пол понял.

– Большое вам спасибо, – искренне обрадовался Пол, – вы очень добры. Мы с женой умираем от жажды.

– Он все принесет на столик, – лениво проговорил юноша, – не волнуйся, папаша, кстати, а у тебя не найдется... – Он сделал весьма выразительный знак и поднес палец к губам.

– Сигареты! – сообразил Пол и принялся лихорадочно шарить по карманам. Открытая пачка «Плейерс» нашлась рядом с ключом от гостиничного номера, который удивительно неудобно оттягивал карман.

– Сигареты! – повторил юноша. – Спасибо, папаша. – Он внимательно осмотрел бородатого моряка, спасательный круг, море и с уважением произнес: – Британские.

Пол ухмыльнулся и попытался определить национальность своего нового знакомого. Американец? Вряд ли. Во всяком случае, он не турист, поскольку явно чувствует себя здесь как дома и слишком плохо одет. По-русски говорит совершенно свободно. Значит, это его родной язык? Во всяком случае, именно по-русски с ним сейчас сердито разговаривала темноволосая и очень смуглая девушка с длинной челкой и раскосыми глазами. Она была одета в красновато-коричневое мешковатое платье, на шее болтались деревянные бусы, на ногах, несмотря на жару, черные чулки, причем на левой коленке виднелась большая дыра.

– Если не секрет, кто вы по национальности? – нерешительно поинтересовался Пол.

– Долгая история, – отмахнулся юноша, – напомни, я тебе как-нибудь потом расскажу. Но не сейчас.

В это время из танцевального зала донеслись звуки вальса, и ноздри юноши моментально затрепетали в соответствующем ритме. Не обращая внимания на злобные слова девушки, он обнял ее за плечи и, весело подмигнув Полу, увлек ее за собой танцевать, причем по дороге разнял двух изготавившихся подраться пьяных. Пол вернулся к Белинде.

– Посмотри, – она немедленно принялась жаловаться, – что они принесли. Я это не заказывала. Кроме того, пить все равно нечего.

На столе красовалась соленая рыба, обильно политая маслом и украшенная колечками лука.

Сидящий напротив молодой ремесленник покончил с яичницей, и теперь его свободная рука была занята апельсином.

Прошло еще несколько томительно долгих минут, и официант принес долгожданные напитки. Пол не утерпел и громко вознес хвалу Всевышнему. На столе появилось пиво, стаканы и маленькая бутылочка коньяка.

– Повторите то же самое, – поспешно проговорил Пол еще до того, как его губ коснулась долгожданная влага.

Тут весьма неожиданно оживился юный ремесленник. Очевидно привлеченный произнесенными Полом словами «Слава Богу!», он наконец заметил своих соседей по столу. Выразительными жестами (перекричать всеобщий шум было невозможно) он объяснил, что, несмотря на всеобщее господство атеистического мировоззрения, по его мнению, Бог где-то там, наверху, есть. Но этот самый Бог не слишком хорош, поскольку не возражает против существования нищеты, болезней и водородной бомбы. Его спутница явно выглядела шокированной столь вопиющими откровениями. Используя для наглядности недоеденный апельсин, он выдавил из него, высоко подняв руку, немного сока, что должно было изобразить дождь, радиоактивные осадки, а возможно, и манну небесную. Затем он торжественно продемонстрировал движение остатков апельсина по кругу, очевидно желая показать, что Луна, или Земля, или ее искусственные спутники, несмотря на все божественные происки, движутся по своим орбитам. Пол обнаружил, что довольно сносно говорит по-русски, но ему приходилось орать во все горло, чтобы быть услышанным, вследствие чего он все время кашлял и был вынужден вновь и вновь промачивать горло. Но теперь официант знал, что чету Хасси следует обслуживать так же, как и прочих, поэтому он довольно быстро принес еще пиво и коньяк. Вечер становился все более приятным.

Оказалось, что юный ремесленник не может оплатить счет. Ему не хватило двух рублей тридцати копеек. Его спутница злобно фыркнула, а сам он ужасно расстроился и покраснел. Пол предложил официанту оплатить разницу, но тот лишь отмахнулся. Очевидно, у них взаимопомощь не была общепринятой. Жена ремесленника (теперь Пол заметил на ее руке узкое золотое колечко) крикнула, что она принесет деньги завтра. Глаза юного работника наполнились слезами. Официант, с лица которого исчезла

любезная улыбка, моментально превратился в злобного грубияна. Он принялся пинками отталкивать молодого человека прочь от остатков его пиршества – печенья, конфет, апельсиновой кожуры. Его жена с энтузиазмом помогала официанту, осыпая площадной бранью своего поникшего, опозоренного супруга.

Волна жестокости, зародившаяся возле столика Пола, прокатилась по всему ресторану. Женщина, царившая за прилавком с напитками, обильно смочила в нашатыре большую тряпку и теперь ходила по залу и тыкала этой вонючей гадостью в носы тихо дремавших пьяных. Они моментально просыпались, сопровождая процесс пробуждения криками и руганью. В случаях, казавшихся ей более тяжелыми, она беспардонно тыкала мокрую тряпку прямо в глаза спящим. Те вскакивали, крича от боли, ничего не понимающие, наполовину ослепшие. Несколько официантов усердно тузили кого-то ногами, только их мягкие теннисные туфли не могли причинить особого вреда. Студенты затеяли шумный скандал. Молодой бородач забрался на пустую сцену, по дороге снес несколько пюпитров и теперь терзал пианино, извлекая из него яростную какофонию звуков в стиле буги-вуги. Два мужика, обладающие довольно внушительными габаритами, решили сплясать в узком проходе фокстрот. От их неуклюжих на столы разлетались в стороны, посуда и бутылки летели на пол. Родители принялись уводить домой детей.

– Я, – сказала Белинда, – тоже хочу танцевать.

Пол с искренним удивлением взглянул на супругу. Она выглядела угрожающе здоровой. А глаза сверкали, как драгоценные камни.

– Мы не можем, – пробормотал он, – не здесь же. А в том зале, где танцуют, совсем нет места.

– Ты имел возможность повеселиться, – заявила она, – теперь моя очередь. Ты танцевал прошлой ночью, а сегодня буду танцевать я.

– Ты имеешь в виду, одна? – уточнил Пол. Самое страшное, что одному Богу известно, какой наркотик ей могли впрыснуть эти ненормальные русские. – Дорогая, ты уверена, что чувствуешь себя нормально?

– Я чувствую себя превосходно. Пойдем танцевать.

И они начали танцевать фокстрот здесь же, в проходе между столами. Каждому столу, который они задевали, Пол считал своим долгом пробормотать: «Пожалуйста».

Студенты моментально прекратили ссориться и во все глаза уставились на необычную пару. Один из них, высокий блондин, похожий на юного светловолосого бога, воскликнул:

– Блеск! Я тоже хочу с тобой потанцевать!

А буги-вуги продолжали греметь со сцены. Но в конце концов бесконечная череда повторяющихся, диссонансных аккордов оборвалась, и полились плавные, протяжные звуки медленного блюза.

– Ненавижу смотреть на закат, – пропела Белинда.

Пожалуй, она чувствовала себя как-то неправдоподобно хорошо. Не было заметно сыпи, йоги двигались быстро и легко.

– Хватит, – сказал Пол, – достаточно.

Очевидно, пианист принял аналогичное решение. Ему надоела и музыка, и инструмент, на котором он играл. Он с размаху стукнул ладонями по клавиатуре и этим весьма своеобразно звучащим аккордом завершил свое выступление.

– Музыку! Музыку! – закричала Белинда. – Темп! Живо!

– Это был санкт-петербургский блюз, – сказал Пол. – А теперь пойдем.

Он провел ее обратно к столику и обнаружил, что освободившиеся места опозорившегося ремесленника и его супруги снова заняты. Теперь там сидела узкоглазая девушка, поминутно гремящая деревянными бусами, и ее спутник, молодой человек, оказавший Полу неоценимую услугу при общении с официантами.

– Вот как? – удивился Пол.

– Если вы не возражаете. – Молодой человек снова попросил закурить.

– Вы быстро справились с предыдущей пачкой, – отметил Пол и принялся озабоченно шарить по карманам. Сигарет он не нашел, только оцарапал палец ключом от гостиничного номера.

– Судя по выговору, вы американец? – любопытствовала Белинда. Она достала из сумочки пачку длинных сигарет и предложила новым соседям по столику.

Девушка покачала головой, парень сказал:

– Спасибо.

– Моя жена, – объяснил Пол, – из Массачусетса.

– А кто они такие, американцы? – задумчиво проговорил юноша и глубоко затянулся. Вслед за этим он выдохнул дым через нос и несколько озадаченно взглянул на свою девушку, словно припоминая, откуда она взялась. – Это Анна. А меня зовут Алексей Прутков. Это похоже на американское имя?

– Но вы из Штатов? – настаивала Белинда.

– Я родился в Бруклине, – сказал Алексей Прутков. – Мой отец родом из Смоленска, а его отец – из Ниссогорска. Он увез своего сына в Америку, я имею в виду, мой дед увез моего отца, когда тому было всего пять лет. –

Он смотрел попеременно то на Пола, то на Белинду и одновременно указывал на своих собеседников левым указательным пальцем. Создавалось впечатление, что он не вполне уверен, хорошо ли его понимают.

– Что ж, – улыбнулась Белинда, – значит, вы стопроцентный американец. А теперь вы приехали познакомиться со своей исторической родиной. Вполне объяснимое желание. Я рада познакомиться с вами, Алексей.

– Просто Алекс, – откликнулся новый знакомый. – И я вовсе не любопытствующий турист, жаждущий увидеть родину предков, понимаете? – Он снова перевел взгляд с Пола на Белинду. – Так? Я примерно в курсе дела, что здесь происходит. Что-то узнаешь от туристов, что-то из газет. Понимаете? Они тут все безумцы. И крутые. Что-то в этом роде.

– Некоторые вещи я совершенно не понимаю, – дружелюбно улыбнулся Пол. – Если вы не знакомитесь с исторической родиной, чем тогда вы здесь занимаетесь? Учитесь? Приехали по делам?

В обеденном зале все шло своим чередом. Самые пьяные уже покинули помещение, сами или с посторонней помощью. Несколько юношей, не спрашивая разрешения, подсели к столу четы Хасси. Студенты перестали шуметь. Теперь они выстроились в колонну, причем каждый положил руку на плечо впереди стоящего. В таком виде они маршировали по залу и что-то пели.

– У моего отца был рак, – грустно сказал Алексей Прутков. – Он хотел умереть на родной земле. У него остался только я. Моя мама давно умерла от пищевого отравления. Она очень много работала, а ее пренебрежительно именовали выходцем из Центральной Европы. Мы остались с отцом вдвоем и приехали сюда. Но ему так и не довелось увидеть Смоленск. Он умер в Павловской больнице.

– Вот оно что, – протянул Пол и искоса взглянул на Белинду. Очевидно, название ей ничего не говорило.

– Он довольно своеобразно смотрел на жизнь, – продолжал Алексей, – особенно когда уже был серьезно болен. Ему не нравилось в Америке. Он не хотел, чтобы его называли «коммунякой», все равно как ниггером или жидом. И все только потому, что его фамилия Прутков. А потом появился сенатор Маккарти... Отец говорил, что там еда не имеет никакого вкуса. Чем хуже он себя чувствовал, тем больше говорил о Смоленске. Мне казалось, что он знает об этом городе все, хотя его увезли оттуда в пятилетнем возрасте.

Угрюмый юнец в очках выдохнул на Пола облако алкогольных паров и спросил:

– Эрнест Гемингуэй. Убийство или самоубийство?

– Думаю, что убийство, – ответил Пол. Узкоглазая девушка громко зевнула. Ее тонкие губы на мгновение образовали ярко-красную заглавную букву «О». – Вероятно, дело как-то связано с кубинской политикой. Политическое убийство. – Последние два слова были подхвачены сидящими неподалеку юношами и быстро разнеслись по залу.

– Пол, все-таки ты идиот, – вздохнула Белинда.

– В Ленинграде жил мой дядя Вадим, – сказал Алексей Прутков, – он меня воспитывал. Я говорю по-русски и по-английски. У меня есть работа. Я – переводчик в «Интуристе». – Он свысока посмотрел на собеседников, словно ожидая, что на него сразу же посыплются поздравления. – Но где я? – тоскливо вздохнул он. – И где это все? Куда мы все идем? В общем, я не знаю, где я и кто я.

– Вы имеете в виду, что не уверены в своей лояльности? – уточнил Пол.

– Не знаю, что я имею в виду, – вздохнул Алексей Прутков. – Я слышу рассказы о людях, ждущих, что им на головы свалится бомба. Люди в Америке и Западной Европе живут, слушают музыку и ждут, что на них сбросят бомбу. А кто собирается ее сбросить? Вот что мне хотелось бы знать.

– Мы все хотели бы это знать, – сказала Белинда.

– Виновато государство, – заключил Алексей Прутков. – Именно оно хочет уничтожить все живое только для того, чтобы доказать, что оно самое сильное.

– Ерунда, – сказал Пол. – Кстати, вам вообще не стоит вести такие разговоры. Во всяком случае, здесь, в России.

– Россия или Америка, – вздохнул Пол. – Какая разница? Все равно – государство. А нам ничего не остается, только собраться вместе и просто жить, не думая о завтрашнем дне.

– Вы можете это сделать здесь? – поинтересовалась Белинда.

– А почему бы не попробовать? – улыбнулся Алексей. – Жизнь – важная и интересная штука. Вино, женщины, музыка, другие удовольствия... Нельзя терять ни минуты. Пока еще есть время, надо брать от жизни все.

Глава 10

Обстановка стала непринужденной и вполне дружелюбной. Вначале незнакомые и похожие друг на друга лица молодых ленинградцев теперь обрели индивидуальность и даже имена. Владимир, Сергей, Борис, Павел... В воздухе плавал сизый дым, все ели борщ и селедку. Время пьяного разгула миновало, наступил час поэзии и серьезных разговоров.

Сергей, студент одного из ленинградских технических вузов, с чувством читал Белинде лирическое и очень грустное стихотворение Пушкина:

Я вас любил, любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем...

Алексей Прутков добросовестно выполнял функции переводчика.

– Я любил тебя, – говорил он, – возможно, это чувство еще не совсем умерло в моем сердце, сечешь? Но пусть это тебе не доставляет больше никаких неприятностей. Я не хочу, чтобы ты о чем-то тревожилась. Я любил тебя тихо и без всякой надежды, иногда умирал от счастья, иногда от ревности. Я любил тебя так искренне, так нежно, врубаешься? Пусть Бог пошлет тебе еще такую любовь.

...Как дай вам Бог любимой быть другим.

Глаза Пола наполнились слезами. Федор плакал навзрыд. Рядом стоял официант с еще неоткрытыми бутылками. Его физиономия тоже выражала неизбывную грусть. Только на Белинду поэзия не произвела никакого впечатления.

– Любовь, – фыркнула она. – То, что люди называют любовью, означает все брать и ничего не давать взамен.

– Надеюсь, ко мне это не относится, дорогая? – улыбнулся Пол и сделал попытку обнять жену, но та вывернулась из нежных объятий. Она явно была раздражена и настроена только на язвительные колкости.

– К тому же у меня больше нет нормальных сигарет. Осталась только русская картонная мерзость. – Она надула свои хорошенькие губки. – Между прочим, я отдала все свои хорошие американские сигареты вам. –

Она обвинительным жестом указала на Алексея Пруткова. Подумав, она сильно ткнула локтем в бок Пола: – Отправляйся и найди где-нибудь хороших сигарет.

Полу стало совершенно очевидно, что ее пора Уводить из ресторана. Причем чем быстрее он сумеет доставить ее до гостиницы и уложить в постель, тем лучше. Он улыбнулся и проворковал:

– Пора в отель, дорогая. Нам следует хорошо отдохнуть.

– Я никуда не пойду, – отмахнулась она. – Остаюсь. Я тоже имею право отдыхать, не только ты.

Сергей начал было снова читать Пушкина. На этот раз аудитории предлагался длинный монолог из «Бориса Годунова». Но Белинда его перебила:

– Если это снова про любовь, то я не хочу слушать. Лучше спросите его, – она указала на Пола, – знает ли он, как надо любить женщину...

– Достаточно, дорогая, – вмешался Пол.

– И правда, достаточно, – неожиданно согласилась Белинда. – Я пришла сюда хорошо провести время, а не стихи слушать. Сбросьте-ка все с того стола. Я покажу вам стриптиз.

– Белинда, – повысил голос Пол, – мы уходим.

– Я сделаю это на столе. Пусть кто-нибудь пойдет подыграет мне на пианино. Стриптиз под музыку – это будет недурно. – Белинда вызывающе уставилась на Анну. – У меня такая же хорошая фигура, как у нее. Нет, пожалуй, моя лучше. Более чувственная. Этой девице никогда не приобрести такую же. – Она скользнула шаловливым взглядом по лицу мужа.

Про Пушкина благополучно забыли. Неожиданно Белинда охнула и хлопнула ладонью по шее, словно хотела убить севшую туда муху.

– Мне опять больно, – пожаловалась она.

– Послушай, дорогая, ты нездорова. Видимо, то, что тебе дали в больнице, больше не действует. – Пол решительно встал. – Я пойду разыщу такси.

– Такси? – удивился Алексей Прутков и покачал головой. – В такое время вы нигде не найдете такси. – Он перебросился несколькими фразами с Борисом, Сергеем и Федором и подтвердил: – Сейчас такси нет, папаша.

В это время Павел приставил палец к носу, сразу сделавшись похожим на Гоголя, и что-то сказал.

– Павел, – объяснил все тот же Прутков, – работает в тайной полиции. Он говорит, что может остановить любую частную машину и от имени тайной полиции потребовать, чтобы вас доставили по назначению. Но дело

в том, что сейчас и частную машину нигде не найдешь. Слишком поздно.

Белинда снова громко застонала.

– Мы что-нибудь придумаем, – заявил Пол, – пойдем, дорогая.

Белинда встала. И тут выяснилось, что на ногах она держится с большим трудом, а идти не может вообще. В конце концов вся сидевшая за столом компания поняла, что возникли проблемы. Все встали и нерешительно столпились рядом. Только Анна не двинулась с места.

– Пожалуй, мне надо оплатить счет, – вздохнул Пол.

– Для того чтобы это сделать, папаша, тебе придется направиться к выходу. Тогда тебе сразу же принесут счет. Иначе ты здесь будешь сидеть очень долго.

И действительно, как только Белинда, поддерживаемая двумя юношами, издавая жалобные стоны, направилась к выходу, рядом с Полом моментально материализовался официант со счетом. На клочке бумаги была написана всего одна цифра. Пол подумал, что при ее вычислении официанту явно изменило чувство меры, но не стал спорить и молча расплатился. У входа сиротливо стоял автомат, который должен был снабжать курящих посетителей сигаретами, украшенный табличкой «Не работает». Похоже, их можно было заметить в Ленинграде буквально на каждом шагу. И когда официант поинтересовался причиной громких стонов Белинды, Пол спокойно ответил: «Не работает».

Возле лестницы стояла уже знакомая тетка с благоухающей нашатырем тряпкой. Рядом с ней приплясывал низкорослый мужичок, судя по всему, только что закончивший уборку в дамской комнате. Они проводили осуждающими взглядами Белинду и хором сказали:

– Пьяная.

– Она не пьяная! – возмутился Пол. – Она больная!

Белинду осторожно свели вниз по ступенькам и усадили на стул возле входной двери. В это время с улицы донесся странный шум. Оттуда доносились громкие голоса, ругань, звон бьющегося стекла. Затем раздался стук в дверь. Пол почувствовал себя чрезвычайно неудобно. От испуга он даже вспомнил библейскую фразу о незнакомцах, которых следует узнать. Наверное, пьяные русские возжаждали крови иностранцев. Но Алексей Прутков спокойно объяснил:

– Не бойся, папаша, это обыкновенные стилиаги. Они хотят, чтобы их пустили внутрь.

– Стилиаги? – удивился Пол. И задумался. Это слово должно быть как-то связано с модой, стилем одежды... В конце концов он сообразил, что, вероятно, Алексей имел в виду обычных пиджонов, и успокоился. – Так как

насчет транспорта для нас? – спросил он у Павла.

Павел, очевидно, никуда не спешил. Он снова приставил палец к носу, затем издал негромкое «Псссс» и указал на темнеющую в углу дверь. Мужчины дружно закивали и последовали за ним. Видимо, вопрос транспорта должен обсуждаться только специальным комитетом и не иначе как в камере. Анна, которая все время уныло плелась в хвосте процессии, стояла в стороне, скрестив руки на груди, и всем своим видом показывала, что ей нет никакого дела до нездоровья Белинды.

– Я через минуту вернусь, дорогая, – заверил Пол жену и последовал за остальными. Он тоже ощутил потребность посетить это интимное заведение. Возле писсуаров молча дрались два мужика. Обладавший внушительными габаритами швейцар крутился рядом, но пока не пытался воздействовать на хулиганов физически. И вообще место было отвратительно грязным. Алексей Прутков обернулся к Полу и проговорил:

– Что у тебя есть на продажу, папаша?

Владимир, Сергей, Борис и Федор с любопытством смотрели на Пола.

– Продажа? – обрадовался Пол, но тут же решил, что следует соблюдать осторожность. Он скосил глаза на Павла, служившего в тайной полиции. Тот как ни в чем не бывало разговаривал с высоким человеком с длинными, как у Тарзана, волосами. Тем не менее это могла быть ловушка.

– Да, да, – нетерпеливо повторил Алексей Прутков, – часы, фотоаппараты, паркеровские ручки... Что? Все туристы везут что-нибудь на продажу.

– Ну, – осторожно начал Пол, – следует все тщательно обдумать. Мне не нужны сложности с законом. В первую очередь мне необходимо доставить мою жену в «Асторию». Вы же видели, что ей нездоровится.

– У вашей жены тоже может быть что-нибудь для продажи. Бюстгальтеры, например. В России очень нужны бюстгальтеры.

– Могу я поинтересоваться, – продолжал осторожничать Пол, – кого или что вы представляете? Какой-нибудь государственный орган?

– Эх, папаша, – засмеялся Алексей, – ты явно не наш человек. Людям нужны шмотки, а вовсе не идеи. За идеями всегда следуют бомбы. Мы хотим насладиться жизнью, пока на головы еще не падают эти паскудные шутовчины. Так есть у тебя что-то для нас?

– Это зависит от многих факторов, – сказал Пол. – Предположим, у моей жены найдется два-три лишних платья. Если она решит их продать, кто их купит? Курс обмена валюты у вас не слишком выгоден для туристов, поэтому вполне вероятно, что она захочет расстаться с несколькими платьями, чтобы получить немного денег. Но ей нужны будут наличные, а

не пустые обещания.

– Это не проблема, – отмахнулся Алексей, – вокруг полно наличных. Лично у меня их не много, но, уверяю тебя, папаша, они есть.

– Следует хорошо все обдумать, – повторил Пол, он дождался своей очереди к унитазу и теперь вынужден был прервать разговор, чтобы насладиться непередаваемым чувством облегчения. Алексей Прутков был следующим и уже нетерпеливо расстегивал брюки. – А пока меня больше всего волнует вопрос...

– Да знаю я, знаю... транспорт. Не волнуйся, папаша, мы доставим вас на место. Я работаю в Эрмитаже. Знаешь, что это?

– Видел, – ответил Пол. – Очень впечатляет.

– Там полно старых профессоров, которые знают все об искусстве, истории, скульптуре, сечешь? Но они не могут ни слова произнести по-английски. Для этого им нужен я. Чтобы переводить их мудрые речи иностранным туристам. Иногда я что-нибудь путаю, но никто не замечает. Бывает даже, я несу полную отсебятину, но всем плевать. Понимаешь, папаша, – проникновенно признался Алексей, застегивая штаны, – я хочу только одного – жить. А в Эрмитаже кругом одна только смерть. И мне приходится ходить туда каждое утро. К десяти часам.

– Теперь я знаю, где тебя найти, – сказал Пол.

– Совершенно верно, папаша. Ты знаешь, где меня найти. А возможно, ты даже захочешь посетить меня в моей берлоге. – Алексей выглядел одновременно дерзким и немного смущенным. – Берлога. Я правильно выбрал слово?

– Да, вполне. – Пол начинал чувствовать симпатию к этому странному юноше.

– Я живу вместе с Анной, – объяснил Алексей. – Анна замужем за парнем из Джорджии. Из русской Джорджии, здесь ее называют Грузия, а не из той, где вешают негров.

Все собрались вокруг Белинды: болезненно худой Сергей, толстый Борис, Владимир в тех же очках, Федор, единственный из компании носивший галстук, загадочный Павел. Белинда глядела на Пола зверем. Ей было очень больно, снова появилась сыпь. Алексей Прутков зажег спичку, чтобы рассмотреть ее как следует – зрелище было не из приятных. Пожалуй, дела обстояли даже хуже, чем на суде.

– Сделай же что-нибудь! – закричала Белинда. – Ради всего святого, не стой столбом!

Стиляги все еще ломились в дверь. Ее с трудом удерживали два амбала, судя по всему, служащие ресторана.

– Мы хотим выйти, – проговорил Пол, впрочем, почти без надежды, – пожалуйста, выпустите пас.

И очень удивился, когда дверь открыли. Он еще больше удивился, когда ломившиеся в дверь стилиги не ворвались внутрь, воспользовавшись моментом, а остались на улице. Они вежливо посторонились, пропустив компанию, дождались, пока дверь снова закроют, и принялись стучать и требовать, чтобы их впустили. Странный ход.

– А куда смотрит полиция? – спросил Пол. Идущие на приступ ресторана пажоны, похоже, чувствовали себя в полной безопасности. А тут еще откуда-то из темноты возникла молоденькая проститутка в очень коротком плаще.

– Полиция? – хмыкнул Алексей. – Нам здесь не особенно нужна полиция.

Такси не было.

– Ну почему никто никуда не едет? – простонала Белинда. Она присела на край тротуара, вытянув вперед не слишком хорошо слушающиеся ее ноги.

На город опустилась летняя северная ночь. Очень высоко в небе горели яркие звезды, указывал кому-то дорогу Млечный Путь. Сергей снова забормотал что-то из Пушкина. Проезжая часть была совершенно пустой. Даже издали не было слышно шума транспорта. Павел скрылся в темноте, пообещав, что скоро вернется. Алексей Прутков и Анна негромко переругивались.

– Кто-нибудь что-нибудь придумает, папаша, – сказал Алексей, – а сейчас она говорит, что мы должны идти. Увидимся!

– Встретимся на мосту, – сказал Пол.

– На мосту, – повторил Алексей Прутков. Наверное, ему понравилось. – Круто. У тебя есть чему поучиться, папаша. Ты знаешь, где меня найти.

Анна утатила своего спутника. Пол устало сел рядом с Белиндой на край тротуара. Их все покинули. Осталось только ждать. Ну и ладно. Они будут терпеливо ждать. Возможно, чего-нибудь дождутся. Стилиги немного утомнились, устали, наверное. Проститутка продолжала мерить шагами тротуар, поджидая клиента. Белинда сказала:

– Мне так больно, что я сейчас лягу прямо здесь и умру.

– Пойдите-ка, – воскликнул Владимир по-французски и щелкнул пальцами. – Ноль три! – и убежал.

– О чем это он? – вяло поинтересовалась Белинда. Хотя, скорее всего, ей было все равно. Она тяжело повисла на плече Пола.

– Если бы здесь была хотя бы полиция... – сказал Пол. В памяти всплыл образ уютной английской каталажки, пожилой, толстый сержант приносит чай в больших кружках, рядом кто-то разговаривает по телефону.

Он с тоской оглянулся вокруг. Встретившись с ним глазами, Федор, Сергей и Борис помахали ему руками, хором сказали «До свидания» и удалились в сторону Невского проспекта. Стилиаги тоже постепенно успокоились и разбрелись кто куда. Последние посетители покидали «Метрополь». Один из них, коренастый мужичок невысокого роста, у которого, казалось, совершенно отсутствовала шея, ушел вместе с проституткой. Пол и Белинда остались совершенно одни на пустынной ленинградской улице. Белинда задремала у него на плече, во сне она тихонько постанывала. Пол снова потерял щепку-клинышек, которая держала его протез во рту, но сейчас его это не волновало. Он чувствовал себя совершенно несчастным.

Через несколько минут вернулся чрезвычайно взволнованный Владимир и сказал по-французски:

– Скоро все будет в порядке.

– Такси? – вскинулся Пол. – Неужели вы сумели разыскать здесь такси?

Очевидно, Владимир не зря был так взволнован. Обнаружить транспортное средство среди ночи на совершенно пустых улицах можно было только с помощью колдовства. Если Владимир справился с этой задачей, значит, он, несомненно, был магом. Как раз в этот момент послышался шум подъезжающей машины. Она была уже совсем близко, за углом. Владимир церемонно поклонился и удалился танцующим шагом. «О, спасибо, – закричал ему вслед Пол, – спасибо». Он уже видел чистую постель в гостинице, предвкушал спокойный сон по крайней мере до полудня, который, несомненно, принесет Белинде облегчение. Судя по звуку, машина была уже где-то совсем рядом. «Слава Богу». – Пол мысленно возблагодарил русского Всевышнего за ниспосланную им милость. Но тут машина остановилась, из нее показались три фигуры в белых халатах, две из них несли носилки.

– О нет, только не это, – простонал Пол.

– Что? Куда? – пробормотала Белинда. А затем: – Ох, как мне плохо. – Язык ее плохо слушался. Что же с ней происходит?

– Итак, – произнес знакомый голос, – все получилось именно так, как я и предполагала. – Зловещим призраком из темноты ночи на них надвигалась доктор Лазуркина. – Когда поступил вызов, я была полностью уверена, что речь идет именно о нашем маленьком английском цветочке. –

Она наклонилась к Белинде и внимательно посмотрела ей в лицо. Повинуясь ее жесту, два санитар, не церемонясь, ухватили Белинду и опустили на носилки. Она была слишком слаба, чтобы протестовать, только жалобно стонала.

– Я еду с вами, – решительно заявил Пол. – Я должен.

– У нас слишком маленькая машина, – пресекла его порыв доктор Лазуркина. – Кроме того, вы все равно ничем ей не поможете. Отправляйтесь в гостиницу и постарайтесь как следует выспаться. Спите, спите, спите... – Последние слова она повторила несколько раз, словно пыталась загипнотизировать Пола.

– Пол, Пол, – как заведенная, повторяла Белинда, пока ее грузили в крошечную машину «Скорой помощи». Со стороны казалось, что ее заталкивают в узкий сапог. – Пол... – Ее голос постепенно слабел.

– Приходите завтра, – сказала Полу доктор Лазуркина. – А сейчас идите в гостиницу и как следует выспитесь. – На прощанье она крепко, по-мужски пожала ему руку.

– Пол! – раздался слабый крик Белинды, но его заглушил шум мотора. Доктор Лазуркина легко забралась на переднее сиденье, и машина медленно покатила в сторону больницы. Что там будут делать с несчастной больной Белиндой?

Пол остался один. Он чувствовал себя бесконечно усталым, даже встать не мог. А ведь еще предстояло тащиться до «Астории» пешком. Пол сидел на краю тротуара и думал, что отдал бы все свои рубли какому-нибудь крепкому мужику, который дотащил бы его до гостиницу на закорках. Правда, был еще один выход, можно было остаться здесь, переночевать прямо на тротуаре. Но эта мысль Полу не понравилась. В конце концов он собрал в кулак всю свою волю, встал и, покачиваясь, побрел туда, где должна была располагаться «Астория».

Глава 11

Когда Пол открыл глаза, был уже полдень. Судя по яркому солнечному свету, проникшему в номер даже через грязные стекла окон, погода была прекрасной. Остаток ночи прошел на удивление спокойно. Его больше не беспокоили ни чиновники из тайной полиции, ни дежурная по этажу. Он чувствовал себя отдохнувшим, посвежевшим и полным сил. Потом он увидел лежащий на столе зубной протез. Невинное изделие из пластмассы и металла почему-то сразу же испортило настроение. Пол вспомнил, что его ожидает тяжелый день, полный нерешенных проблем. Но сначала завтрак. Проблемы следует решать по очереди.

Пол натянул брюки и рубашку, всунул ноги в туфли, примостил на место протез, взял плащ и вышел в коридор. После недолгих поисков он набрел на небольшую комнату, в которой расположились за завтраком две пожилые женщины. Помещение было убогим, но тем не менее уютным. Как мамина кухня дома. И только номер «Правды» на столе напоминал о том, что здесь, собственно говоря, другое государство. Передовая статья была озаглавлена «Манчестер рукоплещет Юрию Гагарину». Заприметив родное название, Пол решил, что не такой уж он здесь иностранец. Он вежливо поздоровался, пожелал женщинам доброго утра и сказал: «Чай». Они не обратили на посетителя ни малейшего внимания. Тогда он принялся хозяйничать сам. Та из женщин, что была потолще, что-то негодуяще крикнула и замахнулась на незваного гостя. Ее физиономия выражала неприкрытую угрозу. Пол за ночь неплохо отдохнул, поэтому был спокоен и готов к всевозможным русским сюрпризам. «Завтрак», – почти спокойно сказал он. (Какое, однако, трудное слово – «завтрак». Выговорить невозможно.) Злая тетка пожала плечами и швырнула на поднос бутерброды с кровяной колбасой, стеклянную баночку с неопределенного цвета икрой и стакан чая, который был без малейших признаков молока, зато стоял в блюде с серыми кусками сахара, сохранившегося, очевидно, еще с военных времен. Пол проворчал слова благодарности, взял поднос с этим странным завтраком и ушел в свою комнату. Там он поел, обдумывая планы на предстоящий день. Первым делом, конечно, следовало отправиться в больницу и выяснить, как себя чувствует несчастная Белинда. А затем решить, как избавиться от чертовых платьев.

Мрачная дежурная грубо отобрала у него ключ от комнаты. При этом она все время что-то недовольно бурчала и поминутно чертыхалась, но,

слава богу, не переходила от угроз к действиям. Пол мило улыбнулся, продемонстрировав все свои тридцать два зуба, включая и четыре нижних, которые довольно плотно держались на месте, закрепленные при помощи ватного тампона, который он достал из флакона с аспирином. Пол даже не удивился, увидев на дверце лифта табличку «Не работает». Для обеспечения собственной безопасности он и не собирался им пользоваться. Спускаясь по широкой лестнице, он решил, что к Белинде следует прийти с подарком. Это ее порадует. В вестибюле он давно приметил небольшой магазинчик с симпатичными продавщицами, недорогими ювелирными изделиями и множеством игрушек. Ему показалось, что матрешка доставит больной несколько минут удовольствия. Матрешка – это деревянная кукла, изображающая русскую крестьянку. Внутри нее находится еще одна деревянная крестьянка, внутри которой еще одна, и так далее. Последняя, самая маленькая куколка была размером с грецкий орех. Наверное, это имело какой-то глубокий смысл для русских, но не для Пола. Он выбрал куколку и попытался заплатить за нее советскими деньгами.

– Нет, нет, нет! – заверещала девушка-продавщица.

После чего она объяснила по-французски, с трудом подбирая слова, что все эти вещи предназначены только для иностранных туристов, поэтому расплачиваться за них можно только иностранной валютой. Пол достал из кармана английские деньги, взглянув на которые девица углубилась в изучение прайс-листа. Через некоторое время она довольно провозгласила:

– Двадцать два шиллинга семнадцать пенсов.

Пол тяжело вздохнул и принялся объяснять девушке структуру английской денежной системы. Остальные девушки тоже подтянулись поближе послушать урок.

Толстая американка, фигурой напоминающая русскую матрешку, кипятилась и стучала по прилавку деревянным медведем, едущим на велосипеде, которого она хотела купить.

– Это черт знает что такое, – гундосила она, – больше вы с меня не получите ни доллара.

Но создавалось впечатление, что девушкам и не нужны ее доллары.

– Итак, – завершил Пол свою краткую лекцию, – стоимость этого предмета исчисляется одним фунтом, тремя шиллингами и пятью пенсами.

Девушки были очарованы приветливым иностранцем. А у Пола зануло сердце, когда он увидел, сколько времени потратил зря. Он протянул девушке два фунта. Та с совершенно несчастным видом покачала головой и сообщила, что у нее нет сдачи, причем ни в какой из

иностранных валют. Пол уже уразумел, что цель этого предприятия – брать иностранную валюту и ни в коем случае не отдавать ее, но все еще не сдавался.

– Что ж, – сказал он, – дайте мне сдачу советскими деньгами.

Девушка сокрушенно покачала головой и сообщила, что это тоже не допускается. Единственный выход, посоветовала она, продолжать делать покупки, пока общая сумма не достигнет двух фунтов. Пол снова тяжело вздохнул. Время-то уходит! Но все-таки выбрал покрытую эмалью брошку, сделанную в Чехословакии. В прайс-листе значилось шесть шиллингов четырнадцать пенсов. Произведя соответствующий перерасчет, Пол выяснил, что до двух фунтов все равно не хватает. Тогда он наугад ткнул пальцем в цепочку, на которой болталась блестящая железная космическая ракета. Стоимость этого шедевра составила семь шиллингов.

– На сдачу, – сказал Пол, которому успел надоест всеобщий идиотизм, – купите себе шоколадку.

Девушка была донельзя шокирована неприличным предложением. Она гордо сообщила, что все деньги должны быть использованы. В результате Пол приобрел еще и значок с физиономией Юрия Гагарина, а заодно получил пригоршню спичечных коробков. Девушка очень обрадовалась успешному завершению сделки и нежно поцеловала Пола в щеку. Нет, все-таки и среди дикарей встречаются весьма приятные люди.

В это время он заметил, что к нему направляются его старые знакомые, товарищи Зверьков и Карамзин. Только вчера они доставили ему немало неприятных минут. И подумать только, он бы с ними разминулся, если бы не затянувшееся дело с пересчетом цен на сувениры. Все-таки заграничные путешествия не способствуют продлению человеческой жизни.

– А, – заулыбался Зверьков, – кажется, это наш старый знакомый, мистер Гасси. Может быть, зайдём в ресторан и выпьем вместе водки?

– Я бы с удовольствием, – ответил Пол, – но, к сожалению, мне нужно идти. Я должен навестить жену. Она сейчас в одной из ваших больниц.

Он улыбнулся, словно тот факт, что его супруга сейчас лежит на больничной койке, делал его больше чем просто гостем в этой стране. У Пола возникло волнующее чувство, что его, наконец, признали. Иначе эти двое, не важно, какими мотивами они руководствовались, не стали бы его звать в ресторан и предлагать выпить водки.

– Да? – удивился Карамзин. – А что она сделала, чтобы попасть в больницу?

– Ваш друг Мизинчиков, – сказал Зверьков, – продолжает говорить. Он уже много чего нам поведал. Мы беседовали всю прошлую ночь.

– Да, – подтвердил Карамзин, – он все время говорит. – При этом он ожесточенно закивал, злобно поглядывая на инвалида в бинтах и на костылях, только что вошедшего в вестибюль. Похоже, этот несчастный олицетворял для него заговорившего Мизинчикова. – Он рассказал нам о партиях товаров, которые должны поступить из Англии для продажи в Ленинграде, с целью подрыва советской экономики. Он рассказал о своем английском друге, который именно с этой целью приезжает в Ленинград. Он очень эмоционально говорил.

– Возможно, – не стал спорить Пол. – Только при чем тут я? Я не знаю этого человека.

– Мы бы очень хотели увидеть привезенные вами платья, – сообщил Зверьков. – Их нет на судне, мы проверили. Их нет в вашей комнате. Это мы тоже проверили. Куда вы их дели? Какое место вы сочли для этого подходящим? Поймите, – он сокрушенно покачал головой, – в Ленинграде полно таких мест. Камеры хранения на железнодорожных вокзалах, в гостиницах и ресторанах. Метро, наконец. Нам придется очень долго искать.

– Давайте заключим сделку, – предложил Карамзин. – Если вы отдадите нам вещи, вы больше о нас не услышите. Нас беспокоит Мизинчиков, а не вы. Когда он предстанет перед народным судом, будет очень хорошо иметь материальные доказательства его вины, которые можно увидеть и потрогать. Вы наш гость. Мы не причиним вам вреда.

– Мы приглашаем нашего гостя немедленно отправиться с нами и выпить водки, – торжественно провозгласил Зверьков. – Много водки.

– Много водки, – сказал Пол, – значит много разговоров. Это займет уйму времени. А мне необходимо навестить жену. Она серьезно больна. Поймите, я беспокоюсь.

– Возможно, вам будет интересно узнать, что Мизинчиков сурово наказан. – Зверьков говорил ласковым, вкрадчивым голосом. – Он рассказал нам много интересного и о вас. Он именно на вас валит всю вину, представляя себя невинным младенцем.

– Но я же вам уже говорил, что не знаю этого человека, не имею о нем ни малейшего представления.

– Значит, речь идет о вашем друге, – легко согласился Зверьков. – Мизинчиков рассказал нам много чего о вашем друге и его дурных привычках. Например, что он был гомосексуалистом.

– Да? – Пол задумался. Потом медленно заговорил: – Этот Мизинчиков был другом моего друга. Я не сделаю ничего, что может повредить другу моего друга.

– Ну и не надо, – сказал Карамзин, покраснев от злости. – Ничего не делайте. Можете не пить с нами водку. И ничего не делайте.

– Я должен навестить мою бедную больную жену, – сказал Пол.

Карамзин досадливо фыркнул, всем своим видом показывая, что он это уже слышал.

– Мой коллега хочет сказать, – очень вежливо проговорил Зверьков, – только одно: все, что вы сделаете, должно произойти по вашей собственной воле. Мы не будем вас принуждать. Вы совершенно свободны и можете делать все, что вам заблагорассудится. За вами никто не будет следить, я вам это обещаю. И товарищ Карамзин тоже обещает.

Он по-дружески обнял Карамзина за плечи. Это были очень широкие плечи.

Пол мысленно расхохотался. Надо же, они не собираются за ним следить. Он вспомнил, что Белинда посоветовала ему побыстрее избавиться от платьев, причем самым элементарным способом – выбросить их в воду, и подумал, что, возможно, она была не так уж не права. Правда, он мог поклясться, что никому и в голову не придет искать их в маленькой темной кладовке в портовом офисе «Интуриста», скорее всего, они там в полной безопасности. И почему, собственно говоря, он должен выбрасывать их в море? Пол вспомнил о своем недавнем знакомом, Алексее Пруткове, и воспрянул духом. Он сказал:

– Я с удовольствием приму ваше приглашение, но только в другой раз. Мы обязательно выпьем с вами водки. – Произнося эти слова, Пол вовсе не кривил душой. Он считал, что вечер в этой компании за рюмкой водки мог бы оказаться очень полезным. Это даст ему больше информации о современной России и о применяемых здесь полицейских методах.

– Вы можете нам верить, – проникновенно повторил Зверьков, продолжая обнимать своего коллегу за плечи, – за вами никто не будет следить, мистер Гасси. Вы – свободный человек и можете идти куда вам надо. – Его слова звучали как объявление о полной реабилитации. – И мы непременно выпьем водки в следующий раз. Не так ли, товарищ Карамзин? – полюбопытствовал он и слегка встряхнул своего массивного коллегу.

– До свидания, – сказал Пол и приветственно помахал своим свертком с покупками. Почему они называли Роберта, бедного покойного Роберта гомосексуалистом? Разумеется, это гнусная ложь, просто лишний штришок в обычной процедуре поливания человека грязью.

Пол немного подумал и решил, что у него имеется сразу несколько причин, чтобы идти в больницу пешком. Во-первых, он все равно не сумеет

найти такси, во-вторых, после излишнего употребления алкоголя накануне вечером очень полезно прогуляться по свежему воздуху, в-третьих, если он будет топтаться около гостиницы в ожидании такси, это даст товарищам Зверькову и Карамзину лишний повод возобновить свои назойливые домогательства.

Пол вышел из гостиницы на залитую солнцем площадь, покосился на мрачную громаду собора с огромным сверкающим куполом, прислушался к умиротворяющему курлыканью голубей. Солнце весело освещало черного всадника на вздыбленной лошади, словно небо посылало обоим свое благословение.

Пол свернул на улицу Герцена, затем на улицу Дзержинского. Ленинград представал перед ним во всей своей красе. Мрачные костюмы, старые платья, служившие своим хозяйкам еще в военное время, ни одного городского щеголя, ни единой лениво прогуливающейся элегантной дамы.

На минуту Полу стало страшно. Он был здесь в полном одиночестве, чужак, случайно затесавшийся в толпу пролетариата. Он никак не мог отделаться от мысли, что за ним охотится враг, который вот-вот его выследит, поймает и разорвет на куски. И никакая полиция не остановит этот произвол. В его воображении Ленинград постепенно приобретал черты фантастического мира Оруэлла, где можно было воочию убедиться, что шизоидный параллелизм вполне возможен.

Коллективный разум Партии – вот основа основ. А здания, что ж, пусть рушатся от оглушительных хлопков свисающего с крыш брезента, а заодно и все вокруг постепенно приходит в упадок. Забыв, что он умеет читать по-русски, Пол начал воспринимать написанные на вывесках буквы как незнакомые иероглифы и ощутил себя в ином мире, даже на другой планете. Все вокруг было окружено странной, мистической завесой, которую кроме него почему-то никто не замечал. Несмотря на яркое солнце, Пол замерз, его била непонятная и очень неприятная дрожь.

Наконец он повернул на Садовую улицу и увидел прямо перед собой площадь Мира. На ней располагалась больница, причем, надо сказать, при свете дня она выглядела не такой устрашающей, как ночью. Тем не менее, переступив порог и сказав, что здесь находится его жена, Пол почувствовал, как тревожно заныло сердце. Он очень вежливо сообщил служащим больницы, что он англичанин, гость в их прекрасном городе, и что был бы чрезвычайно признателен, если бы ему позволили повидать его жену, которую...

– Сейчас, – перебила его девушка в окошке.

Пол послушно уселся на старый диван, набитый, должно быть,

конским волосом. Точно такой же когда-то был у его тети Люси из Брадкастера. Ожидание становилось невыносимым. Пол докурил сигарету и тут же зажег другую. Он глубоко затянулся и, наконец, увидел доктора Лазуркину. Она шла к нему по вестибюлю и улыбалась, высокая, статная, в накрахмаленном белом халате. Ее волосы были разделены аккуратным пробором, как у мадонны, и собраны в пучок на затылке, массивные сережки слегка позвякивали при ходьбе.

– Пойдемте, – сказала она, – нам надо поговорить.

– Как она? – восторженно воскликнул Пол. – Я могу ее увидеть? Смотрите, я принес ей маленькие подарочки.

Доктор Лазуркина взяла из рук Пола пакет и развернула его. Внимательно осмотрев сувениры, она постановила:

– Да, пожалуй, вреда от этого не будет. Я ей передам. – Она говорила так, словно Белинда должна была эти вещицы съесть.

– Доктор, скажите, как она себя чувствует? – взмолился Пол. – Я должен знать.

– Я же вам сказала, идите за мной, нам необходимо поговорить.

Она решительно развернулась и направилась куда-то в глубь вестибюля, уверенная, что Пол непременно последует за ней. Постукивая каблуками старых туфель, на которые ни один нормальный человек не сумел бы взглянуть без слез, она привела его в маленькую комнату, больше напоминавшую кабинет прораба на стройке, и усадила за стол.

– А теперь давайте запишем ваше имя, – сказала она.

– Мое имя? Пожалуйста, бога ради. Пол Диннефорд Хасси. Но скажите же мне хоть что-нибудь о состоянии моей жены!

– Диннефорд? – Она старательно записывала трудное имя русскими буквами.

– Да, это девичья фамилия моей матери. Но прошу вас...

– Ей не хуже, – сообщила доктор Лазуркина. – Сейчас ей необходимо много отдыхать. Мы дали ей довольно сильное успокаивающее, и она спит. Поэтому сегодня вы не сможете ее увидеть.

– Но что с ней? Вы можете назвать точный диагноз? – Пол почувствовал некоторое облегчение. Слава богу, ухудшения не произошло.

– Пока нет. Для этого нужно время. Но вы не беспокойтесь. Она в хороших руках.

– Не сомневаюсь, – вздохнул Пол, – но я не знаю, сколько мы здесь сможем пробыть. Возникает вопрос виз и документов...

– Не волнуйтесь, эти вопросы решаются достаточно легко. Вы сможете остаться здесь столько, сколько будет необходимо. Правда, я пока точно не

знаю, сколько времени займет обследование, установление диагноза и собственно лечение. Две недели, три недели, месяц, хотя не исключено, что много месяцев.

– Но, чтобы оставаться здесь, нужны деньги, – в отчаянии завопил Пол. – Кроме того, я не могу бросить свой бизнес! Нет, это невозможно. Нам необходимо вернуться домой.

– Кстати о бизнесе. Расскажите, чем вы занимаетесь? Вы ведь капиталист, не так ли? А кто ведет дела в ваше отсутствие?

– Я продаю антиквариат. Книги, украшения, мебель. Если, называя меня капиталистом, вы подразумеваете, что я владею своим предприятием, то я с вами соглашусь. Если же вы имеете в виду, что я купаюсь в роскоши, мне остается только рассмеяться. Ха-ха-ха, – невесело усмехнулся Пол.

Доктор Лазуркина взглянула на него с едва заметным интересом.

– Значит, вы очень переживаете, что не сумели разбогатеть? – полюбопытствовала она. – Чувствуете себя ущербным? Что ж, вы сами выбрали такую жизнь.

– Сейчас в магазине, – продолжил Пол, – хозяйничает мой юный помощник. Но его нельзя оставлять одного надолго. Он еще слишком неопытен.

– Я вас отлично понимаю. Но давайте решать возникающие проблемы по очереди. Сейчас главное – здоровье вашей жены. Сначала необходимо ее поставить на йоги, а уж потом думать обо всем остальном.

– Послушайте, – снова заговорил Пол, – а не могли бы вы ей просто оказать помощь, сделать так, чтобы она смогла перенести обратную дорогу. А дома я бы спокойно сдал ее на руки ее личному доктору. Пусть он ее лечит сколько надо.

– Это было бы весьма неразумно, – поджала губы женщина. – Нет, я не утверждаю, что у вас в Англии плохие врачи. Вовсе нет. Среди них встречаются отличные, высококвалифицированные специалисты. Я шесть месяцев работала в разных английских больницах и точно знаю, что говорю. Но мы отвлеклись. Я вас позвала сюда не для того, чтобы давать ответы, а чтобы задавать вопросы.

– Ладно, – вздохнул Пол, – задавайте.

– Прежде всего о вас, вашем детстве и воспитании. У вас в Англии все еще имеются классы. Скажите, из какого класса вы происходите?

– Полагаю, что из рабочего. Мой отец занимался строительством. А мама из семьи мелких торговцев. Когда я был ребенком, мы жили в трущобах Брадкастера. Вы это хотели узнать?

– То есть вы хотите сказать, что говорите на том английском языке, на

котором сегодня говорит английский пролетариат?

– Конечно нет, – признался Пол. – Я пытаюсь говорить на английском языке образованных людей, принадлежащих к высшему классу нашего общества.

– А зачем?

– Я стремился выбиться из рядов своего класса. Я хотел вращаться в обществе, где ценится литература, искусство, музыка. По-моему, совершенно естественное желание. Вы так не считаете?

– Нет, – честно ответила доктор Лазуркина. – Откровенно говоря, я не понимаю, почему одно должно исключать другое. Мы, например, все принадлежим к рабочему классу. Скажите, – спросила она удивительно наивно, хотя, может быть, и очень проницательно, Пол не сумел сразу разобраться в оттенках чужой речи, – было ли желание подняться над своим классом причиной того, что вы женились на американке?

– Прошлой ночью, – нахмурился Пол, – вы называли ее англичанкой. И какое, в конце концов, все это имеет отношение к...

– Она говорила, – сообщила доктор Лазуркина. – Мы ввели ей небольшую дозу пентотала, и она мне кое-что рассказала. Я слушала очень внимательно, поскольку хотела воспользоваться возможностью усовершенствовать свой английский. Мне был необыкновенно интересен ее диалект. Понимаете, в русском языке отсутствует такое понятие, как диалект. Поэтому мне всегда очень интересно слушать речь на всевозможных диалектах английского языка.

– Пентотал? – удивился Пол. – Вы хотите сказать, что у нее имеются неполадки с психикой? С чего вы взяли? Я уверен, что ее заболевание имеет чисто физическую причину, и должен сказать, что мне совершенно не нравится то, что здесь происходит.

– Я только хотела, чтобы она расслабилась и выговорилась. Кажется, она очень несчастная женщина. Нет, не думайте, – встрепенулась доктор Лазуркина, – мы не верим в этого вашего хваленного Фрейда. Еврей из Вены... что он может знать? Он утверждал, что все умственные расстройства имеют корни в несчастливом детстве. Более того, он утверждал, что у всех было несчастливое детство, просто некоторые сумели от этого оправиться, а некоторые – нет. В любом случае, к нам это неприменимо. В России ни у кого не может быть несчастливого детства.

Пол медленно кивнул. В эту минуту он вполне искренне верил в правильность последнего тезиса.

– Но зачем вы копаетесь в ее мозгах? – растерянно спросил он. – Ей нужно всего лишь несколько уколов пенициллина. – Спohватившись, он

виновато взглянул на доктора. – Извините, я не знаю, что ей нужно.

– Я тоже не знаю. Но я это обязательно выясню. Л сейчас я должна вам задать очень важный вопрос: почему вы женились на своей жене?

– Почему? Разумеется, потому что любил ее. Очень любил.

– Да? А мне она сказала, что ненавидит мужчин. Всех мужчин.

– Ну, это из-за наркотика... Поверьте мне, что все это чепуха. Просто она говорила когда-то очень давно, что в детстве ненавидела всех своих дядей и кузенов, а также веснушчатых и прыщавых подростков, живших по соседству. В этом виноват ее отец.

– Про отца она ничего не говорила. При чем здесь ее отец?

– Посудите сами, – ухмыльнулся Пол, – как можно относиться к мужчинам, если твой собственный отец ложится в твою постель, когда тебе едва исполнилось семь лет.

– Я часто спала, с моим сыном, – поджала губы доктор Лазуркина, – он всегда был теплым как печка.

– Я говорю не об этом. Она иногда просыпалась оттого, что отец ее ласкал и называл именем матери.

– У них были разные имена? – поинтересовалась доктор Лазуркина.

– Точно не знаю. Ее мать умерла задолго до нашего знакомства. Отец был убит горем. Он был профессором английской литературы, но при этом не слишком уравновешенным человеком.

– Понятно... Это весьма интересно. Значит, здесь имел место инцест, – сказала доктор Лазуркина и углубилась в записи.

– Она справилась с этими проблемами, – забеспокоился Пол. – Она повзрослела и очень сочувствовала своему горяющему отцу. Возможно, в Амхерсте, штат Массачусетс, стране Эмили Дикинсон, не так легко отнестись спокойно к такой вещи, как инцест. В трущобах Брадкастера, где меня воспитывали, вернее, где я рос, к этому было иное отношение. В субботу вечером... отец и дочь... на краю кухонного стола... – Пол замялся, а потом решительно заявил: – Думаю, нам не стоит развивать эту тему.

– Хорошо, – легко согласилась она, – будем считать, что вы это уже пережили. Но все-таки, раз уж мы заговорили о сексе, скажите, как вы считаете, почему она утверждает, что ненавидит всех муж-чип. Под воздействием этого наркотика люди, как вы, безусловно, знаете, говорят правду. Как вы ведете себя в постели? Что вы можете сказать о вашей половой жизни? Вы ее считаете нормальной?

– Это слишком личный вопрос.

– Да, конечно, но я прошу вас ответить на него. – Доктор Лазуркина

ждала ответа, постукивая карандашом по передним зубам.

– Я не слишком большой любитель активного секса, – пробормотал Пол, – конечно, в былые времена... Но в последнее время мы не особенно увлекались этим занятием. Дружеские взаимоотношения, интеллектуальное общение... я считаю именно это важнейшими элементами семейной жизни. Если быть до конца честным, у нас никогда не было полной гармонии в постели, – неожиданно для самого себя выпалил Пол, – но это не меняет моего отношения к жене. Я любил ее и люблю.

– Не было гармонии? – переспросила доктор Лазуркина. – Значит ли это, что вы знали о ее склонности к женщинам? Точнее, к одной женщине. Я хочу сказать, что в каждый конкретный период у нее была только одна женщина, а не много.

Закончив фразу, доктор Лазуркина получила возможность в полной мере насладиться потрясенной физиономией Пола и его разинутым ртом. Вдоволь насмотревшись, она достала из кармана халата листок бумаги и прочитала:

– Сандра, вам знакомо это имя? – И она протянула листок Полу.

Следует отметить, Пол не сразу обрел способность говорить. Несколько минут он молча открывал и закрывал рот, не в силах выдать из себя ничего членораздельного.

– Я... – в конце концов проблеял он, – я ничего не знал.

И, только произнеся эти слова вслух, он понял, что все знал. Или, по крайней мере, догадывался. Где-то в глубине души. Вытащив эту истину на свет божий, он, конечно, испытал шок. Но этот шок по непонятной причине вовсе не был неприятным. Он чувствовал себя ошеломленным, но не оскорбленным и не униженным.

– А почему, собственно говоря, она не может испытывать любовные чувства к другой женщине? – пожала плечами доктор Лазуркина. – В этом нет ничего преступного. Женщины обычно весьма искусны в любовных играх и умеют доставлять сексуальное удовлетворение друг другу, не подвергаясь при этом риску нежелательной беременности. Женщины не могут все время беременеть, – заявила доктор Лазуркина. – Они не являются детородными машинами.

– Бедняжка, – совершенно неискренне протянул Пол. – Во всем виноват ее отец.

– В некоторых странах, например в Китае, – авторитетно заявила доктор Лазуркина, – мужчина и женщина совокупляются только с целью зачать потомство. Для достижения сексуального удовлетворения практикуются однополые связи.

А может быть, инициатива исходила от Сандры? Но Роберт здесь ни при чем, это точно. А чем был вызван последний сердечный приступ Роберта? Вопросы... вопросы... Пол ощутил, что находится в большой комнате, в которой везде книги. Десятки, сотни книг. Их все надо будет прочитать. Когда-нибудь. Когда будет время.

– Мне кажется, – сказал он после долгого раздумья, – все это можно легко объяснить.

– Да, – сказала его собеседница. – В прогнившем западном обществе вы не умеете относиться к своей жизни разумно. Вы рациональны, но не разумны. Не то что китайцы или индейцы. Вы ничему не научились от людей, которых когда-то поработили.

– Ой, только не надо...

– Я всего лишь пытаюсь вам объяснить, что ваша жена считает всему виною вас. Она утверждает, что у вас гомосексуальные наклонности, но вы недостаточно честны, чтобы это признать открыто.

Пол разинул рот от удивления, но вместе с тем заметил, что она вполне правильно произносит букву «h», а не так же, как «g».

– Вы хотите сказать, что не знали о своих собственных наклонностях? – холодно полюбопытствовала доктор Лазуркина.

– Нет... – растерялся Пол, – я никогда... То есть я...

Нет, это неправда, это просто не может быть правдой.

– Вам нечего стыдиться, – пожала плечами доктор Лазуркина, – тем более если вы честны с собой и окружающими. Дружба между мужчинами может быть очень красивой.

– Вы, наверное, имеете в виду Роберта, – сказал Пол. Пожалуй, лучше исходить из того, что ей известно абсолютно все. – Но наша дружба вовсе не была только гомосексуальной связью. И потом, все это происходило еще во время войны. Тогда это казалось вполне естественным. Но с тех пор ничего не было. Ни разу. Клянусь.

– Вас никто и ни в чем не обвиняет, – улыбнулась Лазуркина, – мы – то, что мы есть. Ваша вина заключается в том, что вы притворялись тем, кем на самом деле не были. Люди делают большую ошибку, когда отказываются смириться с реальностью.

– Но у меня это было только с Робертом, – запротестовал Пол, – и только во время войны. Согласитесь, обстоятельства тогда сложились весьма специфические. Он был летчиком, постоянно находился в напряжении и очень страдал.

Пол собирался сказать, что она даже представить себе не сможет ничего подобного, но передумал, решив, что это будет несправедливо по

отношению к ней. Ее родной город во время войны пережил многомесячную осаду. Ленинградцы видели все: оружие, крохотные кусочки малосъедобного хлеба, отмороженные пальцы, валяющиеся на улицах трупы, которые не разлагались из-за сильных морозов.

– Это часто происходило во время войны, – сказал он, – в жизни приходится постоянно к чему-то приспосабливаться. А потом мужчины возвращались домой к своим женам и вели нормальную счастливую жизнь. По-моему, вы ко мне несправедливы.

– Несправедлива? А кто здесь говорит о справедливости или несправедливости? Всем вам, людям, живущим на Западе, свойственно обостренное чувство вины. Кстати, чаще всего напрасной.

– И между прочим, – продолжил Пол, – когда он и Сандра переехали жить поближе к нам, между нами тоже ничего не происходило. Роберт был человеком, обладающим большой сексуальной энергией. В отличие от меня. Да, мы были близкими друзьями, но теперь у каждого из нас была жена и, следовательно, сексуальные обязательства.

– Да, – проговорила доктор Лазуркина с истинно английским сарказмом. – Сексуальные обязательства. Вы, англичане, все-таки здорово отличаетесь от нас, русских. Очевидно, гомосексуальные отношения с вашим другом имели более важное значение, чем все ваши последующие связи. – Пол промолчал. – Большая сексуальная энергия, – повторила она, заглянув в свои записи. – Хорошее выражение. А вы, наверное, испытываете одновременно гордость и вину за то, что научили вашего друга столь многому.

– Я вас не понимаю, – удивился Пол.

– Ладно, ничего, – отмахнулась она. Собрав свои записи и прихватив подарки для Белинды, она встала. – Однако все это чрезвычайно любопытно. А самое интересное – так близко столкнуться с западным образом жизни. Подумать только, инцест, связь мужчины с мужчиной, женщины с женщиной. Скорее всего, вы стремитесь к вымиранию. У нас все по-другому. Что ж, еще увидимся.

– А когда я смогу повидать Белинду?

– Вам придется немного потерпеть. Думаю, через два-три дня. Не сомневаюсь, вы найдете чем заняться в Ленинграде.

Но Пол решил отложить поиски развлечений на неопределенное время. Оставшуюся часть дня он целеустремленно пил. Сначала он присоединился к длинной очереди мужчин, стоящей перед уличным ларьком, в котором торговали пивом. Затем он обнаружил несколько очаровательно грязных подвальчиков, в которых можно было выпить

шампанское и русский коньяк. Он посетил их все. Полу необходимо было расслабиться, справиться с шоком. Он пытался себя убедить, что не является гомосексуалистом, проверяя свою реакцию на привлекательных молодых людях обоего пола, пробежавших мимо него по улице. Он был совершенно уверен, что чувствует больше интереса к девушкам, чем к юношам.

Будучи изрядно навеселе, Пол отправился в кинотеатр «Баррикада» на Невском проспекте. Зал был битком набит представителями пролетариата. Насколько он понял, фильм повествовал о счастливой паре молодоженов-метеорологов, которые жили где-то в сибирской глуши. Радостно улыбаясь, они бежали с работы домой на лыжах, чтобы послушать очередное постановление партии и правительства, транслировавшееся по московскому радио. Еще в этом фильме маленький мальчик, судя по всему чей-то сын, пел торжественную песню о красной звезде, которая сияет над всеми.

Пол старательно таращился на заснеженные пейзажи и думал о своем. О чем думали остальные, сказать было сложно. Утомившись от обилия снега на экране, Пол слегка прикрыл глаза и начал дремать. Но неожиданно сквозь неплотно прикрытые веки он увидел на экране удивительно знакомую картину, и весь сон как рукой сняло. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, что он имеет счастье лицезреть свою собственную физиономию, демонстрирующую в открытой улыбке полный комплект белых зубов. Его успели заснять, когда он торопился за своим багажом в здание вокзала. Присмотревшись, он узнал еще несколько знакомых лиц. Советские музыканты. Пол не понял, что говорит о нем комментатор за кадром, но, очевидно, это было что-то веселое, поскольку в зале засмеялись.

– Заткнись, – сказал он сидящему рядом мужчине, – нечего надо мной смеяться. Я – Пол Диннефорд Хасси, английский турист. Моя жена заболела, она в больнице. Поэтому заткнись.

Выслушав иностранную речь, сосед Пола добродушно хмыкнул. В этой стране пьяных не обижали.

Глава 12

Ему приснилось, что звонит телефон. Кто бы это мог быть? Дж.Б. Пристли? Или еще кто-то? Медленно переходя от сна к яви, он внезапно понял, что не чувствует опьянения. Еще через мгновение он осознал, что это как-то связано с запахом аммиака, щекотавшим ноздри, и мерзким рыбным вкусом во рту. Пол предпринял героическое усилие, стараясь припомнить, не съел ли он ската, пойманного в свои критические дни, но успеха не достиг. Он пошевелил языком и убедился, что протез на месте, правда, совсем разболтался. Слава богу, он не подавился им во сне и не выплюнул. Перед мысленным взором с трудом возвращающегося к действительности Пола промелькнул гостиничный служащий, протягивающий ему выглаженную рубашку, затем стонущая Белинда. После чего он в панике скатился с кровати и ринулся к телефону, при этом вяло удивившись, что он совершенно голый.

– Мистер Гасси? – по телефону с ним говорила женщина, и Пол инстинктивно прикрылся полотенцем. – Вы хотите, чтобы их обоих прислали в вашу комнату, или вы больше не намерены у нас задерживаться?

– Еще раз, пожалуйста, – неуверенно попросил Пол.

Что он успел натворить ночью? Кого пригласил к себе? Почему его хотят выселить из гостиницы?

– Я... не очень...

– Вас разыскивают служащие из портового офиса «Интуриста», – объяснил девичий голос, – они позвонили в гостиницу и сразу же вас нашли. Им повезло. Они говорят, что вы поступили очень предусмотрительно, написав на них свое имя, но почему-то после этого о них забыли. Вы хотите, чтобы их вам привезли?

– Что? Что, черт возьми, мне должны привезти? – завопил Пол и окончательно проснулся. – Погодите, – уже спокойнее сказал он. – Я сейчас спущусь. Только ничего не трогайте, – строго предупредил он тоном инспектора полиции из телесериала.

Чтобы одеться, Полу потребовалась всего одна минута. Он покосился на голую стену, словно опасаясь, что на ней появятся зловещие силуэты его гостей – товарищей Карамзина и Зверькова, – и поспешил к лестнице.

– Ключ! – грозно рявкнула на него дежурная по этажу.

Пол швырнул ей на стол тяжеленную штукину, промахнулся и

пробежал мимо, сопровождаемый злобной руганью. Лифт не работал. Он неуклюже запрыгал по лестнице, по которой ходили еще изумительные красавицы, описанные в романах Льва Толстого. Элегантные и грациозные, они лебедями плыли по мраморным ступенькам, приковывая к себе восхищенные взоры муж-чип. Пол скатился вниз и моментально увидел их, два чемодана, аккуратно стоящие на площадке между колоннами рядом с еще чьим-то багажом. Зверькова и Карамзина не было видно. Интересно, сколько времени? Почти десять часов, если, конечно, его часы не врут. Еще достаточно рано, чтобы успеть проверить множество дел. У столика администратора было непривычно пусто. Простуженная девушка, большая поклонница Хемингуэя, радостно воскликнула:

– А вот и мистер Гасси, владелец чемоданов.

– Я сейчас их заберу, – быстро сказал Пол. – Остальные вещи пока в комнате. Я скоро вернусь и оплачу счет.

Полу пришло в голову, что единственное, что он может сделать, чтобы избавиться от Зверькова и Карамзина, – выехать из гостиницы. Он направится...

– Эй! Пойдите! – Это был лысый мужчина с волевыми губами, любитель бесплатных уроков английского. – Как правильно сказать: «в животе» или «на животе»?

Бог его знает, какую ситуацию он имел в виду, в каком контексте собирался употребить это выражение. А может быть, он тоже преклонялся перед Хемингуэем?

– Оба варианта весьма болезненны, – отозвался Пол. – Сейчас нет времени. Должен идти.

Его интенсивно подгоняли до сих пор отсутствующие Карамзин и Зверьков. Он подхватил чемоданы и направился к вращающейся двери. Его сопровождал сердитый голос лысого ученика. Так рассерженно лает привязанная около конуры собака, которую насильственно лишили свободы передвижения.

На улице Пол увидел, что погода меняется, причем не в лучшую сторону. Небо было затянуто облаками, начинался мелкий дождик. С моря дул холодный ветер. Он подошел к стоянке такси и с облегчением увидел, что очередь состояла всего из трех человек. Зверькова и Карамзина нигде не было видно.

Прошло десять томительных минут, и перед Полом остановилась долгожданная машина. Он погрузил в салон ненавистные чемоданы, сам уселся на облезлое сиденье и сразу почувствовал себя лучше. «Эрмитаж», – сказал он водителю и облегченно вздохнул. Немного подумав, он оторвал

от чемоданов ярлычки со своим именем. Так будет совсем хорошо.

В пасмурную погоду Нева перестала радовать глаз своей мягкой, теплой голубизной. Вода стала грязно-серой и приобрела мрачный металлический блеск. Пол взглянул на северный фасад созданного гениальным Растрелли чудовищного памятника архитектуры, и у него заныло сердце. Он совершенно не представлял, где здесь искать Алексея Пруткова. Слишком уж обширной представлялась территория для поиска. Люди, жаждущие вместе с Полом приобщиться к сокровищнице мирового искусства, с любопытством поглядывали на его чемоданы. Он улыбался всем окружающим, словно пытался заверить их, что он явился сюда исключительно в мирных целях, в чемоданах нет ни одной бомбы, и он вовсе не собирается похищать местные шедевры. Он с трудом протиснулся в холл и сразу попал в окружение сотен советских глаз, вззирающих на смахивающий на свадебный пирог потолок и на кариатид. Здесь он сдал в камеру хранения чемоданы и немного расслабился. Неприличное богатство, роскошь Эрмитажа вызвали в нем желание снова напиться. Прислушавшись к своим ощущениям, Пол решил, что неплохо было бы к тому же еще и перекусить. В желудке чувствовалась гнетущая пустота. Нескончаемые километры комнат вызвали тошноту и легкое головокружение. Ноги гудели, в животе что-то ворчало и булькало, в глазах мелькала бесконечная позолота, вперемешку с малахитом, агатом, красным и черным деревом. Темно-коричневый паркет контрастировал с арктическими морями застывшего мрамора, покрытого синими прожилками. Здесь царил культ вещей. Ими было занято все пространство, и почти не оставалось места для толп рабочих, которые организованно пришли ранним утром своего выходного дня приобщиться к культуре. Стены были увешаны бесчисленным количеством портретов героев 1812 года. Только непонятно, почему они все, как один, обладали роскошными бакенбардами. Мода, что ли, была такая? Здесь же находилась мозаичная карта Советского Союза, выполненная из драгоценных камней, переливающаяся всеми цветами радуги. А вокруг множество статуй, камей, средневекового оружия, от которых рябило в глазах. Верста за верстой, потом следующая верста... Рембрандт, французские импрессионисты, Тициан, коллекция знаменитых испанцев – все это богатство предназначалось для оборванных рабочих и их унылых жен. С ума сойти!

Пол чувствовал, что голова просто раскалывается, а ноги отказываются двигаться самостоятельно. Но упорство всегда вознаграждается. И в пятидесятой комнате он, наконец, услышал знакомый голос. Слава богу, Пол все-таки нашел человека, которого искал.

– Эти часы выполнены в форме гусиного яйца, понятно? И имеют такие же размеры. Они собраны более чем из четырехсот частей. Часы сделаны в 1765 – 1769 годах мастером Кулибиным. Уловили? А ведь Иван Кулибин был, между прочим, самоучкой.

Пол приблизился к группе экскурсантов. Судя по одежде и манере поведения, это были американцы. Почти все они были среднего возраста или старше. Туристы внимательно слушали Алексея Пруткова, который переводил объяснения крупного человека, внешностью напоминающего профессора, одетого в старый, поношенный костюм. Один из пожилых американцев поинтересовался:

– А откуда вы знаете?

Женщина помоложе добавила:

– Что же, он совсем не учился?

– Понятия не имею, – фыркнул Прутков, – вы лучше у него спросите. – Он кивнул в сторону потрепанного профессора, который в это время начал рассказывать о вазе из яшмы, весившей около девятнадцати тонн. Алексей Прутков сморщил нос и приступил к переводу.

– Какой он хорошенький, – сказала сильно накрашенная женщина, вплотную приблизившаяся к среднему возрасту, заинтересованно глядя на переводчика. – Куколка! Мечта!

Алексей Прутков обратил к ней полный надежды взор, в котором ясно угадывалось желание подробно расспросить ее о нравах и обычаях битников. Или побеседовать на любую другую удобную ей тему. Но все получилось совсем не так, как хотелось Алексею. Больше он не дождался ни слова в свой адрес. Он был для туристки не человеком, который может представлять для нее интерес, а одним из экспонатов, такой русской редкостью, о которой можно будет с удовольствием вспомнить позже, приехав в родной Висконсин.

Группа организованно двинулась к следующему экспонату, очередному монстру, выполненному в стиле рококо, а Пол воспользовался минутным перерывом и поймал Алексея Пруткова за рукав. Это был рукав плотной зеленой спортивной куртки с подбитыми ватой плечами, довольно красивой и, очевидно, очень дорогой. Добротная вещь! Кроме нее на Алексее был желтая спортивная рубашка с измятым воротничком, красный галстук, изношенные туфли и голубые хлопчатобумажные брюки с простроченными белыми нитками карманами, в которых он был предыдущей ночью в ресторане. Пол даже не ожидал, как ему будет приятно увидеть этого молодого, здорового русского.

Алексей ухмыльнулся и проговорил:

– А, это ты, папаша.

– Надо поговорить, – сообщил Пол.

– Сейчас не могу, занят. Это может подождать?

– Я переезжаю к тебе, – сказал Пол. – Временно. Платить будем пополам. Если можно, я хотел бы перебраться сегодня. – Они посмотрели друг другу в глаза.

– Что ж, – протянул Алексей Прутков, – если на то пошло... – после чего быстро проговорил: – Мои хоромы слишком малы. А что у тебя случилось, папаша? Тебя выселяют из отеля?

Пол не успел ответить. Его собеседника окликнул строгий профессорский голос, громко сообщивший, что он не в состоянии довести до сведения американских туристов информацию о царских династиях без помощи переводчика.

– Сейчас, – отмахнулся Алексей. Жестокое глаза многочисленных царей и цариц сурово взирали на него со стен. – Ты можешь пойти пока туда. Поговорим. Или подожди здесь. Я освобожусь только в четыре, папаша. Ты, кажется, сказал, что будешь платить всю сумму?

– Что-то вроде того. Послушай. У меня в отеле остались два чемодана. Я должен забрать их. Еще два лежат здесь в камере хранения. Здесь, – повторил Пол и протянул квитанцию. – Ты сможешь об этом позаботиться? – И он демонстративно подмигнул левым глазом.

Алексей Прутков помахал квитанцией, кивнул и едва заметно ухмыльнулся.

– Хорошо, – сказал он. Его снова позвали, теперь уже громче и настойчивее. – Чтоб ты сдох, – выругался он, делая вид, что ничего не слышит, и быстро пробормотал, обращаясь к Полу: – Потом поговорим, папаша. – Он вытащил из внутреннего кармана черный кожаный бумажник, выглядевший так, словно половину своей долгой жизни провел под дождем, и аккуратно положил туда квитанцию. Оттуда же он извлек какую-то карточку. – Вот здесь я обитаю, – сообщил он. – Только ехать, папаша, придется на метро. Ты умеешь читать по-русски?

– Прочитаю, – заверил его Пол. – Я найду твоё жилище, не волнуйся.

Буквы кириллицы на карточке были не просто отпечатаны двухцветным шрифтом, но еще и выдавлены. Надо полагать, для красоты.

– Я отправлюсь туда немедленно. Только где-нибудь перекушу.

– Сейчас не надо, – прошипел Алексей. – Не раньше половины третьего. Ключи у Анны, а ее не будет дома до половины третьего. – Тут его окликнули в третий раз, причем теперь к сердитому голосу профессора присоединился низкий басок худощавого белозубого американца:

– Алексей! Алексей!

– Хорошо, беги, – сказал Пол. – Ты не пожалеешь.

Двое мужчин снова многозначительно взглянули друг другу в глаза и разошлись в разные стороны. Алексей вернулся к исполнению своих служебных обязанностей, а Пол направился к выходу. Во всяком случае, в ту сторону, где, как он считал, должен был находиться выход.

Поиски выхода заняли довольно длительное время. Но Пол сохранял спокойствие. Теперь, когда он избавился от таящих угрозу чемоданов, он чувствовал себя довольным и умиротворенным. Он шел по музею, не глядя на экспонаты и прикрыв глаза, защищаясь таким образом от наступающей со всех сторон воинствующей роскоши. Ему пришлось немного поплутать, но он все-таки нашел дорогу к «Астории». Иногда мимо него проезжали такси, но они были заняты людьми с громоздкими свертками, многочисленными сумками и завернутыми в газеты цветочными горшками. На призывные жесты Пола водители не реагировали. Часть пути он проехал в трамвае, который, как его и заверили на остановке, доставил пассажиров на Невский проспект. Пол затолкал трамвайный билет между правым кlyком и болтающимся протезом и подумал, что надо выработать линию поведения со Зверьковым и Карамзиным. Он ни минуты не сомневался, что эта пара будет ждать его в отеле. Пол решил, что их следует пригласить на ленч и сообщить, что он покидает Ленинград. Они даже смогут при желании лицезреть, как он оплатит счет. Что ж, с одной стороны, он действительно покидает Ленинград. Но с другой, он еще только собирается в этот город приехать.

Часть вторая

Глава 1

– Ты выглядишь ужасно, – заявила Белинда. – Что случилось? Помоему, ты не брился уже несколько недель. Да и не мылся тоже. Разве так должен выглядеть добропорядочный англичанин за границей?

Она сидела в постели, одетая в мешковатую ночную рубашку, выдаваемую женщинам в советских больницах, ее роскошные черные волосы были перевязаны голубой лентой.

– Я отращиваю бороду, – смущенно объяснил Пол, проведя пальцем по колючей щетине. – Поверь, это вынужденная мера. Там, где я сейчас живу, не всегда есть даже холодная вода, не говоря уже о горячей.

– Но где ты поселился?

– Не волнуйся, со мной все в порядке. Условия, конечно, трудно назвать хорошими, но зато намного дешевле, чем в гостинице. Сейчас это для нас главное.

– Где это?

– Недалеко от Кировского завода. Туда надо ехать на метро. Рабочая окраина.

– Бедный мой Пол. Все получилось так неожиданно.

– Со мной все в порядке. Знаешь, за последнюю неделю я настолько привык, что меня все вокруг называют Павел, что даже странно снова слышать звук своего имени. Эта неделя показалась мне бесконечной. – Он нежно сжал руку жены, с удовольствием почувствовал ее нежную, мягкую, теплую кожу. – Не представляешь, как я рад тебя видеть, – с чувством проговорил он, – я так скучал без тебя! – Подумав, он счел необходимым уточнить: – Конечно, когда у меня было время. Я все время был занят. Продать эти ужасные платья оказалось чертовски сложно. Приходится быть очень осторожным.

Пол непроизвольно оглянулся и подозрительно осмотрел других больных в палате. Они или дремали, или безучастно смотрели прямо перед собой, не реагируя на внешние раздражители.

– А как тебя здесь лечат? – поинтересовался Пол.

– Ну... – Белинда пожала плечами, – дают какие-то лекарства, делают анализы. Еще Соня со мной разговаривает.

– Какая Соня?

– Доктор Лазуркина. Она очень мила.

– Понятно, – вздохнул Пол. – Очень мила, говоришь? Хорошая

собеседница? И о чем, интересно, вы говорите? – В его голосе прозвучала откровенная ревность. Но Белинда равнодушно улыбнулась.

– Чаще всего мы говорим о счастье. Об отчем доме. О моем детстве. О ее детстве.

– Я не понимаю, – возвысил голос Пол, – что с тобой произошло? Чем ты больна? Разговоры о счастье – это не лечение. Сыпь, которая тебя так беспокоила, уже прошла. Думаю, ты уже можешь ходить. Почему они тебя не отпускают? Знаешь, мне пришлось потратить уйму времени и сил, чтобы продлить наше пребывание в этой стране! Объясни, что здесь происходит?

– Со мной не случилось ничего особенного, – сказала Белинда, – это была реакция организма на смесь барбитуратов и древесного спирта. Ты когда-нибудь слышал о подобных вещах? Мне тоже не доводилось. Похоже, мы с тобой выпили слишком много алкоголя. Но сейчас все уже прошло. Моя болезнь спрятана гораздо глубже. Так говорит Соня.

– Это смахивает на промывание мозгов, – пробормотал Пол. – Они пытаются воздействовать на тебя, потому что ты – американка.

– Да? – безмятежно переспросила Белинда. – Звучит неплохо.

– Опомнись! – воскликнул Пол. – Они хотят тебя заставить признать, что западная демократия направлена против человека, что в ней содержатся неразрешимые противоречия и все такое... поэтому ты несчастна.

Белинда выслушала и спросила:

– Ты помнишь цитату: «Промой камень, промой кости, промой мозги, промой душу!» Кажется, это из «Убийства в храме»? Я не ошиблась? Мне всегда нравилась идея стать абсолютно чистой. Мистеру Элиоту тоже. Мой папа дважды встречался с мистером Элиотом.

– Я не могу до тебя достучаться, – вздохнул Пол. – Наверное, тебе дают наркотики.

– Если я не ошибаюсь, это часто повторял твой дружок. Это он тебя научил. Ты с ним счастлив?

– Алекс, – покраснел Пол, – не мой дружок. Во всяком случае, не в том смысле, который ты вкладываешь в это слово.

– Откуда ты знаешь, что я имею в виду?

– Я сейчас же пойду и разыщу доктора Лазуркину! – Пол вскочил со стула и заметался по палате. – Она забивает тебе голову дурацкими идеями. – Он продемонстрировал порыв немедленно бежать и вызволить обожаемую супругу из советских больничных застенков, но даже сам себе показался не слишком убедительным. Пол сделал только несколько шагов в сторону двери, потом вернулся и с размаху плюхнулся на жалобно

заскрипевший стул. Белинда слабо улыбнулась.

– Ее сегодня нет. И к тому же я не хочу, чтобы ты бежал к ней, шумел и жаловался. Она мне очень помогает. Соня – чудесный доктор.

– Пятый раз спрашиваю, – возвысил голос Пол, – когда они тебя отпустят? Не забывай, что у нас есть магазин, который тоже требует внимания! Нам следует как можно скорее вернуться в добрую, капиталистическую, декадентскую Англию. Кроме того, у нас мало денег, и они имеют обыкновение кончаться в самый неподходящий момент.

– Если, – поджала губы Белинда, – ты имеешь в виду бедную овдовевшую Сандру...

– Я все знаю, – перебил Пол, – о тебе и Сандре. Но я беспокоюсь о Роберте. Я должен выполнить долг перед своим безвременно ушедшим другом. Я обязан привезти отсюда тысячу фунтов в память о бедном покойном Роберте. Имей в виду, я не смогу это сделать, если мы останемся здесь надолго.

– Вот и не трать много денег, – спокойно заявила Белинда, – жизнь в ленинградских трущобах не должна быть дорогой. А я тебе сейчас не стою ни копейки. Здесь за мной хорошо ухаживают, у меня есть все необходимое.

– Неужели тебе не хочется поскорее попасть домой? – не поверил Пол. – Тебе нравится в советской больнице?

– Знаешь, как хорошо просто полежать и подумать, – мечтательно проговорила Белинда, опуская свою хорошенькую головку на подушку, – у меня нет никаких забот, я спокойно лежу, вспоминаю прошлое. Потом приходит Соня, она разговаривает со мной, задает вопросы. Здесь я отдыхаю. Она сказала, что скоро разрешит мне вставать. Я смогу немного погулять. Мы будем ходить на прогулки вместе с ней.

– Одну прогулку ты уж точно сумеешь совершить, – злобно прошипел Пол, – только не с ней, а со мной. Я имею в виду прогулку обратно на судно. – Пол сразу понял, что сказал глупость. Их судно давно ушло из Ленинграда. – Я хотел сказать, что собираюсь поговорить с твоей драгоценной докторшей о том, что нам пора домой. Завтра же. Ну в крайнем случае на днях. Мне еще надо успеть сбить с рук эти проклятые платья. А потом я сразу же закажу билеты на первое подходящее судно.

– Хорошо, – спокойно согласилась Белинда, – тогда все будет в порядке. Никаких жалоб и никакой спешки. Просто оставь меня здесь, пока ты занят делами. А я буду отдыхать. Знаешь, я здесь читаю книги. В этой больнице есть/ книги на английском языке: «Хижина дяди Тома», «Трое в лодке, не считая собаки».

– Но это же неправильно, – запротестовал Пол, – неужели ты настолько слепа, что ничего вокруг не видишь? Здесь все неправильно!

В это время к Белинде подошла медсестра. Румяная, веселая, круглолицая, она, наверное, была женой фермера. В руках она держала стакан чая, в котором плавали кусочки яблока. Она широко улыбнулась Белинде и сообщила:

– А вот и наша красивая англичанка.

Белинда благодарно улыбнулась в ответ и отхлебнула из стакана.

– Ты поняла, что она сказала? – поинтересовался Пол.

– Да, конечно. Я уже немного понимаю русскую речь. Она сказала, что я красивая англичанка. Правда, думаю, она мне немного льстит.

Медсестра не уходила. Продолжая улыбаться, она принялась оживленно жестикулировать, указывая на Пола.

– Кажется, она хочет сказать, – объяснила Белинда, – что время посещения истекло. – Было очень мило с твоей стороны, дорогой, выбрать время и навестить меня. Надеюсь, ты придешь еще раз.

– Завтра. Я обязательно буду здесь завтра.

– Увидимся, дорогой. – Она чмокнула Пола в щеку и устроилась поудобнее в постели.

Ничего не понимающий Пол взял с тумбочки пакет с очередным дрилоновым платьем и встал.

– Тебе еще что-нибудь нужно? – Несколько дней назад, когда его еще не пускали в палату, он передал ей сумку с необходимыми, по его мнению, вещами. – Кажется, у меня больше нет английских сигарет.

– Ты имеешь в виду американские сигареты? – ухмыльнулась Белинда. – У англичан пет собственного табака. Кстати, мне совсем не хочется курить. И я себя чувствую намного лучше.

– Мне все это не нравится! – в сердцах воскликнул Пол. – Совершенно не нравится. – Он несколько раз перебросил пакет из одной руки в другую. – Оказывается, продать эти вещи совсем не просто. Все гораздо труднее, чем я ожидал. Я считаю, что мне повезло, когда за день удастся избавиться от одного платья. Меня попросили уступить два платья в кредит, я согласился, но теперь не могу вспомнить, кому их отдал.

– Бедолага, – безразлично протянула Белинда и допила чай.

– Люди вроде бы хотят купить, но ни у кого нет денег. Они все пропивают.

В палату впорхнула еще одна сестричка. Эта была значительно изящнее массивной фермерши. В руках она держала поднос со шприцами. Весело чирикавая, она принялась делать больным инъекции.

– Алекс, – продолжал ныть Пол, – все время обещает свести меня с людьми, которые взяли бы товар оптом, но ему некогда. В этой стране невозможно ничего продать.

– Жизнь все расставит на свои места, – нравоучительно проговорила Белинда. – А теперь ты должен уйти. Мне пора спать. – К ней как раз подошла щебечущая сестричка с наполненным шприцем.

– Мне это не нравится, – упрямо повторил Пол.

– Зато мне нравится, – вздохнула Белинда. Укол в руку не занял много времени. – Очень нравится, – повторила она, опустила рукав и зевнула.

Пол вышел из палаты и сразу же почувствовал себя лучше. Очень уж тягостной казалась ему больничная атмосфера. Шагая по коридору, он взглянул на себя в большое старинное зеркало. Видимо, оно висело на этой стене еще с царских времен. Грязная рубашка с расстегнутыми верхними пуговицами, пиджака нет, потому что погода снова стала удивительно жаркой, неглаженные спортивные брюки, покрытые пылью коричневые туфли. Непрезентабельный облик довершали торчащие во все стороны волосы: причесать их было невозможно, поскольку они давно требовали стрижки, и длинная, неряшливая щетина. Или короткая борода. Это как посмотреть. Пол нацепил на нос темные очки, мрачно подумал: «Теперь я тоже товарищ» – и улыбнулся своему отражению в зеркале. Зубы были в полном порядке. Мост стоял твердо, приклеенный безвкусной жевательной резинкой, которой вчера угостил Алексея американский турист. Вот он какой, Павел Иванович Гуссей, дилер по продаже незаконно импортированных в Советский Союз дрилоновых платьев. Он вышел на залитую солнцем улицу, окинул оценивающим взглядом своих потенциальных покупателей – нескольких товарищей, спешивших к площади Мира, и отвернулся. Улица – совершенно неподходящее место для заключения сделок. Значительно более предпочтительным казался маленький подвальчик с очаровательным названием «Куколка», где продавали шампанское и коньяк в разлив. Там он уже продал два платья, правда, еще не получил за них деньги. Но сегодня он решил проявить твердость: нет денег – нет товара. Цена в двадцать рублей была весьма разумной, но, учитывая свое теперешнее финансовое положение, Пол был склонен снизить свои запросы до пятнадцати рублей. Именно эту цену он собирался получить от Мизинчикова. Шагая к улице Плеханова, Пол проверил содержимое своих карманов. Два рубля сорок пять копеек. Прямо скажем, немного. Все дорожные чеки уже давно были обменены на наличные, а деньги разошлись. Самую большую сумму пришлось потратить на прощальный ужин с товарищами Зверьковым и Карамзиным

(они, как он и предвидел, ожидали его в отеле). Кроме того, следовало оплатить счет за проживание в гостинице и за квартиру Алексея Пруткова, который к тому же выпросил изрядную сумму в долг. И каждый день покупать еду, сигареты, напитки.

Пол улыбнулся, вспоминая ужин с Карамзиным и Зверьковым. Их дружелюбие возрастало пропорционально количеству выпитой водки. Все закончилось громкими тостами за процветание англо-советской дружбы и сентиментальными слезами на прощанье. Интересно, а если он случайно встретит Зверькова и Карамзина на улице? Что будет? Скорее всего, они его не узнают в новом облике бородатого бродяги. А если и узнают, что с того? Он не совершает ничего противозаконного. Ввиду печальных обстоятельств он был вынужден задержать свой отъезд, что же теперь делать? А если его в чем-то подозревают, что ж, пожалуйста, пусть проверяют. Он ничего не скрывает. Конечно, они ни в коем случае не должны обнаружить, где он живет. Ах, если бы этот чертов Алекс помог ему избавиться от платьев. Этот проходимец все время обещает, но ничего не делает. И каждый день говорит, что у него есть кто-то, необыкновенно заинтересованный в приобретении всей партии.

Наконец Пол подошел к «Куколке». Переступив порог, он неожиданно для самого себя преисполнился уверенностью, что все будет хорошо. В этом подвальчике не было ничего привлекательного, кроме названия. Обыкновенное помещение, даже не слишком чистое. Люди приходили сюда с единственной целью: выпить. Дело в том, что в Ленинграде практически не было заведений, где продавали только напитки. Кто-то когда-то решил, что люди выпивают, чтобы больше съесть, и с тех пор это решение беспрекословно выполнялось. Выпивка всегда и везде сопровождалась обильной закуской. В «Куколке» к решению вопроса соотношения количества еды и питья подошли по-своему. Еду свели к минимуму. Для закуски предлагался черный хлеб и покрытые чешуей клочки рыбы, залитые старым маслом. Зато ассортимент напитков радовал глаз. Здесь пили знатоки своего дела: после душистого коньяка шло мягкое сладкое шампанское. Пол вошел и, не глядя по сторонам, вытащил из пакета краешек платья и завел негромкую песню уличного торговца: «Платье, платье, кому платье, очень дешево». В этом месте не было смысла прятаться, здесь можно было действовать открыто. Покрутившись в середине комнаты и продемонстрировав всем окружающим лоскут платья, Пол принялся внимательно рассматривать посетителей в поисках возможного покупателя. Он заметил у одного из столиков кивающего ему человека и подошел поближе. Человек проводил время в компании двух

бутылок. Его лицо показалось Полу удивительно знакомым. «Добрый день, товарищ», – улыбнулся Пол и попытался выстроить в уме фразу, в которой содержалось бы предложение потенциальному клиенту рассмотреть и приобрести товар, но в очень вежливой и ненавязчивой форме. Русская грамматика все-таки чудовищна!

– Нет необходимости говорить со мной по-русски, дружище, – сообщил улыбающийся товарищ на хорошем английском языке, – хотя это и неплохой язык. Язык рабочих.

Пол удивленно вытаращился на своего собеседника и, наконец, заметил, что он слишком хорошо одет, по сравнению с окружающими. Его костюм сшит, скорее всего, где-то в Восточном Лондоне.

– Конечно, возможно, вы ведете какую-то очень хитрую игру, в которой исполняете роль русского, тогда, пожалуйста, продолжайте. – И Мэдокс, секретарь и компаньон странного, бесполого доктора, хитро подмигнул Полу. – Садитесь, – сказал он, – в этой диковинной стране мы чужие, но оба приходим из рабочих, поэтому имеем право отдохнуть и выпить шампанского в стране рабочих. – Он свистнул одетому в передник мужику, который со скучающим видом колдовал над посудой, и жестом попросил его принести еще один стакан. – Вы заметили, как оригинально они разрисовали стены? – Он задрал голову, продемонстрировав Полу сильно выдающийся вперед кадык, и указал на грубые изображения танцующих кукол на квадратных фресках под потолком. – Все-таки в Санкт-Петербурге еще остались приятные уголки.

– Вы употребляете старое название этого города, – улыбнулся Пол, – совсем как ваш... ваша... – Вероятно, пора внести ясность в этот вопрос. – Это ваш хозяин или хозяйка? – спросил он и вопросительно взглянул на Мэдокса. – Мне кажется, я имею право это знать.

Верный секретарь, он же компаньон странного существа, путешествующего в инвалидной коляске, пожал плечами, всем своим видом показывая, что пол древнего создания не имеет никакого значения.

– Это зависит от того, – таинственно сообщил он, – какую работу мы выполняем.

– Работу?

– Кажется, я и так уже сказал слишком много. – Наконец, принесли стакан, и Мэдокс тут же наполнил его пенящейся жидкостью. – Насколько я понял, вы сами в настоящий момент занимаетесь не совсем честным промыслом. Так что вряд ли имеете право приставать ко мне с вопросами. Только не подумайте, что док делает что-то незаконное. Можете мне поверить, это предположение не имеет ничего общего с

действительностью. Док занимается исключительно благими делами.

Мэдокс насмешливо оглядел неряшливый костюм Пола и лежащий на стуле пакет, из которого нагло высовывался яркий кусочек ткани. Выражение его лица ясно свидетельствовало о том, что Пол не возвысился в его глазах.

– Я не понял, – сказал Пол, – вы что, не видели хозяйский паспорт? И не знаете, кому служите? Мужчине или женщине? Кстати, раз уж мы об этом заговорили: все называют это создание, которое вы катаете в инвалидной коляске, доктором. Но доктором чего?

– Вы хотите слишком много знать, – усмехнулся Мэдокс. У него все время улыбалась только одна сторона лица, но улыбка все время двигалась, перетекала с одной половины физиономии на другую. – Если вам так интересно, вы всегда можете задать свои вопросы непосредственно доку. Обязательно сделайте это! Мы еще целую неделю будем в Санкт-Петербурге. – Удобно откинувшись на спинку стула, он с удовольствием оглядел грязный подвальный взглядом человека, готовящегося здесь поселиться. – Мы только вчера вернулись из Москвы. Препаскуднейшее место, доложу я вам. Минутку! – внезапно оживился Мэдокс и принялся рыться в карманах. – Не вижу ни одной причины, почему бы вам... черт, куда же я их дел? Я точно помню, что положил в карман... – Судя по всему у него было значительно больше карманов, чем обычно бывает в костюмах. В конечном счете он нашел искомое в кармашке, спрятавшемся где-то почти на спине. Он достал оттуда стопку карточек, кажется приглашений, на которых виднелась выполненная старинным шрифтом витиеватая надпись. – Все-таки вы один из нас. – Пол не разобрался, по каким признакам его классифицировали, но промолчал. – Вы имеете больше прав, чем польские торговцы мехом, инженеры и тому подобные людишки. Доку вы понравились, я это заметил. У вас есть мужество, а это всегда вызывает уважение. Вы не побоялись высказать все об этом... не помню, как его зовут, в сборище падутых снобов и педиков. В общем, вы меня поняли.

Он протянул Полу приглашение, на которой было написано следующее: «Полковник Д.И. Ефимов», далее следовал текст, из которого можно было понять, что вышеупомянутого полковника с нетерпением ждут на ужин, который состоится в отеле «Европа» в 8 часов 30 минут...

– Но это же не я, – запротестовал Пол, – я совсем не полковник Ефимов. А то имя, которое вы не смогли вспомнить, – Опискин. Это о нем я говорил на суде. Простите, но я не совсем понимаю, каким образом...

– Описов или Эфискин, – сказал Мэдокс, – это не важно. Док не интересуется подобными мелочами. Какая разница, кто придет? Все эти

имена и фамилии такие одинаковые...

Пол обратил внимание, что из приглашения тоже не ясно, мужчина или женщина этот пресловутый док, не было там ни титулов, ни научного звания. Приглашения рассылались кем-то или чем-то, имеющим название «Англорусс».

– Итак, вы как-то связаны с этим «Англоруссом», – решил уточнить Пол, – не знаю, правда, что это такое. Но могу предположить, что ваша деятельность направлена на улучшение русско-британских отношений.

– Дареному коню в зубы не смотрят, – заметил Мэдокс. – Может быть, вы правы, а может, и нет. Но, как бы то ни было, мы не занимаемся ничем подобным. – Он брезгливо сморщил нос и кивнул на мирно лежащий на стуле пакет с платьем. Затем он аккуратно разлил по стаканам шампанское, коньяк и добавил: – Кстати, когда придете, постарайтесь выглядеть поприличнее. Там будут женщины. Между прочим, русские женщины, оказывается, довольно старомодны и не желают проводить свободное время с неопрятными, подозрительными личностями, с недельной щетиной. Этот город не слишком хорошо подействовал на вашу внешность.

– Я отращиваю бороду, – вызывающе заявил Пол и демонстративно поскреб заросший подбородок. Звук получился довольно громкий.

– Маскировка? – осведомился Мэдокс. – Темные очки и прочая дребедень? Имейте в виду, я вас узнаю в любом обличье. По походке. Человек не может изменить свою походку.

– Может быть, поэтому, – воскликнул Пол, которого внезапно посетило озарение, – док везде следует только в инвалидной коляске?

– В определенных кругах, – сообщил несколько не смущенный Мэдокс, – вас могли бы счесть умным и догадливым. Но у меня другое мнение по этому вопросу, дружище. Оставьте дока в покое, мой вам совет. Мы говорили о вашей походке, вот об этом и продолжим. Так вот, я узнаю вашу походку, как бы вы ни старались ее изменить.

– Что вы имеете в виду? – громко возмутился Пол. – Что особенного вы заметили в моей походке?

– Расслабьтесь, – снисходительно бросил Мэдокс, вновь наполняя стаканы, – не стоит так бурно реагировать на справедливые замечания. А если вы не умеете пить, тогда вам лучше уйти. Что же касается пола моего хозяина, то он для меня совершенно не важен. – Последняя фраза прозвучала как тост. Чтобы подкрепить впечатление, Мэдокс отхлебнул из стакана и только после этого продолжил: – Каждый человек живет своей жизнью. И ему никто не помогает жить.

– Вы позволяете себе весьма откровенные высказывания, – возмутился

Пол, – и я не понимаю, кто дал вам на это право. Я протестую! – взвизгнул он. – Слышите? Я протестую!

– Наш разговор, – спокойно проговорил Мэдокс, – приобрел явно выраженный сексуальный уклон. Почему мы не можем оставить в покое вопросы пола? Давайте будем как док. Не возражаете? Секс, – мечтательно прищурился он, глядя куда-то вдаль, – в моей жизни я испробовал секс всех видов, но никогда и ни с кем об этом не говорил. Для меня это все уже в далеком прошлом. Но если с вами, дружище, дело обстоит иначе, я могу вам сказать только одно: пусть будет счастлива девушка, полюбившая моряка. А теперь давайте завершим наше застолье. Мне необходимо отправить несколько писем.

– Послушайте, – начал Пол, покраснев от злости. – Мне не нравится то, что вы сказали о моряках. В песне говорилось о солдатах, и вы это отлично знаете. А я служил в ВВС Великобритании. – Пол снова подумал о Роберте, и ему захотелось плакать. Сладкое шампанское и коньяк. Виноградины размером с крупную сливу, древесный спирт со жженым сахаром. И долгая болезнь. – Я должен это продать, – буркнул он, пнув ненавистный пакет. – Вы даже не представляете, как это трудно. А моя жена в больнице. И у нас совсем не осталось денег. У русских тоже нет денег, поэтому они ничего не покупают.

– В больнице? – любопытствовал Мэдокс. – И вы продаете ее платья? Вам крупно не повезло, дружище. Кажется, – он тронул очень белыми пальцами высунувшийся из пакета лоскут, – неплохой материалчик. Сколько вы за него хотите?

– Тридцать рублей, – буркнул Пол. – Очень дешево.

– Тяжело вам приходится, приятель. Придется хоть чем-нибудь помочь своему соотечественнику. Все-таки мы оба подданные ее величества, королевы Великобритании. – Мэдокс вытащил из кармана толстый кожаный бумажник, отсчитал четыре пятерки и десятку и протянул Полу. – Дома у меня есть знакомая официантка, я ей это подарю. Скажу, подарок из России.

Сжимая деньги в кулаке, Пол едва не разрыдался.

Глава 2

Пол не торопясь шел к станции метро «Балтийский вокзал». По дороге он старательно прислушивался к своим ощущениям, но никак не мог решить, сыт ли он или следует еще что-нибудь поесть. В вестибюле он привычно взглянул на расписание движения пассажирских судов. Вот они, все русские адмиралы: Ушаков, Лазарев, Корнилов, Нахимов и Макаров. Пол уже давно выучил наизусть эти трудные фамилии.

Станция метро была отделана мрамором цвета морской волны, привезенным сюда с Урала, на потолке изображен надутый ветром парус, композицию довершало мозаичное панно «Выстрел «Авроры». мрачно оглядев все это великолепие, Пол решил, что его плохое самочувствие, скорее всего, вызвано морской болезнью. Но во время короткой поездки в вагоне электропоезда (ему надо было проехать только одну станцию – «Нарвскую») у него появилось ощущение, что уральские каменоломни, где добывают мрамор для ленинградской подземки, каким-то волшебным образом переместились в его бедную больную голову вместе с сопутствующим процессу шумом и грохотом. А может быть, это излишне трудолюбивые каменотесы добросовестно выдалбливали барельеф Пола Хасси, причем трудились они самоотверженно, не покладая рук, сменяя друг друга, потому что торжественное открытие с официальными лицами, вялыми аплодисментами и ироничной музыкой Прокофьева уже не за горами.

Не то чтобы настало время подводить итоги, но последние события настроили Пола на философский лад. Он задумался о смысле жизни. Кто он? Зачем пришел в этот мир? Частично он знал ответ на этот вопрос. Должны же существовать люди, хлопочущие над елизаветинскими монетами, старинными парусниками в бутылках, красивым сервантом, изготовленным в 1689 году, подлинными серебряными подсвечниками, которые держала в руках сама королева Айна, парчовым жилетом и изрядно потертой софой, начавшими свой жизненный путь еще при регенте... В конце концов, кто-то должен стирать со всего этого пыль.

Станция «Кировский завод». По широкой лестнице из дымчатого кавказского мрамора рабочие поднимаются навстречу трудовым свершениям. Так... теперь на улицу. Как сегодня солнечно и тепло! А вот и знакомое 11-этажное здание Кировского райисполкома. В соседнем кинотеатре Анна, странная подружка Алексея Пруткова, раньше работала

киномехаником. Алексей рассказывал, что однажды, во время премьеры очередного советского киношедевра, у нее запуталось несколько десятков метров пленки с панорамой русской степи. Теперь она убирает мастерские детского технического центра при заводе. Ах, Россия, Россия!

Пол подошел к подавляющему своими грандиозными размерами «Парку имени 9 января». Здесь рабочие Нарвской заставы собрались, чтобы вручить царю свое прошение. И были расстреляны. (Начищенные до блеска сапоги, черные дыры разинутых в отчаянном крике ртов, раздавленные безжалостным каблуком хрупкие очки.)

В целом это был довольно приятный и вполне современный район. Правда, дом, к которому сейчас подходил Пол, был построен примерно в тридцатых годах и уже успел основательно обветшать. Впрочем, следует признать, что строения этого периода в Англии находились в аналогичном состоянии. На фасаде здания красовался барельеф. Пол окинул взглядом маленькие балкончики, на которых сушилось белье, прислушался к вдохновенному радиоголосу, несущемуся из распахнутых настежь окон (похоже, здесь все слушали только одну радиостанцию), вздохнул и поплелся вверх по лестнице. Добравшись до нужного этажа, он остановился, чтобы перевести дух, после чего толкнул дверь в квартиру. Ее никогда не запирали. Анна была дома одна. Она лежала на кровати и листала спортивный журнал. Пол покосился на нее и недовольно хмыкнул. Он не мог сказать, какие чувства к ней испытывает, но уж точно не слишком теплые.

У нее были очень черные брови, которые она частенько хмурила, глядя на него. Точно так же она посмотрела на него поверх журнала и сейчас. Женщина была полностью одета: в черных чулках, теплой юбке цвета перца с солью, нежно-голубом свитере. Пол предложил ей выбрать дрилоновое платье, но она отказалась. Она всячески противилась его вселению в квартиру.

Пол долго не мог отдышаться после утомительного восхождения по лестнице. Неожиданно ему пришло в голову, что он впервые остался наедине с Анной. Но перспектива провести с ней остаток дня до прихода Алекса не слишком радовала. Дело в том, что он имел тайные виды на кровать, которая теперь оказалась занятой. Больше всего на свете ему хотелось развалиться на этой самой кровати, но только в одиночестве, и всласть похрапеть. Странно, но столь желанный дневной сон в мечтах Пола ассоциировался именно с громким храпом. В квартире была только одна кровать, поэтому Пол был вынужден проводить ночи в большом плетеном кресле. Для этого ему пришлось потревожить полчища блох, давно и

прочно обосновавшихся в этом жестком и неудобном предмете мебели. Под ноги он подкладывал старый ящик, в котором, если верить сделанной по трафарету надписи, когда-то были огурцы.

Спать Полу доводилось нечасто. По ночам в этой квартире было много выпивки, жарких споров, поэзии и музыки. Зато днем, если только он не навещал Белинду и не пытался сбыть с рук злосчастные платья, он получал в свое полное распоряжение старую продавленную кровать. Тогда он отсыпался на ней, не реагируя ни на какие внешние раздражители. Ему не мешали ни назойливо жужжащие мухи, ни доносящиеся с улицы крики детей. Он не слышал ни монотонного шума воды, текущей из хронически неисправного крана, ни злобного фыркания газующих на углу грузовиков, ни орущего радио. А теперь кровать занята, ему придется попытаться вздремнуть в компании с блохами. Но всласть похрапеть уж точно не удастся. Анну раздражает абсолютно все, что исходит от него. Во всяком случае, все то, что ей удастся понять. Она вечно издевается над его акцентом, кривит губы в насмешливой улыбке, когда он старательно пытается пробиться сквозь дебри русской грамматики, придирается, можно сказать, к каждому звуку и вздоху. А однажды, когда он случайно во сне выплюнул протез, она брезгливо подняла его щипцами для колки орехов.

Пол еще раз взглянул на лежащую женщину и, тщательно выстроив в уме русскую фразу, проговорил:

– Ты отдыхаешь после работы?

Анна с неудовольствием сморщилась, будто услышала неприятный звук из сломанного транзистора. Пол очень старался правильно выговаривать слова на чужом языке, но все равно не сумел угодить. Анне все не нравилось: фонетика, грамматика, да и сам говоривший.

Пол с трудом отдышался, сел в свое продавленное кресло и вытащил пачку болгарских сигарет. Он предложил закурить своей неприветливой собеседнице, но она молча мотнула головой. Ну и черт с тобой, решил Пол и глубоко затянулся. Анна продолжала раздраженно шуршать страницами. Пол взял лежащую на плите газету «Правда» и помахал ею, разгоняя дым. Боже, Боже правый! Что он здесь делает? Как он позволил загнать себя в эту ловушку? Пол представил, как он выглядит со стороны, и жалобно застонал: грязный, небритый бродяга курит мерзкие болгарские сигареты, сидя в дряхлом кресле в крохотной нищей квартирке на окраине Ленинграда. Это убогое жилище провоняло капустой, анисом и квасом, а сейчас к этому набору ароматов примешивался слабый запах смуглой женщины из Грузии, лежащей на кровати поверх засаленного покрывала, на котором в отдельных местах еще угадывались цветы. Словно пытаюсь

согреться, она поджала ноги, затянутые в плотные черные чулки. На пятке левой ноги виднелась дырка. Анна потянулась и почесала подмышку. Журнал захлопнулся. Она нахмурилась и недовольно зашуршала страницами.

– Анна, – окликнул Пол, – Анна, Анна!

– Что? – буркнула она, окинув собеседника недовольным взглядом.

Неожиданно для самого себя Пол осознал, что ему нечего сказать. Просто захотелось произнести ее имя.

– Ничего, – растерянно ответил он. Поерзав в неудобном кресле, Пол снова нерешительно посмотрел в сторону кровати. – Чай, – сказал он. – Чай можно? – Чашечка или стакан чаю пришлось бы как нельзя более кстати. Анна ожесточенно затрясла головой. Маленькая ведьма всерьез считала, что в этой квартире он ни на что не имеет права. Кроме оплаты. – Ладно, – обозлился Пол, – тогда я сам приготовлю чертов чай. – Он встал, выдохнув клуб болгарского дыма, и решительно направился к шкафчику, сиротливо приткнувшемуся к стене у плиты. Он вытащил чай, чайничек для заварки и поискал глазами старый электрический чайник. Следовало проверить, есть ли в нем вода.

Электрическое убожество протекало сразу в нескольких местах и по этой причине было густо опутано коричневой изоляционной лентой. Пол встряхнул чайник, но не услышал желанного плеска. Из чайника донесся только шорох в изобилии скопившейся на дне накипи. Вода обнаружилась в большом старомодном кувшине с отбитым носиком. Приготовившись наполнить чайник, Пол неожиданно подвергся нападению с тыла, причем отнюдь не словесному. Раздраженная и не слишком внятная, по мнению Пола, тирада сопровождалась весьма ощутимым физическим воздействием. Одна рука, в тот момент невидимая, вцепилась ему в волосы, а другая, с обкусанными ногтями, ее он видел вполне отчетливо, попыталась вырвать у него несчастного инвалида из семейства чайниковых. Последний, в результате упомянутых военных действий, с жалобным стуком шлепнулся на пол.

– Что это значит! – воскликнул Пол. – Черт побери, ты что, забыла, кто здесь за все платит? Это и есть ваше хваленое грузинское гостеприимство?

Анна что-то долго и визгливо кричала. Из ее возмущенной тирады Пол почти ничего не понял, но зато получил отличную возможность рассмотреть вблизи ее то открывающийся, то закрывающийся рот с мечущимся внутри розовым мясистым языком, дергающиеся губы, прямой нос, довольно заметные усики над верхней губой, горящие глаза и густые брови.

– Да заткнись ты, – вздохнул он, слегка встряхнул не в меру разошедшуюся смуглолицую фурию, отодвинул ее в сторону и с размаху залепил ей звонкую пощечину. Анна шлепнулась на кровать и, пожалуй, даже не удивилась. Вероятно, она привыкла к подобному обращению. Нет, Алексей Прутков вряд ли позволял себе распускать руки. Чего, скорее всего, нельзя сказать о ее первом муже, темпераментном горце из Грузии.

Пол взглянул на сидящую на кровати женщину, которая потирала щеку, при этом выплевывая отрывистые, злые слова, и успокаивающим тоном проговорил:

– Ладно, ладно, успокойся. Знаю, я не должен был этого делать. Я больше не хочу чаю. Извини, и давай забудем об этом.

Он почувствовал, что сыт по горло этой квартирой и ее обитателями. Ему необходимо немедленно забрать Белинду из больницы, что бы ни говорили врачи, и отправиться домой на первом же подходящем судне.

– Возьми сигаретку, – без всякой надежды сказал он. Пол отчетливо понимал, что не вызывает у этой женщины никаких желаний, кроме разве что избавиться от него. Он бы, не задумываясь, покинул это жилище, если бы мог достать хоть немного денег. Правда, с Алексом он хорошо ладит. Ладно, вздохнул Пол, подобрал выпавшие из пакета сигареты и поплелся восвояси к своему жесткому креслу и свежему номеру «Ленинградской правды». Анна улеглась на кровать и снова уткнулась в спортивный журнал. Для себя она уже давно все решила. Пол останется в квартире, раз этого хочет Алекс. Но только он не должен протягивать лапы к вещам, хозяйкой которых является она. К чайнику, например.

А Пол углубился в чтение газеты. Сначала он попробовал одолеть передовицу – письмо Никиты Сергеевича Хрущева товарищу Цеденбалу, но так и не понял, хвалят последнего или ругают. Затем он кое-как прочитал заметку об успешном выполнении какого-то долгосрочного плана, которая пестрела процентами, перевалившими за 100. Справедливости ради следует отметить, что в ней все-таки встретились несколько цифр 99 и 98, должно быть для придания картине большего правдоподобия. Постепенно буквы стали расплываться перед глазами, глаза от напряжения начали слезиться. Пол не слишком хорошо знал русский язык. Он изучал его вместе с Робертом на курсах еще во время войны, но с тех пор многое забылось. Если бы он тогда мог предвидеть, что настанет день, когда он будет сидеть в жестком, неудобном кресле в крошечной однокомнатной квартирке в рабочем районе Ленинграда, а совсем рядом на кровати будет лежать фурия из Грузии... Он бы проводил все свободное время за чтением «Войны и мира» в оригинале, аккуратно записывая

незнакомые слова в тетрадку. Заодно и французский вспомнил бы...

Товарищ Как-там-его зовут презрительно насмеялся над беззубым британским львом.

– Совершенно очевидно, – говорил он собравшимся широкоплечим и густобровым мужчинам и женщинам, – что перед нами наглядный урок декадентства, яркий пример, иллюстрирующий основные противоречия капитализма... – Голос вещал громко и убедительно, а Пол вдруг в ужасе увидел перед собой огромный, как Кремль, экран, а на нем – себя, Пола Хасси, одетого в шляпу и жилет Джона Буля. Только загорелое до красноты мужественное лицо сменила весьма упитанная физиономия с пухлыми и мягкими, как сдобная булочка, щеками, на которой играла глупая беззубая улыбка. Из-под килта высывались голые безволосые ноги. А килт, оказывается, был вовсе не килтом, а дрилоновой юбкой.

– Материал совершенно не горюч, – сказал кто-то за кадром и поднес к юбке спичку.

Фигура на экране, продолжая жеманно улыбаться, вспыхнула, как факел. Раздался звук льющейся воды, но пламя не погасло.

Пол проснулся от громкого плеска воды и облизал пересохшие губы. Оказывается, вода лилась не только во сне, но и в жуткой действительности, в которой существовало жесткое кресло и ненормально жаркое балтийское лето. Продрав глаза, Пол увидел в темноте что-то розовое. Оно Двигалось в дальнем углу комнаты, и именно оттуда доносился плеск воды. Приглядевшись, он понял, что розовое тело принадлежит Анне, которая, раздевшись до пояса, мыла в тазу голову.

Пол едва сумел справиться с охватившим его бешенством. Вот, значит, как они с ним считаются. Он для них лишь старая мебель, рваный ботинок! Эта мерзавка всерьез считает, что может в его присутствии разгуливать полуголая, трясти перед его носом грудями и не поплатиться за это? Делая вид, что все еще спит, Пол слегка приоткрыл глаза и принялся наблюдать за намыливающей волосы женщиной. Анна бестолково топталась вокруг таза, а Полу чудилось, что она исполняет своими затянутыми в черные чулки ногами некий ритуальный танец. У нее были довольно большие груди, которые тяжело покачивались в такт движениям тела. Мягкая белая плоть колыхалась и подрагивала. Как ни старался, Пол не мог отвести взгляд от воинственно торчащих сосков. Темные кружочки на белой коже казались глазами, влюбленно глядящими прямо на него.

Почувствовав тепло, разливающееся где-то внизу живота, Пол встал и, крадучись, направился к Анне. Еще несколько осторожных шагов, и он сможет прикоснуться к ее рукам, плечам, грудям...

По пути он споткнулся об угол своего чемодана, очень некстати высунувшийся из-под кровати. Анна услышала посторонний звук и насторожилась. Она крепко зажмурилась, поскольку едкое мыло так и норовило попасть в глаза, но обернулась на непонятный шум и вроде бы даже принялась. Она потянулась к кровати, чтобы нащупать лежащее там полотенце, но вместо этого ее руки наткнулись на подошедшего вплотную Пола. Запах мыла, идущий от ее влажных волос, смешивался с острым запахом пота, распространявшимся от покрытых густой растительностью подмышек, и создавал новый, ни с чем не сравнимый аромат русской женщины, который стоил того, чтобы его оценили по достоинству. На Западе уже нигде не встретишь пахнущие простым мылом волосы. Там женщины пользуются чем-то ароматизированным, насыщенным специальными маслами, всесторонне протестированным и вовсю разрекламированным по телевидению. А здесь присутствовал запах без всяких обольщающих добавок – резкий, естественный, честный. Казалось, он явился сюда откуда-то из далекого прошлого. Господи, помоги, мысленно простонал Пол. Перед его глазами снова встала почти забытая картинка из детства в Брадкастере: мать моется на кухне, а он, десяти лет от роду, потрясенно взирает на ее влажную наготу.

Анна ударила его по лицу, затем забарабанила кулаками по груди. Все как и следовало ожидать. Она пыталась вырваться. И даже широко раскрыла глаза, хотя все время щурилась и морщилась из-за попавшего в них мыла. Ее мокрые волосы звонко шлепали Пола по физиономии. Следовало признать, что получилась весьма своеобразная церемония окропления святой водой. Она что-то громко выкрикивала, наверное русские ругательства, правда, Пол недостаточно хорошо знал русский язык, чтобы их понять. К тому же она довольно чувствительно лягалась и сумела нанести несколько весьма болезненных ударов сильными, одетыми в дырявые черные чулки ногами. Пол быстро лишил женщину способности брыкаться, просунув между ее дергающимися ногами свою. А льющийся поток брани был остановлен, когда его рот властно завладел ее влажными губами. В какой-то момент Полу почудилось, что он смотрит на себя со стороны. Увиденное ему понравилось. Настроение портил только паскудный протез, который в самый неподходящий момент угрожающе зашатался. Чтобы не дать ему вывалиться, Полу пришлось крепко стиснуть зубы. Но целоваться, удерживая грозящий вывалиться протез, было довольно затруднительно. Пол слегка приоткрыл рот и попытался просунуть в образовавшуюся щель язык. Вышло плохо. Анна отчаянно старалась увернуться от его требовательного рта, изо всех сил сжимала

губы и отворачивалась. Полу даже пришлось запустить пятерню в ее мокрые волосы и таким образом ограничить ее подвижность. Нечего вертеться. Теперь ее рот находился прямо перед ним и им можно было заняться вплотную. Но тем не менее сохранялась необходимость обездвижить ее полностью, так как она весьма ловко использовала извечное женское оружие – ногти. Тяжесть – вот решение вопроса. Мужчина должен использовать силу тяжести. Кровать и лежащая на спине красotka. То, что надо!

Уложить девицу на кровать было делом нескольких секунд.

Прояви настойчивость, и женщина обязательно уступит. Она не может иначе...

Через некоторое время Пол почувствовал, что задыхается, оторвался ото рта женщины и судорожно вдохнул русский воздух.

Анна, воспользовавшись моментом, исторгла очередную порцию ругательств. Воодушевленный кажущейся близостью победы, Пол приподнялся ровно настолько, чтобы было удобно размахнуться, и влепил женщине звонкую пощечину. На ее бледной щеке немедленно появилось красное пятно. (Разве он уже не делал то же самое раньше? С кем-то другим? Здесь же, в Ленинграде? Это было так давно, что и не упомнишь.) Анна взглянула на него жалобно, как обиженный ребенок, и тихонько заплакала. Устыдившись, Пол принялся успокаивать обиженную женщину, нежно целовать соленые щеки. Его руки требовательно шарили по влажному, податливому телу. Анна больше не кричала и не сопротивлялась. Она молча ждала. Пол уже приготовился войти в нее, слиться с ней воедино, но неожиданно почувствовал, что ничего не может. У него совершенно пропало желание. Именно так внезапно обрывается торжественное звучание электрического органа, если его отключают от источника энергии. Исполнитель еще на месте, его пальцы лежат на клавишах, а толку? Звука-то нет!

Ему в голову пришло еще одно сравнение: если бы в театре во время любовной сцены из «Леди Чаттерлей» актер, игравший Меллорса, внезапно занялся другими делами, например, решил почитать? Получилась бы забавная ситуация, весьма схожая с нынешней.

Анна лежала неподвижно. Несколько слезинок (он явился причиной русских слез! Браво, Пол!) выкатились из-под сомкнутых век и теперь медленно высыхали на бледных щеках.

Интересно, какой образ он должен извлечь из глубины своей памяти, чтобы вновь почувствовать угасшее влечение? Ничего полезного не приходило в голову. Перед глазами мелькали причудливые картины, совсем

как на картах Таро, но никак не связанные с его теперешним положением: истекающая кровью Луна, башня, в которую только что ударила молния. Все они были выполнены в оттенках телесного цвета, как дешевые итальянские религиозные скульптуры.

Затем Пол услышал странную, но удивительно приятную музыку. Это звучала та самая вещь Опискина. Колокола. И еще он почувствовал запах свежей влажной земли. Так пахло в землянках во время войны. И Пол отчетливо понял: пора отступить. Он с тяжелым вздохом сполз с такого притягательного, манящего тела женщины и прошептал:

– Извини, не получается.

– Что? – Ее глаза даже округлились от удивления.

– Виноват, – проговорил Пол, – я не могу. – Он уже стоял рядом с кроватью и с искренним сожалением смотрел на лежащую на ней полуобнаженную женщину. Анна, в свою очередь, некоторое время изумленно разглядывала Пола, затем громко фыркнула и расхохоталась. Ее груди сразу ожили, задвигались, заколыхались, как плохо застывший студень. Было совершенно очевидно, что все происшедшее не только не разозлило ее, а даже позабавило.

Она тоже встала с кровати и, продолжая смеяться, процедила сквозь зубы: «Мужчины...» – вложив в одно это слово всю силу своего презрения. Такая постановка вопроса заинтересовала Пола. Любопытно, почему она употребила это слово во множественном числе? Неужели Алекс тоже несостоятелен как мужчина? Пол еще не составил своего мнения об Алексе, они недостаточно времени, провели вместе. Но, лежа по ночам без сна в своем неудобном кресле, он ни разу не слышал, чтобы Алекс и Анна занимались сексом. Старые пружины кровати не скрыли бы от него сей факт. Пол потряс головой, вытащил из смятой пачки «Дымка» сломанную сигарету и предложил Анне. Она не отказалась, закурила и, насмешливо поглядывая на хмурого мужчину, принялась сушить волосы полотенцем. Пол машинально отметил, что полотенце было далеко не первой свежести и больше походило на тряпку.

Только закончив с волосами, она оделась. Имеется в виду, надела свою верхнюю половину. После чего жизнерадостно спросила:

– Чай?

Пол взглянул на женщину с искренней благодарностью и кивнул. стакан горячего и крепкого чая представлялся для него в тот момент пределом мечтаний. Что ж, по крайней мере, он установил контакт с Анной. Не важно, каким образом. Главное – результат.

Алекс явился домой взволнованный. Он был одет в свой обычный

рабочий костюм – джинсы и спортивную куртку. В руке он держал пакет с едой. Каждый вечер на ужин они ели одно и то же – бутерброды с кровяной колбасой, копченым лососем и ветчиной. Запивали все это сомнительное великолепие весьма неплохим русским лимонадом. Еще Алекс приволок нечто плоское и квадратное, аккуратно завернутое в газету.

– Посмотри, что у меня есть, папаша, – воскликнул он и помахал непонятным предметом перед носом у Пола. – Это же джаз! Самый настоящий! Взял у одного из туристов, – пояснил он. – Сегодня у нас праздник. Устроим вечеринку, сечешь? Борис обещал притащить проигрыватель. Будем слушать джаз.

– Послушай, – сказал Пол, хмуро рассматривая слипшиеся бутерброды, – а разве мы не можем иногда приготовить что-нибудь горячее? Борщ, например?

– Тогда придется топить плиту, папаша, – объяснил Алекс, – а мы никогда этого не делаем до осени. Кстати, папаша, а как у тебя сегодня с наличностью?

– Тридцать рублей, – честно сознался Пол и достал из кармана деньги.

– Блеск! – обрадовался Алекс. – Купим за углом пару бутылок. У нас будет незабываемая ночь.

– А как же квартплата?

– Подождет, – отмахнулся Алекс. – От этого никто не пострадает. Домовладельцем у пас является государство, а государство вполне может подождать. Государство не умрет, даже если подождет, – в ритме джаза пропел он и затанцевал по комнате, покачивая бедрами. У него были узкие и очень подвижные бедра.

Глава 3

На пластинке была записана музыка двух тромбонистов – негра из Индианаполиса по имени Дж.Дж. Джонсон и датчанина Кая Уиндинга. Владимир с пеной у рта доказывал, что может различить их игру. Более того, он утверждал, что в состоянии, прослушав музыку, определить цвет кожи исполнителя. Мол, негры и белые играют по-разному. Последнее утверждение было подвергнуто сомнению, и вспыхнул жаркий спор. Владимир, которому Пол очень симпатизировал, поскольку тот всегда говорил по-русски медленно и четко, поэтому его высказывания о джазе всегда были понятны, разгорячился и нечаянно пролил немного липкой русской водки на проигрыватель Бориса. Это еще более накалило обстановку. Некоторые из присутствующих перешли к открытым угрозам, похоже, дело двигалось к мордобою.

У Пола раскалывалась голова и сильно болела нижняя десна. Музыкальную композицию в исполнении дуэта тромбонистов прослушали уже восемь раз.

Но тем не менее все это было чертовски здорово. Словно вернулась давно ушедшая юность. Или это была своеобразная компенсация за те молодые годы, которые отняла у Пола война? Он никогда не был студентом, не знал, что такое дешевое вино и жаркие споры с друзьями до рассвета. После войны уже было слишком поздно начинать учебу в университете. И надо же было такому случиться, что именно в Советском Союзе он получил возможность испытать то, чего был лишен в молодости. Ему наверняка понравилось бы щеголять в форменном головном уборе, курить огромные трубки, до хрипоты спорить о религии и о смысле жизни... Но собравшиеся в этой ленинградской квартирке юнцы могли вести полемику только по одному вопросу: о джазе.

Пластинка медленно крутилась, и вот снова раздались звуки музыки.

– «Черный ястреб», – тут же сказал Владимир, – Сан-Франциско. Майлс Дэвис, Хэнк Мобли, Уинтон Келли, Пол Чэмберс, Джимми Кобб.

Похоже, он действительно знал их всех. Он часто не спал ночами, пытаясь поймать западные радиостанции, транслирующие музыку, был частым гостем на морском вокзале, ходил по пятам за иностранными туристами в поисках новых пластинок. Он говорил, что в спальне у него висит карта Нового Орлеана. Владимир скороговоркой объяснил Полу, что Майлс Дэвис – один из величайших трубачей современности, и снова

замолчал, восхищенно внимая мелодии. Похоже, его заворожила, скорее даже околдовала эта обычная американская долгоиграющая пластинка.

Сидя на кровати, Пол добродушно взирал на собравшуюся в комнате молодежь: Алекс, Анна, Владимир, Сергей, Борис, Федор, Павел. Рядом с ним сидел незнакомый юноша в очках в тонкой металлической оправе, которого называли по-разному: то Пьер, то Петрушка. Он показался Полу смутно знакомым, хотя он так и не смог вспомнить, где и когда они встречались. Самого Пола молодежь величала не иначе как «Дядя Павел», видимо учитывая его весьма почтенный, по их понятиям, возраст. Алекс сидел на полу рядом с Анной, его рука покоилась на ее плечах. Анна временами поглядывала на Пола и насмешливо ухмылялась. Видимо, короткое перемирие, установленное в процессе совместного чаепития, подошло к концу. У Пола отчаянно болела голова. Коньяк, который он постоянно потягивал из бутылки, почему-то не помогал сиять боль. Конечно, пили все и не только коньяк. Тридцать рублей, принесенные Полон, прожили не долго.

– Этот парень, Томас, – кумир Нового Орлеана, – снова высказался Владимир. Для верности он повторил то же самое по-французски.

– Очень интересно, – вздохнул Пол. Он никогда не интересовался музыкой и не участвовал в дискуссиях о джазе. Сейчас он бы предпочел послушать песенки его юности – «Эти глупости», «Два лентяя» или «Красивая и любимая». Учитывая количество выпитого, они бы пришлось как нельзя кстати. Пол довел свои мысли до сведения Алекса, тот, ухмыляясь, перевел их собравшимся. Быстрее всех отреагировал юный Павел:

– Ты, дядя, забудь на время о своем возрасте и живи, как живется.

– И вообще, – продолжил Алекс, – эта твоя музыка насквозь буржуазна и является не чем иным, как опиумом для народа.

– А все это, – громко спросил Пол, картинно указав на проигрыватель, – разве не опиум?

– Ни в коем случае, – последовал ответ хором, – это не опиум. Это музыка пролетариата, поработенной расы.

– Поработенной расы? – изумился Пол. – Поцелуйте меня в задницу! Кучка бездельников, нажравшихся джипа и обкурившихся марихуаны! – Он сделал паузу, чтобы дать возможность перевести эту весьма сложную для восприятия фразу и продолжил: – Кстати, у них все поставлено на коммерческую основу. Считать они умеют хорошо.

Пол начал разочаровываться в своих юных собеседниках. Поначалу он всерьез считал их бунтарями и мятежниками. Конечно, в какой-то степени

они и были такими, ничем не отличаясь от молодых людей во всем мире.

– Послушайте, – громко сказал он, – давайте вспомним замечательных представителей русского искусства. Чайковский и Бородин, Мусоргский, Опискин. Почему вы ничего не говорите о них? По сравнению с их великими произведениями джаз даже музыкой назвать нельзя.

Полу не следовало упоминать Опискина. Но понял он это слишком поздно. Фамилия Опискин здесь превратилась в ругательство.

Алекс проговорил:

– Что ты знаешь об Опискине, папаша? Сейчас о нем много не говорят, сечешь? Утверждают, что он перешел на сторону врага.

– Какого врага? – не понял Пол. – И что вообще вы тут знаете об Опискине? – воскликнул он. – Разве у вас имеется возможность что-то знать? Вам милостиво позволяют знать то, что необходимо государству. Ваши источники информации безобразно загрязнены, а сами вы – медведи в намордниках, – зачем-то добавил он и задумался. При чем тут медведь? Кто-то там танцевал с медведем? Он озадаченно уставился на Пьера, то бишь Петрушку. А тем временем окружавшая Пола молодежь волновалась и шумела. Что ж, он сам спровоцировал такую реакцию. А потом он вспомнил: – Толстой, – довольно сообщил он, – «Война и мир». – Увидев по-детски изумленные глаза Петрушки, он повторил то же самое по-русски.

– А что касается «Преступления и наказания», – вмешался Федор, – преступлением было написать это произведение, а наказанием стало его читать. – Он высказался и замолчал, но теперь настала очередь Пола удивляться. Он и предположить не мог, что Федор знает английский.

Алекс в это время был занят переводом высказываний Сергея по поводу декадентства.

– Что такое декадентство на Западе? Сечешь, папаша? Это когда все знают то, что им необходимо знать. Но тем не менее у себя на Западе вы еще не запустили космический корабль с человеком на орбиту. О чем это говорит?

– Понятия не имею, – в отчаянии простонал Пол, – но не надо рассказывать мне о декадентстве на Западе. Мы еще живы и очень неплохо себя чувствуем. Я имею в виду, в Европе. В Великобритании. Что же касается Америки, там все очень похоже на Россию. Вы совершенно одинаковы. Америка и Россия составили бы прекрасную пару в браке. – Закончив мысль, Пол неожиданно испугался, но его, казалось, никто не слушал. Хрипела пластинка. Анна что-то шептала на ухо Алексу. Заметив это, Пол покраснел и снова выкрикнул: – Не надо мне заливать о западном декадентстве. – В памяти всплыл какой-то странный образ, это было что-то

связанное с открытым окном, бутылкой рома и головокружением. Он вздохнул и обратился к Пьеру: – А тебе слабо стать на подоконник и выпить залпом целую бутылку рома? – Пьер не понял ни слова, но покачал головой. Наверное, на всякий случай. – То-то и оно! – воодушевился Пол. – Если вы ищете декадентство, то оно здесь. Такое можно было сделать в «Войне и мире», а сейчас уже нельзя.

– Папаша, успокойся, – снова заговорил Алекс, – нам не нужны неприятности, сечешь? Мы хотим спокойно жить и слушать джаз.

– К тому же и рома больше нет, – вздохнул Пол, – так что извините. – Он церемонно поклонился Пьеру и получил в ответ не менее церемонный поклон. – Нет рома, значит, ничего нельзя сделать.

– Дядя Павел, – добродушно сказал Борис, – замолчи. Мешаешь слушать музыку. – Как раз звучала «Горячая пятерка» Джонни Сент-Сира.

– Я не буду молчать, – возмутился Пол. – Имею такое же права голоса, как и все остальные. У меня даже больше прав, поскольку я здесь старше всех. Конечно, рома нет. Зато есть водка. Это можно сделать и с водкой.

– Послушай, папаша, – вмешался Алекс, – Толстой жил очень давно. С тех пор многое изменилось. Мы теперь стали более цивилизованными.

– И меньше декадентами, – сказал Пол.

– Как угодно, папаша, – отмахнулся Алекс. Он прижал к себе Анну и сделал внушительный глоток коньяка. Анна улыбнулась. Джонни Сент-Сир сыграл коду, музыка смолкла, и пластинка громко зашипела. Ее следовало перевернуть.

Сергей что-то сказал по-русски. Алекс покачал головой и ответил: «Нет». После чего все дружно посмотрели на Пола.

– Вы о чем? – поинтересовался он.

– Не важно, – сказал Алекс. – Главное, тебе надо усвоить, папаша, что ничего у тебя не выйдет. В этой квартире не будет войны и мира.

– Может быть, объяснишь?

– Видишь ли, папаша, нам нужен мир, а не война, сечешь? Потому что, если ты свалишься, начнется самая настоящая война. Джекки Кеннеди дунул в свисток, и упала бомба. – Алекс картинно простер левую руку в сторону и издал несколько утробных звуков, которые должны были означать рушащуюся цивилизацию. – Международный скандал, вот как это будет называться.

– Ерунда, – возразил Пол. Головная боль немного утихла, и он воспрянул духом. – Я скажу вам, что решил сделать. Я бесплатно дам дрилоновое платье тому, у кого хватит решительности сесть на подоконник, свесив ноги за окно, и выпить залпом бутылку водки. Понятно? Переведи. –

Но Алекс только покачал головой и не проронил ни слова. Пол решил повторить ту же самую фразу по-французски, обращаясь к Владимиру, но на середине запутался и не сумел добраться до конца. Его французский явно был не на высоте.

Пьер, он же Петрушка, заулыбался, взял Пола за руку и рывком поставил на ноги. Раздалось несколько одобрительных возгласов. Алекс, все это время сидевший на полу, громко запротестовал:

– Я этого не допущу, неужели непонятно? – Он сделал попытку встать, но Борис и Федор его не пустили. Для верности они его уложили на пол, один бесцеремонно сел на ноги, другой навалился на грудь. Оба молодца худобой не страдал, и Алекс, придавленный изрядной тяжестью, беспомощно лежал на полу и злобно ругался. Анна разыскала полную на три четверти бутылку водки и, хихикая, протянула ее Полу. Тот напыщенно изрек:

– Отлично! Мы, старики, вполне способны доказать вам, зеленым юнцам, что у нас еще есть порох в пороховницах.

Окно было достаточно большим. Так было специально задумано государственными строителями, но не для того, чтобы в квартире стало светлее, а чтобы сэкономить дефицитные кирпичи. Пол сдвинул вверх раму и осторожно выглянул на улицу. Он припомнил, что в «Войне и мире» дело происходило на третьем этаже. Здесь было намного выше. За окном мирно дремала теплая летняя ночь. Скоро должен был наступить рассвет. Черные силуэты зданий, бесформенные тени, тусклые огни. Почувствовав легкую дурноту, Пол отошел подальше. Нет, черт возьми, этого он сделать не сможет. В конце концов, он уже далеко не юноша, нельзя требовать так многого от мужчины средних лет.

Надежно придавленный Алекс подал голос:

– Не надо, не делай этого, папаша.

– Ладно, в конце концов... – забормотал Пол, лихорадочно соображая, как бы без особых потерь выйти из неловкого положения. Ну тут его взгляд упал на Анну. Ее тонкие губы растянулись в коварной усмешке. Она встряхнула бутылку, затем медленно взяла ее за горлышко, перевернула и, не сводя глаз с Пола, сделала движение, которое должно было имитировать совокupление. – Ты своего добилаcь, сука, – сказал Пол. – Дай мне эту чертову бутылку.

Все происходящее ему не нравилось. Ему совершенно не хотелось лезть на подоконник, который был слишком уж узким, гладким и покатым, тем более что рама до конца не поднималась и приходилось очень низко пригибать голову. На ум пришло сравнение с приговоренным к казни

узником, на которого вот-вот обрушится безжалостная гильотина. Пол крепко держался руками за подоконник, стараясь утroitся понадежнее. Где-то позади, уже без всякой надежды в голосе, Алекс продолжал бубнить одно и то же:

– Прекратите, немедленно прекратите. Я здесь хозяин, и я требую...

Пол свесил ноги вниз и так плотно прижал их к стене, что почувствовал трещину в кирпичной кладке. Ему услужливо протянули заранее откупоренную бутылку. Пьер икнул и убрал руки. Больше никто не поддерживал Пола. Ему никогда еще не было так страшно. Теперь он мог надеяться только на себя. Он поднял бутылку, но его голова была плотно прижата к нижнему краю рамы. Он не имел возможности запрокинуть голову, чтобы сделать глоток.

– Я не могу! – закричал Пол по-русски. – Это невозможно сделать.

Он попытался влезть обратно в комнату, для чего первым делом вернул в помещение свою левую ногу. Добровольные помощники тут же схватили ее и теперь держали достаточно надежно, а Пол скорчился на узком подоконнике, пригнув голову почти к коленям, размахивая руками и прислушиваясь к бульканью водки в бутылке. Он отчаянно пытался перекинуть в комнату и вторую ногу, но никак не мог. В ужасно неудобной позе он балансировал на узком подоконнике, готовый в любой момент выпасть в темноту. Он уже слышал голоса ангелов, приветствовавших его в раю. В то время как его земной хозяин кричал со слезами в голосе:

– Боже мой, папаша, что же ты наделал.

Но даже охваченный первобытным ужасом, Пол не мог не думать о водке, которая тонкой струйкой лилась из бутылки в ночную тьму. Изогнувшись, он поднес горлышко ко рту и принялся судорожно глотать. В конце концов, какая разница, в каком обличье к тебе явится смерть? Теперь его удерживали на этом свете только вцепившиеся в левую лодыжку руки любителей джаза. Но вот сделан последний глоток, и бутылка опустела. Пол демонстративно опрокинул ее, чтобы наглядно продемонстрировать ее пустоту. Одобрительные крики из комнаты стали громче. Он эффектным движением отправил бутылку в темную пустоту. Через несколько секунд снизу раздался мелодичный звон. А Пола наконец втащили в безопасность комнаты, где его окружили восторженные почитатели. Вздволнованным и ободряющим возгласам, объятиям и поцелуям, казалось, не будет конца. Даже Алекс был вынужден признать:

– Что ж, папаша, если ты представляешь Запад, там нет декадентства, усек?

Пол сам был потрясен собственной отвагой. А проигрыватель все еще

продолжал играть, правда теперь его кто-то включил не на ту скорость. Издаваемые пластинкой звуки ассоциировались с выполненной в готическом стиле картиной рая, по которому снуют крылатые фигуры архангелов. Пол с чувством продекламировал отрывок из пьесы Шекспира, улыбнулся, услышав аплодисменты, важно поклонился и заявил:

– А теперь, друзья, предлагаю всем обнажить наши тела.

Глава 4

– Просыпайся, просыпайся и выметайся отсюда!

Разве могут обычные веки (они же такие маленькие и непрочные!) защитить глаза от надвигающегося света вселенной? Пол, или кто он там был, чуть-чуть приоткрыл глаза и немедленно убедился в неподъемной тяжести век. Затем он слабо шевельнулся и глухо застонал от жуткой боли во всем теле. Поневоле вспомнился Боб Дэринг, герой знаменитого комикса, который печатался в «Журнале для мальчиков» еще в тридцатых годах. Он вышел из космического корабля в открытый космос, чтобы ликвидировать какую-то неисправность, и, охваченный любопытством, на секунду снял защитные очки, чтобы взглянуть на космическую тьму. И тут же ощутил, каким бывает гнев Господень. Пол никогда не думал, что свет может быть столь злобным и мстительным. Он снова плотно закрыл глаза и издал нечленораздельный звук.

– Немедленно вставай с пола, папаша! Хотя я больше не должен так к тебе обращаться. Я имею полное право называть тебя мерзкой пьянью и грязным ублюдком. Но не делаю этого. Потому что я сдержанный и терпеливый человек. Цени это. Я хочу только одного: чтобы ты встал и убрался отсюда. Это конец, понимаешь? Конец!

Пол знал, что это. Он вытянул вперед дрожащую руку и ощупал себя. В пределах досягаемости, конечно. У него рак мозга, протянувший свои терзающие клешни и в лобную часть, и в височные, не забыл и про затылок. Он лежал на полу, полностью одетый, не хватало только пиджака и зубного протеза. Пиджак в настоящее время изображал из себя подушку, а непонятная твердость под левым ухом – не что иное, как темные очки, которые он всегда носил в нагрудном кармане. Лето было теплым и солнечным, поэтому очки должны быть наготове в любой момент. Пол с колоссальным трудом извлек их из кармана, а затем потратил несколько долгих минут, чтобы водрузить их на нос. Только затем он приподнял грозящую развалиться на мельчайшие осколки голову и обратил мутный взор в сторону Алекса.

Тот даже отшатнулся, настолько его переполняло отвращение. Сердце Пола билось так громко и часто, что этот звук, по его убеждению, должны были слышать даже соседи по дому. А где-то рядом затаился огромный дракон. Должно быть, кто-то держал его вместо собаки. Он ритмично поднимал свой ужасающий хвост и со стуком опускал его на пол, вздымая

столб пыли. Пол кашлял и задыхался в этой пыли, но ничего не мог изменить. Его рот представлял из себя сточную канаву, наполненную зловонными отбросами. Мусорная куча, зовущаяся Адом, что за пределами Иерусалима.

Словно одержимый навязчивой идеей чужак, пытающийся на спиритическом сеансе передать послание в потусторонний мир, Пол монотонно твердил одно и то же слово:

– Пить, пить, пить, пить, – но так и не был услышан.

– Я стукнул тебя пару раз – и Анна тоже, – сообщил Алекс, – до того, как ушли на работу. Представь себе, мы пинали тебя ногами, жирное, пьяное, грязное животное. Но ты даже не пошевелился! Ты валялся на полу и храпел. А знаешь, который сейчас час? Ты хотя бы примерно представляешь, сколько времени ты провалялся здесь в собственной блевотине? Ну, так я скажу тебе. Уже три часа. Я с работы вернулся, сечешь?

– Пить! – взмолился Пол. – Пить! Пить! – Прищурившись, он увидел, как из тумана постепенно выплывает маленький столик у плиты, на котором громоздились немытые стаканы. Застонав, он пополз к стаканам, справедливо полагая, что в них могла случайно остаться хоть какая-нибудь жидкость.

– Вот так, – прокомментировал его способ передвижения Алекс, – на четвереньках, ни дать ни взять грязное животное. Ну что же ты, ползи дальше! – Откровенная насмешка не достигла сознания Пола. Боль, казалось, жила в каждой клеточке его измученного тела. Он подполз к столу, осмотрел затуманенным взором гору немытой посуды, отыскал стакан, который был наполовину чем-то наполнен, и поднес его к лицу. Запахло чем-то тошнотворным. Но Пол одним глотком проглотил содержимое. Еще будучи маленьким мальчиком, он всегда без споров принимал горькое лекарство. Затем он привалился к своему жесткому креслу, с которым уже успел сродниться, и забормотал:

– Господи! Господи! Господи! Что же это такое?

– Да, папаша, теперь тебе остается только молиться своему буржуазному Господу.

– Время? Который час?

– Я же тебе только что сказал: уже три часа. А теперь, будь любезен, выметайся отсюда. – Алекс нетерпеливо приплясывал вокруг. Пол с трудом сфокусировал взгляд и увидел, что три его чемодана – четвертый был у Белинды – уже приготовлены и лежат на неубранной кровати. Он чувствовал себя ужасно. Сердце бешено колотилось, словно намеревалось

продолбить в грудной клетке дырку и выскочить наружу.

– Госпиталь, – пробормотал Пол, но не смог подняться. В нагрудном кармане его спортивной рубашки обнаружился потерянный протез. Пол засунул его в рот и тут же почувствовал сильную боль: нижняя десна, похоже, представляла собой открытую рану. – Моя жена, – простонал он.

– Это тебя нужно отправить в больницу, – мстительно проговорил Алекс, – чтобы ты там подох на операционном столе, грязный ублюдок.

– Пожалуйста, – с трудом выговорил Пол, – умоляю, помощи. Я болей. Мне плохо. Прояви милосердие. – Он говорил тоном умирающего, вымаливающего последнюю милость.

Мало-помалу к Полу начала возвращаться способность соображать. Неожиданно он понял, что ему может помочь. Ему необходим уксус. И губка, чтобы обтереться. Припомнив, что в буфете он когда-то видел уксус, Пол героически двинулся в нужном направлении.

Алекс раздраженно поинтересовался:

– Что тебе там нужно?

Услышав ответ, Алекс сплюнул и полез в буфет. Он долго перебирал пакеты и байки, но в конце концов извлек большую черную бутылку с этикеткой «Уксус».

– Вот, держи, – сказал он и протянул бутылку Полу. – Я вижу, тебе полегчало, значит, я могу сказать все, что о тебе думаю, грязный англичанин.

Пол отхлебнул из бутылки и застонал. Уксус обжег огнем пищевод и желудок, от боли перехватило дыхание. Он потащился обратно к креслу, делая попытки отдышаться. Затем он проговорил:

– Скажи мне, что случилось? Что я такого сделал? – Память возвращалась к нему, правда очень медленно, а с нею и способность к членораздельной речи. – Окно! – вспомнил он. – Боже мой! Я мог умереть!

– Лучше бы ты и в самом деле умер, – сообщил Алекс, усевшись на край стола и презрительно поглядывая сверху вниз на совершенно несчастного Пола. – Водка тут ни при чем, хотя набрался ты сверх всякой меры. Все дело в твоих извращенных сексуальных забавах. Я же теперь никогда не смогу посмотреть друзьям в глаза! И все из-за тебя и твоего декадентского секса!

– Но я же ничего не помню!

– Для Запада все это вполне нормально, так сказали мои друзья. Там у вас так принято – напиваться, а затем предаваться разврату. Поэтому ваш человек до сих пор не полетел в космос.

– Пожалуйста, расскажи мне, что произошло.

– Мне неловко даже говорить об этом. А Анна вообще была в шоке.

– Анна? – взбодрился Пол. – Что она тебе наплела? Имей в виду, она виновата не меньше, чем я. Она тоже этого хотела. В таких делах всегда виновны двое. Иначе и быть не может.

Алекс остолбенел. Несколько секунд он стоял неподвижно, не веря своим ушам. В конце концов он процедил сквозь зубы:

– Наверное, мне следовало убить тебя. Взять стальную плетку и превратить твоё грязное тело в кровавую кашу. Так, значит, ты и к ней подбирался, похотливая скотина. А она старалась избежать неприятностей, поэтому промолчала. Бедная девочка. Ты же не знаешь, сколько она натерпелась от своего первого мужа. Но, – тут он презрительно усмехнулся, его ноздри затрепетали от возбуждения, – у тебя ничего не вышло. А если ты скажешь, что между вами что-то было, значит, ты лжешь.

– Ничего не было, – подтвердил Пол. – Я не смог. И я действительно лгун. Я все время вру. И вообще, не знаю, что говорю. Я никогда не пытался ничего с ней сделать.

– Разумеется, – злорадно подтвердил Алекс, – теперь я в этом не сомневаюсь. Тебе больше по вкусу секс с мужчинами, грязная тварь.

– Скажи, что именно... – Пол чувствовал, что его бедная голова вот-вот взорвется, а глаза вылезут из орбит. – Я к кому-то приставал?

– О да, – подтвердил Алекс. – Ты показал себя во всей красе. Когда человек пьян, он не в состоянии скрывать свои истинные чувства и на свет появляется его истинное лицо. Сначала ты бегал по комнате за Владимиром, потом переключился на Пьера. Но у тебя ничего с ними не получилось, потому что они, в отличие от тебя, вовсе не декаденты, уловил?

– О Боже, – вздохнул Пол. – Что я еще натворил?

– Затем ты приклеился к Павлу, а когда он тебя отшил, начал подступать ко мне. Но заработал только несколько неслабых ударов в живот.

Вот, значит, почему у него болят все внутренности, решил Пол, зря он грешил на диспепсию. По правде говоря, у него болел не только живот, но Пол решил на всякий случай не выяснять, что еще произошло.

– А затем, – сказал Алекс, – ты заявил, что собираешься поиметь Опискина.

– Так он же умер!

– Жив он или мертв, тебя совершенно не интересовало, – продолжал негодовать Алекс. – А теперь я хочу только одного: чтобы ты убрался из моего дома, причем побыстрее. Из-за тебя я теперь не могу смотреть в

глаза своим друзьям. Я же рассказывал им, что ты – отличный парень, хотя и капиталист.

– При чем тут капитализм?

– Ты же приехал сюда, чтобы продать все эти буржуазные шмотки, но ты даже этого сделать не можешь. Слишком уж ты сексуально озабочен. А чтобы продать вещи, надо как следует поработать! Кстати, вчера ты хвастался, что в Англии у тебя свой собственный антикварный магазин, полный серебра и драгоценностей.

– Ну, не все же поняли, что я говорю.

– Кстати, ночью ты отлично говорил по-русски. Когда бегал за моими гостями и пытался сорвать с них одежду. Поэтому я настаиваю, чтобы ты немедленно выкатился из моего дома. Ты – грязный извращенец и не умеешь себя вести.

– Это я не умею себя вести? – возмутился Пол. Он предпринял попытку гордо встать, но потерпел неудачу. Тело напрочь отказывалось повиноваться. Он тяжело рухнул в кресло и жалобно заныл: – Ты не можешь выбросить меня на улицу. Я болен. К тому же, – язвительно добавил он, – у меня нет денег. Я отдал тебе мои тридцать рублей, а ты истратил их на водку.

– Которую ты сам же и выпил, папаша, хотя, конечно, я не должен так к тебе обращаться. Мой отец был достойным человеком.

– А ты не выполнил свое обещание, – продолжал канючить Пол, – ты говорил, что познакомишь меня с людьми, которые купят мои дрилоновые платья. Ты всегда обещаешь с три короба, но ничего не выполняешь. Ты не достоин доверия.

– Как же ты предсказуем, папаша, – вздохнул Алекс. – Я ждал от тебя именно этих слов. Что ж, время покажет, кто из нас чего стоит. Лично я считаю, что ты опозорил нас всех, потому что вел себя как декадентская свинья. У тебя другое мнение по этому вопросу. Но в любом случае, я сдержал свое обещание. – С этими словами Алекс принялся рыться в многочисленных карманах. Он извлек на свет целую кучу всяческого бумажного мусора, но никак не мог найти то, что искал. – Сегодня утром у меня не было работы, – объяснил он, – я должен был сопровождать по Эрмитажу группу англичан, но они не приехали. И это получилось очень кстати, потому что я все равно не смог бы с ними работать, а только обозвал бы их всех декадентскими ублюдками.

– Тебе действительно повезло, – усмехнулся Пол, – поскольку ты и сам неважно себя чувствуешь.

Укус сделал свое дело, и к Полу почти полностью вернулось зрение.

Теперь он видел, что Алекс выглядит измученным, у него сильно воспалены глаза и дрожат руки.

– Вот же она! – обрадованно воскликнул Алекс и извлек из заднего кармана обрывок бумаги, очень похоже, что туалетной. – Человека зовут С.С. Николаев. И пожалуйста, не воображай, что я все это сделал, чтобы тебе помочь. Просто мне очень нужны деньги. Ради этого я и старался.

– Какие еще деньги?

– Мой процент. За посредничество. Уловил, папаша?

– Интересно, как ты собираешься их с меня получить, если хочешь вышвырнуть меня на улицу?

– Не беспокойся. Я получу их с Николаева. Тебя я не побеспокою. Он удержит эту сумму с тебя и отдаст деньги мне.

– А сколько он заплатит?

– Это уж ты с ним обговори сам. Знаешь, где находится Дом книги?

– Да. На Невском проспекте.

– Так вот. Он велел тебе прийти туда к пяти часам и принести с собой товар. Вы встретитесь у магазина. Сегодня вечером. Слышишь? Сегодня. Уже почти вечер, а ты так бы и дрых, если бы я не пришел и не растолкал тебя. Мы договорились, что ты придешь в пять часов.

– Но это же безумие! В центре города, на людном месте. Там по вечерам собирается весь Ленинград!

– Он сказал то же самое. Но это уже не моя проблема. Возможно, там вы только встретитесь, а потом отправитесь еще куда-нибудь, где сможете пообщаться наедине.

– Мне это все не нравится, – сказал Пол, – а почему он не может прийти сюда? Это ни у кого не вызвало бы никаких подозрений.

– У вас с ним свои дела. И решайте их между собой. Где хотите. Но только не здесь. В моей квартире не будет никакой нелегалщины.

– Какой, однако, ты законопослушный! – усмехнулся Пол. – И давно ты таким стал? Государство, должно быть, не нарадуется, глядя на тебя.

– Твоя заслуга, – огрызнулся Алекс. – Благодаря тебе я воочию увидел, что такое декадент с Запада. Олицетворение разврата и похоти. – В его голосе снова зазвучала ярость. – А теперь, будь добр, умойся, побрейся и приведи себя в человеческий вид. Я хочу, чтобы твоего духу здесь не было, когда Анна вернется домой. Вряд ли ей будет приятно снова видеть твою мерзкую рожу.

– Но я же болен, – завопил Пол, – не смогу донести этот багаж до метро!

– Я тебе помогу, – улыбнулся Алекс. – Господи, неужели я скоро от

тебя избавлюсь!

Глава 5

В Ленинграде люди не только читали книги. Они их еще и покупали. В книжном магазине, расположенном на первом этаже Дома книги, на полках стояли толстые тома в темных переплетах. «Наверное, – с уважением подумал Пол, – это труды по аэродинамике, лесонасаждению и агротехнике...»

А покупателями были угрюмые рабочие, внешне ничем не отличающиеся от рабочего класса Великобритании, правда в девятнадцатом веке. Временами встречались сухопарые старики, одетые, несмотря на жаркий летний вечер, в застегнутые на все пуговицы пальто. Они напоминали удалившихся на покой бывших священнослужителей.

Пол поставил оба чемодана с опасным грузом друг на друга (третий, с личными вещами, он оставил в метро) и уселся на эту весьма своеобразную табуретку. Он чувствовал себя отвратительно, а на улице сесть было некуда. К тому же было еще только без десяти минут пять. Пол считал, что этот неведомый Николаев не придет раньше назначенного времени.

В витрине одного из магазинов, мимо которых он брел к месту встречи, Пол заметил маленькое зеркальце, а в нем он с большим неудовольствием увидел себя – небритого, с синяком под глазом и большой красной царапиной на щеке. Последствия вечеринки. Алекс ничего не понял! Пол, в свою очередь, не мог понять Алекса. Он говорил о деньгах. Рассчитывал на комиссионные за посредничество. И, несмотря на это, купил Полу билет, усадил его на поезд, покачал головой и ушел, ни разу не оглянувшись. Полу показалось, что в его глазах напоследок мелькнуло сожаление, хотя это могло быть и презрение.

Пол считал, что место встречи выбрано неправильно. Никто не совершает противозаконные сделки в людской толпе. Этот человек, Николаев, наверняка захочет осмотреть и пересчитать товар, и только потом, посплюнявив палец, отсчитает Полу столь необходимые ему купюры. Но возможно, Алекс прав, предполагая, что здесь произойдет только встреча и первое знакомство. А непосредственно для сделки у Николаева намечено более уединенное место. К примеру, можно пойти в Казанский собор. Или в распоряжении Николаева имеются свободные помещения в Доме книги, который был воистину огромен. Но об этом можно было только гадать. А пока Полу ничего не оставалось делать, только сидеть и

наблюдать за дверью в магазин. Там должен появиться коротышка в кепке (это были единственные приметы Николаева, которые сообщил Алекс). Еще он поглядывал на витрину, где были выставлены книги на иностранных языках, и развлекался тем, что выискивал английские названия на обложках и читал их. «Хижина дяди Тома», «Трое в лодке, не считая собаки» (пусть это читает Белинда. Сегодня он даже не пошел в госпиталь. Но обязательно позвонит, как только устроится в гостиницу. Ему совершенно необходим хороший отдых, тарелка обжигającego борща и не менее горячего бефстроганова. Все остальное, в том числе и Белинда, подождет до завтра). «Оливер Твист», «Улица ангела», «Мартин Идеи», полное собрание сочинений А.Дж. Крониа.

Пол с интересом наблюдал, как люди выстраивались в очереди у прилавков и терпеливо ждали. Совсем как англичане, зашедшие в книжный магазин за модными бестселлерами – «Новой английской Библией» и «Любовником леди Чаттерлей».

Запад жаждал секса, а Россия – прогресса.

Перед входом в магазин остановился человек в кепке. Он оглянулся по сторонам и лихо закинул в рот папиросу с изуродованным мундштуком. Ему потребовалось пять ужасных русских спичек, чтобы прикурить. Пол наблюдал за ним краем глаза. Человек был маленького роста, почти без шеи, в кепке. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу, словно ему было холодно, курил и рассеянно глядел по сторонам. Это вполне мог быть Николаев. Сейчас, когда наступил решительный момент, Полу стало страшно. Он никак не мог заставить себя подняться со своей не особенно удобной скамейки и сделать шаг навстречу судьбе. Дождавшись, когда человек в кепке докурит папиросу и отшвырнет смятый бычок в сторону, Пол через силу встал, взял в руки чемоданы и поплелся к нему.

Они молча взглянули друг на друга, потом Николаев негромко спросил:

– Мистер Гасси?

– Вы говорите по-английски! – обрадовался Пол. Он поставил тяжелые чемоданы и улыбнулся. В конце концов, идея встретиться именно здесь, в людном месте, была не так уж плоха. Вокруг сновали люди, все было спокойно.

– Почти не говорю, – грустно признался Николаев. – Так... немножко. Давайте решим вопрос быстро. Сколько вы хотите?

– Вам же наверняка необходимо узнать, какие... – удивился Пол. – Я хочу сказать, вы же даже не видели...

– Я все знаю, – перебил Николаев, – как и Мизинчиков, пятнадцать

рублей за штуку, так? Сколько платьев?

– Давайте прикинем... – начал Пол, – девятнадцать дюжин по пятнадцать рублей каждое... – Конечно, ему следовало подсчитать все заранее, как же он не догадался! – Давайте посчитаем как за двадцать, а потом вычтем. Так, у нас получается...

Но Николаев проявлял нетерпение. Он вытащил из кармана пухлый конверт и показал Полу.

– Здесь, – сказал он и задумался, молча шевеля губами, – три тысячи... три тысячи... – Он по-русски выругался, не чувствуя возможности справиться с такими сложными английскими числительными.

Это определенно были деньги! Больше тысячи фунтов! Пол жадно потянулся к конверту, но его рука замерла на полпути.

– Пойдите, откуда вам известно про Мизинчикова? Как вы узнали, что я... – И тут он увидел на противоположной стороне улицы, как раз напротив Казанского собора, припаркованный «ЗИС», а рядом с ним – своих старых друзей, Карамзина и Зверькова. – Вот оно что, – догадался Пол, – значит, все это – обыкновенная подстава. Меня предали!

– Берите скорее. – Николаев попытался насильно вложить в руку Пола толстый конверт. Карамзин и Зверьков уже переходили улицу. Пол отшатнулся и бестолково заметался возле своих чемоданов. Затем он обрел способность соображать, наклонился и открыл один из чемоданов, выставив на всеобщее обозрение яркие, нарядные платья – золотистые, фиолетовые, оранжевые. Он схватил несколько штук и швырнул в руки немолодой паре, стоящей на пороге Дома книги.

– Не волнуйтесь, – пробормотал он, – это подарок.

Только осторожная чета, похоже, не спешила с изъявлениями благодарности. Даже наоборот. Они держали неожиданно свалившиеся на них цветастые тряпки в вытянутых руках, словно опасаясь заразиться неведомой инфекцией. Зато тут же к чемодану подошли две молоденькие девушки в унылых летних костюмчиках и завороченно уставились на заморские диковины.

– Сколько? – хором спросили они.

– Это подарок, – повторил Пол и вручил каждой по цветастой обновке.

Они поверили не сразу. Очевидно, люди, воспитанные на земле Бабы-яги и спутников, не были приучены к бескорыстным дарам.

– Это правда, – повторил Пол, – берите.

Девочки поблагодарили нежданного благодетеля и, оживленно болтая, удалились в сторону канала. Когда Пол в очередной раз наклонился к чемодану за следующим платьем, Николаев снова попытался засунуть ему

в карман деньги. Но Пол оказался шустрее. Он оттолкнул руку с конвертом и одновременно изо всех сил ударил приставучего нахала по ноге, которой он прижимал крышку пока еще не открытого чемодана. А вокруг собиралась толпа. Николаева оттеснили в сторону. Пронесся слух, что какой-то сумасшедший, но очень добрый иностранец раздает бесплатно всем желающим красивые вещи. Не обошлось и без казусов. Видимо, эти люди были так воспитаны, что не воспринимали подарки. Они могли или купить вещь, или украсть, но считали неправильным принять ее в дар. Пол принялся громогласно вещать:

– Я дарю русским людям... – Сообразив, что ему следует говорить по-русски, Пол на минуту задумался, стараясь выстроить правильную фразу. Правда, он очень быстро отказался от этого намерения, отчаявшись пробиться сквозь дебри непостижимой для нормального англичанина русской грамматики, и решил, что в данной ситуации можно запросто послать грамматику ко всем чертям. – От имени британских товарищей... – снова торжественно начал он, плюнул и зычно гаркнул: – Английский народ дает! – С этими словами он принялся бросать в недоумевающую толпу буржуазные тряпки.

Николаев с его пухлым конвертом был уже далеко. Он выкрикивал гневные ругательства, но пробиться сквозь окружившую Пола толпу не мог. Рядом остановились два трамвая. Карамзин и Зверьков все еще переходили улицу.

– Подарки! Подарки! – истошно вопил Пол. – От британского народа жителям Ленинграда!

Перед ним мелькали лица людей, удивленные, радостные, счастливые, совсем как у маленьких детей, только что получивших от родителей в подарок восхитительный воздушный шарик. А Пол продолжал разбрасывать вокруг платья. Вскоре головы, плечи и руки сбившихся в плотную толпу людей покрылись розовыми, горчичными, желтыми, терракотовыми пятнами. Маленькая женщина, неведомо как прорвавшаяся к Полу, дернула его за рукав и, умоляюще заглянув ему в глаза, сказала:

– Моя дочь выходит замуж. Завтра свадьба.

Пол радостно осклабился и вручил ей кипу лиловых, синих, серебристых тряпок. Затем он бросил еще одну охапку золотистых, оранжевых, изумрудно-зеленых и небесно-голубых платьев в толпу. Среди них было одно, сверкающее девственной белизной. Все происходящее напоминало красивый религиозный обряд.

В этот момент Пол испытал сильнейший оргазм. Такого ему не приходилось ощущать никогда в жизни. Он понял, что теперь уже не

просто спасает свою шкуру, а упивается наслаждением от содеянного. Это же стыдно! Но, взглядевшись в темные славянские глаза, в которых отражались яркие краски, в восторженно приоткрытые губы, он неожиданно для самого себя подумал: «Почему мы не делаем это чаще?» Это было в какой-то очень старой песне. Полу вдруг показалось очень важным припомнить остальные слова.

Именно этой проблемой были заняты его мысли, когда Зверьков и Карамзин сумели протиснуться сквозь толпу и остановились прямо перед Полом. В первый момент он их не узнал.

– Мне очень жаль, – сказал он по-русски. – Но больше ничего нет. – Потом ему все-таки удалось понять, что эти две физиономии чем-то выделяются из толпы, которая уже начала расходиться. Пол нахально улыбнулся и проговорил: – Ах, это вы, господа вероломные предатели. Бедный Алексей Прутков. Теперь ему не видать ожидаемого им процента как своих ушей.

Он покосился на опустевшие чемоданы, изрядно пострадавшие от общения с толпой, затем на явно чувствующего себя не в своей тарелке Николаева. Тот держал конверт с деньгами за уголок двумя пальцами, как держат за хвост дохлую крысу.

– А вы неплохо выглядите, – сказал Зверьков. Было видно, что он прилагает массу усилий, чтобы говорить спокойно, вежливо, словно ничего не произошло.

– Я не столь чист и аккуратен, как при нашей первой встрече, – признался Пол, – зато теперь я больше похож на настоящего пролетария.

– На преступника, – выпалил Карамзин. – Теперь вы выглядите точно так, как и должны. Это ваше истинное лицо.

Зверьков предостерегающе дернул товарища за рукав.

– А я ничего противозаконного не сделал, – довольно сообщил Пол. – Даже наоборот. Я провел благотворительную акцию. Думаю, что завтра должна появиться заметка в «Правде», конечно, если там останется место от вашего вездесущего Юрия. Я внес весомый вклад в развитие англо-советских отношений.

– Нам известно все о ваших намерениях, – сказал Зверьков, – за это вы и будете наказаны.

– Вы знаете не хуже, чем я, – улыбнулся Пол, – что не сможете это сделать. Все-таки закон – это одно, а религия – другое.

– У нас здесь нет религии, – мрачно сообщил Карамзин.

– Ладно, это мы обсудим позднее, – примирительно сказал Зверьков, – а пока вам придется ответить на множество наших вопросов. Во-первых,

где ваш паспорт? Предъявите его, пожалуйста.

– Он остался в пиджаке, – ответил Пол, – который лежит в моем чемодане, который я оставил в метро. У кассира. Очень симпатичный человек.

– Ну вот, – облегченно вздохнул Зверьков, позволив себе продемонстрировать некоторое отдаленное подобие улыбки. – Что мы имеем? Иностранца, который разгуливает по городу без документов, удостоверяющих личность. Кроме того, нарушение общественного порядка в самом центре города, ну... и много чего еще. Материалов хватит. – Проходившие мимо люди замедляли шаг, некоторые даже останавливались, чтобы поближе рассмотреть весьма колоритную личность, которой был в данный момент Пол. Карамзин грубыми окриками отгонял любопытных. – В общем, поехали, – решил поторопиться Зверьков. – Машина там.

– Почему мы не делаем это чаще? – снова пробормотал Пол, шагая к «ЗИСу».

– А вот и наш «ЗИС», – гордо сказал Зверьков. – Покатаемся.

Когда машина тронулась с места, Пол обратился к Карамзину, сидевшему рядом с ним на заднем сиденье:

– Жаль, что я не отдал единственное белое платье той женщине, у которой дочь завтра выходит замуж. Может быть, она вступает в брак девственницей.

Карамзин ухмыльнулся и ткнул Пола в ребра.

– Все наши женщины... – торжественно начал он, но сразу же замолчал. Должно быть, и у патриотизма есть пределы.

Глава 6

Пол не мог справиться с жестким бутербродом, поскольку его протез снова угрожающе качался (кусочек спички, который он использовал, чтобы закрепить его, либо выпал, либо был съеден), а десна сильно болела. Поэтому он отвел душу» уничтожая аппетитные ломтики копченого лосося, кружки мягкой вареной колбасы и глотая стакан за стаканом крепкий теплый чай.

Зверьков глядел на оголодавшего капиталиста снисходительно, а Карамзин, казалось, был возмущен его ненасытностью. Все трое сидели за массивным, старомодным столом в маленькой уютной комнатушке. Тарелки с едой потеснили на самый край стола календарь, открытый на странице «июль», почему-то снабженной рождественскими иллюстрациями.

Стол принадлежал Зверькову. Все здесь свидетельствовало о строгости и аккуратности хозяина. Под стеклом лежали отпечатанные на машинке приказы, список сотрудников с указанием зарплаты каждого, поздравительная открытка. Стулья были весьма удобными. Стену украшали несколько картин с изображением советских тюрем, а также большая фотография футбольной команды с молодым Зверьковым на переднем плане.

– Должен признаться, – сказал Пол, – вы спасли мне жизнь. – Он поставил пустой стакан и с довольным вздохом откинулся на спинку стула. Зверьков улыбнулся и ответил:

– Вы все там на Западе неисправимые оптимисты. И уверенно смотрите в будущее.

– Вовсе нет, – заявил Пол, – во всяком случае, не в будущее. По крайней мере, не в Европе. Америка, конечно, отличается от нас. Но Америка – это несколько видоизмененная Россия. Вы даже не представляете, как приятно не иметь будущего. Это все равно что располагать абсолютно надежными средствами контрацепции.

– Или быть импотентом, – добавил Зверьков. Пол вспыхнул. – Что ж, теперь, надеюсь, вы сыты и готовы к беседе.

– Сигарету можно? – попросил Пол. – Только, пожалуйста, не папиросу, если не возражаете.

Карамзин как-то по-собачьи заворчал и вытащил из кармана сразу несколько полупустых пачек сигарет. Выбрав наименее измятую, он с

комичной грацией протянул ее Полу. На пачке был изображен жокей, а сигареты назывались «Дерби». Пол благодарно кивнул, прикурил от предусмотрительно зажженной Зверьковым спички и закашлялся.

– Вы нездоровы? – поинтересовался Зверьков. – Неважно выглядите.

– Может быть, – согласился Пол, – только мое пребывание в Ленинграде тут ни при чем. Мне здесь очень нравится. Должен признаться, я здесь приобрел бесценный опыт.

Карамзин скептически хмыкнул.

– Мы не сомневаемся, что вы – умный человек, – сказал Зверьков, затачивая в маленькой машинке карандаш. – Вы отлично знаете, чего мы хотим. И нет смысла терять время. Скажите то, что нам нужно знать, и мы забудем о ваших маленьких прегрешениях.

– А я ничего не знаю, – радостно сообщил Пол и выставил вперед руки, желая продемонстрировать, что в них ничего нет. – Мы все знаем только то, что пишут в газетах. А это, без сомнения, известно и вам. Вы знаете столько же, сколько мы. У вас тоже продается «Daily Worker», в этой газете все написано. Читайте на здоровье.

– Только не надо притворяться, – вздохнул Зверьков, – что вы не понимаете, о чем я говорю. Шпионаж, НАТО, подводные лодки в Холи-Лох – все это нам известно. Но наш отдел этим не занимается. Наши вопросы социальные, а не военные. Вы прибыли в Советский Союз с намерением продать двадцать дюжин платьев из синтетического волокна. Начнем с этого момента.

– Надо же, вам даже точно известна цифра, – улыбнулся Пол, – за это вам следует благодарить, насколько я понимаю, милягу Алекса. Этот парень вам часто помогает?

– Прутков – человек ненадежный, – отмахнулся Зверьков, – он появляется редко и приносит жалкие крохи информации. Ну и получает за это несколько рублей. Но ему известно немного. Итак, вернемся к нашим баранам. Вы привезли платья, чтобы продать. Это уже делали ранее, будут делать и потом. Но за этим стоит некая весьма серьезная организация. А вы – всего лишь крошечный винтик. Пешка, если перейти к шахматной терминологии. Уверяю вас, эту партию мы выиграем, – многозначительно пообещал Зверьков. – Так что не ошибитесь, делая ваши ставки. В шахматы мы всегда выигрываем. Но прежде чем выиграть партию, ее необходимо сыграть. Всегда имеются лазейки, уловки, жертвы... Знаете, у вас в Англии, в Гастингсе, регулярно проводятся шахматные турниры. Один год чемпионом был мой брат.

Прозрачные намеки Зверькова Пол понял без особого труда.

– У англичан не шахматный склад ума, – прорычал Карамзин.

– Я вполне могу раскрыть все карты, – сказал Зверьков. – Дело вовсе не в нескольких дюжинах синтетических платьев для наших глупых теток. Все намного серьезнее. Приведу пример.

Он выдвинул ящик стола и принялся в нем рыться. А Карамзин явно начал терять терпение. Он не сводил с Пола голодных глаз, словно всей душой стремился перейти от слов к делу, то бишь к пыткам.

– Вот, нашел, – сказал Зверьков и протянул Полу тоненькую брошюрку в невзрачной, мягкой обложке, на которой даже название отсутствовало. – Откройте ее, – приказал Зверьков, – и полистайте.

Пол так и сделал. Брошюра содержала около двадцати страниц откровенной порнографии. Это были различные вариации на тему Лаокоона, но только значительно более аморальные и без удава. У каждого мужчины на этих картинках была своя собственная «змея». В состоянии суперэрекции.

– Ну, – требовательно спросил Зверьков, – что вы об этом думаете?

– Слишком схематично, слишком много скульптуры, – задумчиво ответил Пол, перелистывая страницы, – хорошая порнография должна отличаться глубиной – полумрак, расплывающиеся тени и всякое такое... Кстати, в моем магазине есть несколько отличных образцов этого искусства. Я имею в виду эротические картины, встречающиеся в старинных книгах.

Карамзин живо вскочил на ноги и навис над Полом.

– Значит, вы признаете, что тайно ввозили в нашу страну эти книги?

Полу надоел этот идиот, и он проигнорировал его высказывание.

– Еще и ярлыки на этих фигурах – монах, священник, служка... думаю, вы вполне можете использовать эту книжонку в антирелигиозной пропаганде. – Пол захлопнул брошюру и вернул ее хозяину.

Зверьков забарабанил пальцами по столу и мрачно взглянул на Пола.

– Нас пытаются морально разложить, – заявил он, – думаю, я правильно подобрал слова.

Поэтому ваши синтетические платья сами по себе не значат ровным счетом ничего. Но они являются маленькой частью большого заговора против нашей страны, поэтому мы не можем пройти мимо. Ведь из маленьких песчинок складывается морской берег. Не забывайте, что есть еще и наркотики. Кокаин, опиум, морфин.

– Сюда везут опиум? – искренне удивился Пол. – Советским людям?

– Еще как везут! – проревел Карамзин. – Зашивают в одежду.

– В дрелоновых платьях ничего ие было, – засмеялся Пол, – там

некуда зашить. Это их самое большое удобство. Чтобы укоротить такое платье, достаточно взять ножницы и обрезать подол. И никаких подрубочных швов. – Он снова обернулся к Зверькову и решил продолжить разговор на заинтересовавшую его тему. – Я и не понял насчет морального разложения. Мне казалось, что это возможно только в обществе, подобном нашему.

Зверьков издал крик боли, словно раненое животное, и стукнул кулаком по столу. Стаканчик с ручками и карандашами, стоящий на столе, подпрыгнул и загремел содержимым.

– Значит, вы ничего не знаете о человеческой природе, – завопил он, потом взял себя в руки и, уже спокойнее, продолжил: – Это своего рода... – Он даже всплеснул руками, не в силах подобрать нужное слово.

– Первородный грех? – предположил Пол.

– Возможно... возможно... Вероятно, вы правы, – согласился он и перевел последние слова недоумевающему Карамзину.

Карамзин удовлетворенно закивал, и впервые за все время в его взгляде, обращенном на Пола, мелькнуло уважение. Правда, он быстро справился со своей слабостью.

– В конечном счете противоположности компенсируют друг друга, – мечтательно проговорил Пол, – по сути, и вы и мы движемся к одной и той же цели – созданию нового, безгрешного человека. Только разными путями. В обществе, где господствует свободное предпринимательство, рано или поздно начинается подсчет денег. Мы чувствуем, что неправильно, если пятнадцатилетний исполнитель популярных песенок за неделю зарабатывает больше, чем большинство из нас за год. Но в этом сущность свободной экономики. Поэтому рабочие и бастуют, ведь теперь тяжелой работой не прокормишь семью.

– У нас, – ответственно заявил Зверьков, – такое невозможно.

– Отнюдь, – сказал Пол, – обе системы в конце концов приходят к необходимости считать деньги.

Карамзину явно надоели непонятные разговоры, и он решил вмешаться.

– Хватит, – рявкнул он и с размаху опустил свой внушительный кулак на стол. Ручки в стакане снова жалобно брякнули. – Эта болтовня ни к чему не приведет. Он здесь сидит не для того, чтобы попусту трепаться, он должен нам сказать, кто стоит за всеми этими развратными книжонками, наркотиками и контрабандой.

– Мой товарищ прав, – вздохнул Зверьков, – мы просим вас сказать, кто послал вас, а еще раньше вашего друга развращать наших людей. Кто

отвечает за все? Больше нам от вас ничего не нужно.

Пол грустно усмехнулся и покачал головой.

– Я очень хочу вам помочь, – сказал он, – и признаю, что прибыл сюда с намерением продать дрилоновые платья вашим гражданам... гражданам. Я не видел в этом ничего дурного. Если у меня есть товар, а у людей имеются деньги, чтобы его купить... Значит, все в порядке?

– Вы готовы, – быстро спросил Зверьков, – подписать протокол, в котором это будет указано?

– О том, что я собирался это сделать? – удивился Пол. – Конечно нет. Нереализованные намерения – дело Господа нашего, а вовсе не людей. Вы – безбожники, не так ли? Вы предпочитаете верить, что существует некто всемогущий, ответственный за множество враждебных актов, направленных против вашей страны? Всемогущий, всезнающий, вездесущий. В свободном обществе на Бога не хватает времени. Мы оставляем Бога для Святой Руси. Один ваш Ленин...

В дверь постучали. Карамзин проревел: «Да!» В его голосе слышалась непоколебимая уверенность в собственной значимости и правоте, словно сам Господь Бог дал разрешение войти в комнату. На пороге возник прыщеватый молодой человек в высоких сапогах, судя по всему сделанных из картона. В руке он держал чемодан Пола, оставленный на хранение в метро.

– Итак, – многозначительно протянул Зверьков.

– Вы там не найдете ничего противозаконного, – пожал плечами Пол, – только мои личные вещи.

Карамзин приказал юнцу забрать грязную посуду и принести еще чаю. Тот подхватил поднос и исчез. Карамзин хищно оглядел чемодан Пола, достал оттуда пиджак и, порывшись по карманам, извлек паспорт и открыл его.

– Посмотрим, – сказал он, перелистывая страницы, – Италия, Франция, Западная Германия... И вы хотите, чтобы мы поверили, что туда вы тоже ездили только как турист? Посмотреть достопримечательности?

– Конечно, – улыбнулся Пол, – посудите сами, зачем пытаться развратить тех, кто уже давно развращен?

– А это что такое? – спросил Зверьков, с интересом рассматривая вложенный в паспорт листок плотной бумаги. Пол нахмурился, но так и не смог вспомнить, что он туда положил. – «Англорусс. Ужин в отеле «Европа». Приглашение на имя полковника Д.И. Ефимова». – Пол сразу же вспомнил бесполого доктора и старину Мэдокса. – А что, позвольте вас спросить, вы делали с приглашением, в котором полковника Ефимова

сердечно приглашают прибыть на званый ужин?

– Это долгая история, – вздохнул Пол, – но, уверяю вас, вполне безобидная.

– Я бы не стал это утверждать, – заявил бдительный Зверьков, – поскольку вы назвались именем полковника Ефимова. Теперь я все понял. Вы угостили нас прощальным ужином, сообщили, что покидаете Россию, а сами отправились в город под именем полковника Ефимова.

– Взгляните на меня! – воскликнул Пол. – Неужели меня можно принять за полковника Ефимова! Кстати, вы можете сказать, кто это такой?

– Полковник Ефимов, – сказал Карамзин и ткнул пальцем в Пола, – полковник Ефимов, – сдавленно повторил он.

Его живот начал содрогаться, как не желающий запускаться двигатель. Через некоторое время затряслась вся верхняя половина его немаленького туловища, затем к этому добавились тонкие всхлипывающие звуки. Карамзин зашелся в приступе истерического хохота.

– Полк-вник Еф... – все булькал Карамзин и продолжал указывать толстым пальцем в сторону Пола, – полковник Еф... – полностью выговорить фамилию он уже не мог.

Зверьков тоже заулыбался. Постепенно его улыбка становилась все шире и шире, и через несколько секунд его громкое «ха-ха-ха» добавилось к оглушительному «хе-хе-хе» его коллеги. Оказывается, тайная полиция может издавать ужасные звуки, если смеется.

– Кто такой этот Ефимов? – хмуро поинтересовался Пол.

В этот момент снова раздался стук в дверь. Карамзин и Зверьков не обратили на него никакого внимания. Стук повторился.

– Да заткнитесь вы оба! – закричал Пол.

– Ефи... – выдавил из себя Карамзин, ткнув пальцем в сторону Пола.

Больше он не сумел произнести ни слова. Способность к членораздельной речи окончательно покинула бедолагу. Дверь приоткрылась, и в комнату нерешительно заглянул тот же юнец в картонных сапогах. В руках он держал поднос. Почему-то это оказалось последней каплей для изнемогавшего от смеха Карамзина. У несчастного угрожающе вздулись вены на шее, которая, так же как и физиономия, стала багрово-красной, он кашлял, задыхался, из глаз ручьями лились слезы, но успокоиться не мог. В отличие от окончательно потерявшего над собой контроль коллеги Зверьков был более сдержан, но все равно смеялся очень громко.

Юноша с подносом направился к столу. Карамзин, продолжая корчиться в истерике, очевидно, неожиданно даже для самого себя, нанес

резкий удар ногой по краю подноса. Как только носок его начищенного до блеска ботинка пришел в соприкосновение с поверхностью подноса, наполненные чаем стаканы дружно поехали по наклонной плоскости. Стоящие с краю полетели на пол. Юный полицейский явно растерялся. Он остановился, тщетно пытаясь вернуть подносу равновесие и удержать на нем оставшиеся стаканы. Но Пол, сидевший ближе всех к месту аварии, оказался с ног до головы облит теплым чаем.

Он вскочил и попытался стряхнуть еще не успевшую впитаться влагу на Карамзина.

– Вы что тут, все с ума посходили? – завопил он. – Это же не детский сад! Вроде бы серьезное учреждение!

Испуганный юноша попятился к двери, пряча за спину поднос с оставшимися стаканами.

Зверьков громко смеялся, но тем не менее ситуацию контролировал.

– Принеси швабру, – скомандовал он молодому человеку.

На полу чай растекся лужицами, но стол почти не пострадал. Юноша кивнул и исчез за дверью.

– Хорошо, – сказал Зверьков, моментально став серьезным, – давайте забудем об этой маленькой неприятности. – Он сказал несколько резких слов по-русски Карамзину. Тот изо всех сил старался выполнить приказ старшего товарища: ожесточенно тряс головой, кусал губы, вытирал слезы грязным носовым платком, но успокоиться все-таки не мог.

– Вы не ответили на мой вопрос, – подал голос Пол. – Кто такой этот Ефимов?

– Начальник нашего отдела, – пояснил Зверьков и снова заулыбался. – Конечно, нам не стоило смеяться, это не совсем прилично, но у нас, русских, смех всегда в большом почете. Понимаете, полковник Ефимов – очень большой человек. И очень мужчина.

– А я, по-вашему, нет? Вы это хотите сказать?

– Нет, – поморщился Зверьков, теперь только его глаза продолжали улыбаться. – Я имел в виду, что полковник Ефимов – очень большой и сильный. Он может кулаком убить человека. В нем росту больше шести футов. Это настоящий русский мужик. Прощу заметить, – поспешно добавил он, – я ничего не говорю лично о вас. Возможно, вы очень умный и храбрый человек. И уж наверняка исключительно дерзкий и наглый, раз посмели выдать себя за полковника Ефимова.

– Я ни за кого себя не выдавал, – вздохнул Пол, почувствовав невероятную усталость. – Тот парень, Мэдокс, с которым мы вместе плыли на теплоходе, случайно встретил меня уже здесь, в Ленинграде, и вручил

это приглашение. Впрочем, не понимаю, зачем я вам все это говорю. Вы же все равно не верите ни одному моему слову.

– Мэдокс? – удивленно переспросил Зверьков.

Карамзин, успевший к тому времени справиться с истерикой, пожал плечами. Они не знали, кто это такой.

– «Англорусс...», «Англорусс...» – вполголоса повторил Зверьков. – Это организация, которая занимается установлением дружеских отношений между Великобританией и Советским Союзом. У нас нет ничего против нее. Это как-то связано с пожилой женщиной в инвалидной коляске, о которой вы рассказывали?

– Возможно, это был пожилой мужчина, – уточнил Пол.

– Да-да... – Зверьков не стал спорить. – Что ж, давайте подведем итоги. Мы потеряли очень много времени, но не узнали ничего нового. Конечно, нельзя исключать, что вы говорите нам правду. Но мы уже слышали от вас такое количество вранья – о цели вашей поездки в Ленинград, о вашем предполагаемом отъезде, о полковнике Ефимове... Даже не знаю, что теперь делать, – задумчиво протянул Зверьков и вопросительно глянул на своего коллегу.

Карамзин произнес длинную фразу по-русски.

– Возможно, так мы и поступим, – по-английски ответил Зверьков.

– Как? – решил уточнить Пол, который не понял ни слова из сказанного Карамзиным.

– Мне необходимо на некоторое время вас покинуть, – заявил Зверьков и вытащил из ящика какие-то бумаги. – С вами побудет мой коллега. Я оставляю вас в хороших руках.

– Он будет меня бить? – уточнил Пол.

Зверьков всем своим видом выразил свое возмущение подобным нелепым предположением.

– Мы не используем такие примитивные и варварские методы, – фыркнул он, – мы – цивилизованные люди и используем цивилизованные приемы ведения допросов.

Пол почувствовал жалость к себе, несчастному.

– Боже мой, – прошептал он, – что со мной будет? – Его тонкие губы задрожали, на глаза навернулись слезы. – У меня совсем нет денег! Я хотел получить всего несколько рублей, устроиться в гостиницу, поесть и как следует выспаться. А теперь у меня вообще ничего не осталось! Только обратные билеты для меня и моей бедной жены. А она в больнице, лежит одна-одинешень-ка. Я даже не могу ее навестить.

Зверьков сочувственно похлопал чуть не плачущего Пола по плечу. Он

мягко проговорил:

– Не волнуйтесь, друг мой. Все будет хорошо. С нами происходит только то, что нам на роду написано. С судьбой сражаться бесполезно. – После чего он многозначительно взглянул на Карамзина и сказал: – Я вернусь через двадцать минут. Не исключено, что мы сразу сможем покончить с нашими делами. – Последнее относилось уже к Полу.

Зверьков ушел. Карамзин, который уже успел вновь обрести свой обычный свирепый вид, окинул Пола долгим недобрым взглядом.

– Ну и что мы будем делать? – спросил Пол.

– Прежде всего встань, – угрожающе проговорил Карамзин. Пол повиновался. – Ты помнишь, – поинтересовался Карамзин, – как в ночь твоего прибытия в отель ты ударил по лицу женщину, существо слишком слабое и беззащитное, чтобы дать тебе сдачи. Советскую рабочую женщину, которая выполняла свой долг. Помнишь?

– О да. Помню.

– Отлично, – проговорил Карамзин, медленно встал и подошел вплотную к Полу. Он был дюйма на три ниже, но значительно шире. Некоторое время он молча, снизу вверх разглядывал Пола, потом процедил сквозь зубы: – Это ты тоже запомнишь, гнида, – и со всего размаху нанес сокрушительный удар правой в ухо своего собеседника. Причем бил не кулаком, а ладонью.

В ухе что-то щелкнуло, вслед за чем голову Пола пронзила такая резкая боль, что он едва удержался, чтобы не заорать. И еще было очень обидно, совсем как в детстве, когда его наказывали ни за что.

– Ты можешь добавить в свой список еще два случая совершенного мною насилия над советской женщиной, – гордо заявил Пол, – сначала она получила по морде, поскольку совершенно вывела меня из состояния равновесия, а затем я влепил ей пощечину в процессе сексуальных домогательств. Не забудь отомстить заодно и за эту стерву, ты, недоносок.

Карамзин демонстративно сжал руку в кулак. Пол заметил, что у него на безымянном пальце надето дешевое, но очень массивное кольцо.

– Ты – трусливый и грязный ублюдок, – с ненавистью повторил он и тут же получил хук в челюсть, за которым незамедлительно последовал удар в живот. – О нет, только не это, – простонал Пол и начал медленно складываться пополам.

Карамзин злобно прошипел:

– Уж теперь-то ты заговоришь. Иначе схлопочешь еще раз.

В дверь постучали. Карамзин издал звериный рык, который, должно быть, означал разрешение войти, и на пороге возник маленький,

невзрачный человек, державший швабру на манер винтовки. Открывшаяся его взору картина явно произвела впечатление. Молоденький полицейский в недоумении застыл, не решаясь ни войти, ни выйти. Пол увидел разлитый по полу чай и поневоле почувствовал облегчение. Значит, он никому не доставит особенных хлопот. Все равно здесь не обойтись без работы шваброй. Тем не менее он счел необходимым заранее извиниться перед юным полицейским.

– Извини, парень, – простонал Пол, – я не виноват.

С этими словами он опустился на колени, открыл рот и фонтаном изверг на пол содержимое своего желудка. Карамзин даже отпрыгнул от отвращения.

– Я же извинился, сукин ты сын, – проскрипел Пол и повторил то же самое еще раз.

Он заметил, что в рвотной массе встречаются ярко-алые пятна крови. Рвота и кровь. Чем не заголовок для новой эпической поэмы о русском насилии?

– Думаю, это все, – сказал он, обращаясь к застывшему со шваброй полицейскому. Добавилось ему работы, бедолаге. – Между прочим, – сказал он Карамзину, все еще стоя на коленях, – если бы ты не распускал руки, ничего бы не произошло. Так что это ты во всем виноват.

Правда, речь Пола была довольно невнятной. Губы сильно распухли, и слова, казалось, вылетали на волю через щель почтового ящика. Полицейский, морщась и затыкая нос, сгребал рвотную массу к двери, где у него стояло ведро с водой. Карамзин тоже не выглядел довольным жизнью. Он хищно возвышался над коленопреклоненным Полом в позе второсортного божка. А Пол, нагнувшись, откашливался и временами сплевывал окровавленную слюну. Стороннему наблюдателю могло показаться, что он бьет земные поклоны.

Карамзин рывкнул на слегка замешкавшегося уборщика, и тот заторопился вовсю. Вскоре Пол услышал звук льющейся воды – в туалете вылили воду из ведра, затем зашумел сливной бачок, звякнула ручка ведра, а вслед за этим и само ведро стукнулось о стенку. Пол еще немного постоял на четвереньках, а потом принялся размышлять, стоит ли ему отправиться в туалет, который, судя по звукам, находился в соседней комнате, ползком или попробовать встать. Боль разлилась по всему телу горячей волной, но ее центр находился где-то в области желудка.

В конце концов Пол решил, что она не должна одержать над ним победу, и, кряхтя, встал. Правда, выпрямиться он пока еще не мог. Так в согнутом положении он и добрался до ближайшего кресла, в которое и

свалился с облегченным вздохом. Карамзин не препятствовал его перемещениям. Карамзин плакал. Увидев это, Пол решил, что его подводят глаза. Но все было на самом деле.

Карамзин плакал.

– Ты хорошо поработал, чего ж теперь стенать? – проговорил Пол, пытаясь снова подчинить себе непослушные губы и язык, справиться с неподдающимися звуками и сделать произносимые им слова хотя бы узнаваемыми. – Теперь я точно знаю, что современная Россия – мечта любого туриста.

– А-а-а... – рыдал Карамзин. Он уже успел рухнуть в кресло и теперь надрывно ревел, опустив буйную головушку на стол. Со стороны он напоминал безутешного пациента, только что услышавшего от доктора смертный приговор. – А-а-а... – мычал он, всем своим видом пытаясь показать, что он ничего плохого не хотел.

Пол поневоле подумал, что Карамзин так убивается, потому что нечаянно нанес ему, Полу, какое-нибудь страшное увечье, имеющее необратимые последствия. Он дрожащими пальцами ощупал лицо, но не обнаружил ничего, кроме распухших губ и нижней десны. Кроме того, он был неприятно удивлен, заметив, что во рту больше нет качающегося протеза. Видимо, он выпал во время экзекуции. Пол снова согнулся и принялся внимательно осматривать все закоулки, пытаясь разыскать столь необходимый ему предмет. Ему потребовалось совсем немного времени, чтобы понять: на полу нет ничего похожего. Не приходилось сомневаться, что протез постигла весьма незавидная участь. Уборщик не обратил внимания на маленький кусочек Пластмассы и отправил его сначала в ведро, а уж потом и в канализацию. Теперь четыре искусственных зуба совершают свой последний путь по канализационным трубам в сторону Балтийского моря.

– Ты – свинья, – констатировал Пол, – и еще садист.

Он отметил, что его речь в целом становится более понятной, хотя и весьма своеобразной.

Карамзин встал со своего места и медленно направился к Полу. Тот недолго думая шлепнулся на четвереньки и резво, хотя и морщась от сильной боли, пополз подальше от своего ударившегося в сентиментальность мучителя. В комнате негде было спрятаться, но Пол не мог оставаться на месте и, подгоняемый болью, продолжал ползти, без всякой надежды высматривая на полу пропавший протез. Он слышал доносящиеся сверху всхлипывания и причитания Карамзина, который, как заведенный, повторял:

– Я не... Это не... Я не думал...

Пол прощамкал, обращаясь к свежeweмытому полу:

– Заткнулся бы ты.

Он как раз достиг угла комнаты и, словно обрeтя, наконец, убежище от всех жизненных невзгод, скорчился в нем, придерживая обеими руками пылающий болью живот. Карамзин заревел:

– Бобринский! Бобринский! Бобринский! – Он выкрикивал эту фамилию до тех пор, пока на пороге не появился ее обладатель. Им оказался прыщавый полицейский, который совершенно не соответствовал своей аристократической фамилии. Карамзин что-то скомандовал по-русски. Пол разобрал основные слова. Но не все. Похоже, ему должны были принести коньяк. Но прежде чем юноша исполнил приказ, вернулся Зверьков. Карамзин съежился и присел, словно нашкодившая собака. Он даже попытался заслонить Пола от своего старшего коллеги, словно поверженный англичанин был кучей мусора, который неаккуратные рабочие бросили в углу. А Пол себя приблизительно так и чувствовал. Если бы его в тот момент засыпали опилками, погрузили на какое-нибудь транспортное средство и отправили в колхоз для использования в качестве удобрения, он вряд ли сумел бы что-то возразить. Зверьков был явно потрясен до глубины души. Он склонился над Полом и ласково сказал:

– Откройте рот.

Пол послушно разинул рот, насколько смог, конечно продемонстрировав воспаленную нижнюю десну без признаков передних зубов.

– Он их выбил, – вздохнул Зверьков, – на этот раз он зашел слишком далеко. Впрочем, он часто заходит далеко. Этот печальный инцидент целиком на нашей совести. Мы, русские люди, всегда признаем наши ошибки. Нам свойственно бросаться от одной крайности к другой. Таким образом, значительная часть нашей работы получается впустую.

Произнося этот вдохновенный монолог, Зверьков смотрел сверху вниз на Пола грустно и серьезно.

– Мерзкие русские ублюдки, – прошепелявил Пол, – заканчивайте свое грязное дело. Отправьте меня в вашу страшную Сибирь!

– В наше время никто уже не боится Сибири, – живо возразил Зверьков. – Туда давно пришла цивилизация. – Зверьков спохватился и добавил: – Кроме того, мы вас никуда не собираемся отправлять. Ну разве что вы уйдете отсюда, из этой комнаты. Полагаю, здесь вам больше нечего делать.

В это время Карамзин стоял рядом и, следует отметить, воспрянул

духом.

– На меня, наверное, страшно смотреть, – прошамкал Пол, – здорово я небось выгляжу без зубов... Выбили... ни за что ни про что... Я обязательно предъявлю вам обвинение, ублюдки... Свиньи, – для верности добавил он.

Теперь он говорил достаточно внятно, только вместо всех шипящих и свистящих звуков у него получался один-единственный звук «ф».

– Товарищ Карамзин сожалеет о том, что зашел слишком далеко, – спокойно сказал Зверьков, – но только вы все равно ничего не сможете доказать. Никто не сможет подтвердить, что вы вошли в это помещение в состоянии, отличном от того, в котором находитесь сейчас. – Все это было сказано без намека на иронию.

– Вы имеете в виду, что я пришел к вам в гости больной и отплевывающийся кровью? И без зубов? – Пол глухо застонал, застигнутый новым приступом боли. Он посильнее обхватил свой многострадальный живот и закачался из стороны в сторону, стараясь слиться со стеной. – Вот они, методы работы советской полиции, – заявил он. – Думаю, воскресные газеты не откажутся от такого материала.

– Что вы, – улыбнулся Зверьков, – мы ликвидируем все следы насилия. Мы вас побреем, пострижем, вымоем, оденем в хороший костюм. Вы у нас станете истинным английским джентльменом.

– Без зубов.

– Ну... какое-то количество зубов у вас все-таки есть, – рассудительно произнес Зверьков, – а что касается остальных, то их у вас и не было. Вы приехали в нашу страну уже без зубов.

– А почему тогда ваш коллега прослезился?

– Он жалеет вас. И плачет о заблудшей душе, погрязшей в первородном грехе. Ему стало очень грустно при мысли об английском джентльмене, который прибыл сюда без передних зубов и собирался причинить вред нашей экономике. Правда, последнее, ввиду ряда обстоятельств, он сделать не сумел.

– Вы давно были в кино? – полюбопытствовал Пол.

– А, понял, – обрадовался Зверьков, саркастически улыбаясь, – сейчас мы сядем за стол, как старые добрые друзья, и обсудим проблемы нашего кинематографа? – Он обошел свой стол и сел. Карамзин остался стоять. Он уже не был похож на виноватую собаку. Скорее это был насторожившийся дикий зверь. Пол не двинулся с места. В углу он чувствовал себя как-то увереннее.

– Вовсе не как друзья, – заметил он. – Просто у вас показывают

документальный фильм. Я сам видел его в кинотеатре «Баррикада». Это о возвращении делегации советских музыкантов из Англии. Мы плыли на одном судне. И на берег сходили вместе. Так вот, в этой кинохронике показали не только музыкантов, но и меня. Вероятно, ошибочно приняли за одного из членов делегации. Там есть один примечательный кадр: моя физиономия заняла весь экран, а радостная улыбка наглядно подтвердила, что в момент прибытия в вашу страну у меня все зубы были на месте. И в полном порядке. – Пол улыбнулся, чтобы наглядно продемонстрировать, как он улыбался в камеру «Ленфильма», или кто там снимал эту хронику, но сообразил, что выглядит ужасно, и решил повременить с улыбками до лучших времен. Зверьков и Карамзин слушали рассказ с напряженным вниманием. – Меня видели, – говорил Пол, – миллионы советских граждан. Возвращение из зарубежной поездки делегации советских музыкантов, должно быть, весьма значительное событие. Его будут помнить долго. Думаю, эти кадры увидит и ваша провинция. Не исключено, что как раз сейчас фильм смотрят в далекой Сибири. Он определенно останется в архивах киностудии, как подтверждение того, что я прибыл в вашу страну с полным комплектом зубов.

– Вранье, – ухмыльнулся Карамзин.

– А вот и нет. – Пол медленно и устало покачал головой. Более резкие телодвижения вызывали сильную боль. – Пойдите и проверьте, садисты... сволочи.

– Полагаю, что это правда, – сухо произнес Зверьков, – скорее всего, в этот раз он не врет. Англичанин, – пояснил он Карамзину, – не смог бы придумать такую историю. У него не хватило бы воображения. Англичане здорово отличаются от нас, во всяком случае сейчас. Они были похожи на русских во времена королевы Елизаветы I, когда подарили миру Шекспира, но с тех пор... – Зверьков несколько раз энергично кивнул, прижав подбородком кадык. – Не сомневайся, он говорит правду. Что ж, – его голос взлетел на неожиданно высокую ноту, – ничего страшного не произошло. Просто нам следует отправить вас как можно скорее в Англию. – Зверьков стремительно вздернул голову и энергично потрянул ею, как молодая кокетка, откидывающая с лица непослушные локоны. – Мы погрузим вас на первое же подходящее судно.

Карамзин сел и, всем своим видом выражая крайнюю степень раздражения, принялся грызть ногти.

– Прежде всего, – твердо проговорил Пол, – вы должны забрать из больницы мою жену. Без нее я никуда не поеду.

– Мы уже не впервые слышим о вашей жене, – буркнул Зверьков, – но

еще ни разу не имели удовольствия ее видеть. Может быть, это очередная ложь? Так где, вы говорите, она находится?

– В Павловской больнице.

– Ладно, ладно. Мы позвоним. Карамзин позвонит и все выяснит. Или это сделаю я. Не важно. Если вы сказали правду и ваша жена действительно в Ленинграде, значит, мы отправим в Англию двух человек. Да... – протянул он, рассматривая документы Пола, – действительно, здесь у вас два обратных билета с открытой датой. Посмотрим, не исключено, что мы зря о вас думали так плохо. Может быть, вы не все время лгали. – Зверьков выглядел усталым и расстроенным. – Кто знает? Разве можно заглянуть в человеческую душу?

Глава 7

Камера, куда посадили Пола, была маленькой и в меру грязной. Зато атмосфера в ней царила удивительно жизнерадостная. Нового узника встретили три веселых и очень довольных жизнью арестанта. Они тепло приветствовали Пола, а разобравшись, что он настоящий англичанин, принялись по очереди тискать его в крепких медвежьих объятиях.

Двое из них, судя по их рассказам братья, были задержаны за организацию беспорядков при распитии кваса. Полу очень понравились эти парни – молодые золотоволосые гиганты, сильные, уверенные в себе, компанейские, веселые. Рядом с ними Пол даже забыл, что находится в самой настоящей тюрьме. И запах от них исходил удивительно благотворный – нестираемых носков и кваса, вернее, не самого кваса, а составляющих его элементов – ржаной муки и солода.

Третьим арестантом был крепкий старик, одетый в рваную пижаму. В его штанах отсутствовала резинка, поэтому он был вынужден подпоясаться обтрепанной полоской ткани, связанной из множества коротких кусочков, судя по всему оторванных снизу от штанин, которые теперь доходили ему только до колен, открывая волосатые йогы с варикозными узлами вен. Еще он обладал искусственным глазом, застывшим в стеклянной неподвижности, в то время как его живой собрат, казалось, наслаждался жизнью за двоих. Старик определенно был виртуозным мимом. Братья хохотали до слез, наблюдая за представлениями этого театра одного актера.

Специально для Пола старый клоун, помнивший, что Англия – христианская страна, изобразил сцену распятия на кресте. Он дергался, рвался и как безумный вращал левым глазом, цепляясь голыми ногами за перекладины нижней койки, а руками – за верхнюю. В камере было только четыре койки, расположенные в два яруса, и ведро. Больше ничего.

Братья полюбопытствовали, за что Пол угодил за решетку.

– Нет денег, – объяснил Пол и для верности вывернул карманы. – Придется сегодня ночевать здесь. Без денег меня не пускают в отель.

– А завтра? – спросил один из них.

– Ничего не знаю, – пожал плечами Пол. Будущее представлялось ему безрадостным. Он уедет обратно в Англию без зубов (частично), без денег (полностью). Ему предстояло провести ночь в советской тюремной камере, поскольку не было средств заплатить даже за самый невзрачный номер в гостинице, а перед этим он был избит, едва не выпал из окна в рабочем

районе Ленинграда, убедился в собственной импотенции и был подвергнут допросу в тайной полиции. За последние дни с ним произошло еще немало интересного, но у Пола не было сил даже думать. Ему хотелось только чего-нибудь поесть и завалиться спать.

Очень уж он устал, хотя и спал почти до трех часов. Внутренности уже не так сильно болели, судя по всему, на них благотворно подействовал коньяк.

Сменившие гнев на милость Зверьков и Карамзин разрешили Полу смыть теплой водой кровь, а в качестве финального жеста, который должен был продемонстрировать крайнюю степень гостеприимства, предложили ему переночевать в тюремной камере. Они сказали, что не располагают деньгами для устройства его в гостиницу, и даже вывернули карманы, в которых действительно оказалось всего несколько копеек.

Не надо было обладать особой наблюдательностью, чтобы заметить у собеседника отсутствие передних зубов. Братья, разумеется, не обошли этот факт вниманием и участливо поинтересовались, при каких обстоятельствах это произошло. Пол слишком устал, чтобы начинать снова выстраивать в уме сложные русские фразы, поэтому он просто поднес к своей многострадальной физиономии кулак и несколько раз легонько ткнул себя в челюсть.

Пантомима оказалась исчерпывающе ясной. Больше вопросов не возникло. Только старик, лишившийся своей благодарной аудитории, недовольно заворочался и, решив вернуть себе всеобщее внимание, бешено задвигал здоровым глазом. Братьям, очевидно, это надоело. Им захотелось поэзии.

Они с пафосом продекламировали Полу что-то совершенно непонятное, после чего попросили его спеть. Тот выбрал «Землю надежды и славы» и, пока выводил старательное «ла-ла-ла» (выяснилось, что слов он почти не помнит), думал: интересно, а если Зверьков и Карамзин сгноят его в подземной темнице или даже ранним утром поставят к стенке, что почувствует Англия, лишившись своего преданного сына? И почувствует ли что-нибудь вообще? Во всяком случае, все, что он пытался сделать, было во имя Англии... Ну хорошо, ради свободной торговли... Ладно, для Роберта.

Твои границы становятся все шире и шире.

Бог, даровавший тебе силу, сделает тебя еще сильнее.

Братья дружно подхватили песню. Им понравилась мелодия. Но старик снова недовольно заворчал и, чтобы привлечь внимание, затянул что-то протяжное и заунывное.

В камеру вошел охранник, который был очень похож на папашу Каллена, державшего мастерскую по ремонту радиоприемников в Брадкастере. Страж порядка принес ужин – миски с кроваво-красным супом и очень жесткий хлеб. Его встретили как брата. Усевшись вчетвером на нижней койке, арестанты дружно принялись за борщ. У старшего из братьев нашлась почти полная пачка «Беломорканала» и спички, поэтому ужин завершился общим перекуром. Приятно...

Старик, желавший постоянно находиться в центре внимания, вытащил свой стеклянный глаз и сделал вид, что жует его. А Пол, сидя на краю койки, начал клевать носом. В какой-то момент он задремал и увидел сон: его собственные глаза почему-то выпали и, как маленькие шарики, раскатились по разным углам. Он в ужасе проснулся и растерянно посмотрел по сторонам. Глаза были на месте. Братья дружно улыбались.

– Я должен поспать, – сказал Пол.

– Расскажи нам что-нибудь интересное, – попросил старший из братьев.

– Да, да, – подхватил младший, – расскажи нам сказку.

– О нет, – простонал Пол, – я очень устал. Кроме того, я не знаю никаких сказок.

– Зато я знаю множество интересных историй, – вмешался старик, – могу рассказать вам десять тысяч сказок.

– А мы хотим только одну, – сказал старший брат, – и чтобы ее рассказал англичанин.

– Я ужасно хочу спать, – сказал Пол по-английски. Увидев, что его не понимают, он напрягся и сообщил, теперь уже на языке Пушкина: – Я не могу по-русски. Плохо знаю. Пусть старик рассказывает.

– А мы хотим английскую историю, – не унимался старший брат. – Учти, мы все равно не дадим тебе спать, пока не расскажешь сказку.

Пол обреченно вздохнул.

– Позвольте мне хотя бы лечь. Лежа мне лучше думается. – Он лег и устало закрыл глаза. Братья уселись рядом на пол и приготовились слушать. Оскорбленный до глубины души старик забрался на свою койку, усиленно делая вид, что ему все равно.

– Рассказывай! – потормошил Пола старший брат. – Мы ждем.

– Ах, ну да... – Пол уже успел снова задремать. – Жил-был когда-то... – Странно, но он легко вспомнил фразу, с которой начинается большинство

сказок. Что-то с ней было связано... русские курсы в время войны, истошно вопящий Роберт, которому часто снились кошмары... – Жил-был когда-то, – снова повторил Пол, но дальше дело не шло. – Нет, я не могу! – в сердцах воскликнул он. А на нижней койке довольный старик снова затянул печальную мелодию. Пол открыл глаза и увидел напряженные лица двух братьев. Они были так уверены в нем, что он просто не мог позволить себе обмануть их ожидания. И неожиданно он понял, что отлично знает, о чем будет рассказывать. Надо только постараться, чтобы сюжет не пострадал из-за слабого знания русского языка.

– Однажды давным-давно, – с воодушевлением начал Пол, – жили-были два царя, у каждого из которых было по большому царству. У них было много волшебников и умных советников. Цари обладали большой физической силой, можно сказать, были людьми могучими. Поэтому у них была мечта, свойственная всем сильным людям. Каждый из них хотел стать самым сильным человеком в мире. Оба знали, что эти желания у них одинаковые, поэтому каждый, каждый, каждый...

– Боялся?

– Да, они боялись друг друга. При каждом удобном случае цари демонстрировали свою физическую силу и свои возможности по части волшебства, но при этом не спешили вступать в единоборство друг с другом. Оба были прекрасно осведомлены о потенциале противника. А никакой разумный царь не захочет царствовать на опустошенных землях, независимо от того, свои это земли или земли соперника. Таким образом, очень долгое время ничего не происходило.

Пол несколько раз подряд сладко зевнул и начал засыпать. Ему даже сон приснился – красочный мультфильм – окончание придуманной им сказки, который он приготовился посмотреть, но не успел. Тяжелая рука старшего брата бесцеремонно растормошила его, вернув к действительности.

– Что? – вскинулся он.

– Сказку! – хором потребовали братья.

– Завтра утром первым делом надо будет сходить к моей жене в госпиталь, а потом станет ясно, когда мы сможем уехать. Думаю, я знаю, у кого можно будет занять немного денег.

Раздался громкий смех.

– Ты же говоришь по-английски, – сказал старший брат. – Рассказывай дальше!

– Ах, сказка... – Пол окончательно проснулся. – Так вот: эти два больших царства находились рядом друг с другом. Между ними был только

крошечный участок земли, на котором стоял маленький домик. А в домике жил человек. В его доме были вещи, которые ему оставил отец, а тому, в свою очередь, дед, а деду...

– Прадед?

– Да, он самый. В общем, и так далее. Причем ни один из царей не мог сказать: «Ты живешь на моей земле», потому что, если бы это сказал один, то сразу же вмешался бы и другой, а значит, началась бы война. Поэтому человек был свободен. Над ним не было царя.

– А где он делал покупки?

– В обоих царствах. В одном он покупал одно, в другом – другое. Кроме того, в обоих царствах у него были как друзья, так и враги. Иногда друзья его спрашивали: «Какой образ жизни лучше?» Он отвечал: «Нет такого. В одних случаях хорош один, в других – другой. Все зависит от обстоятельств». Тогда друзья спрашивали: «А какой образ жизни самый лучший?» Он отвечал: «Тот, при котором все открыто: таверны, магазины, сердца и умы».

Пол ухмыльнулся, покосившись на разинувших рты братьев. Интересно, доходит до них смысл повествования? Понимают ли они, что такое открытое сердце? Или открытый ум? Или все это для них пустой звук? Но слушателями братья были благодарными, они не сводили с рассказчика внимательных глаз, и Пол заговорил снова:

– Так маленький человек и продолжал счастливо жить в убогой хижине со своими старыми вещами, свободой и мечтами. А тем временем в обоих царствах люди вовсе не были счастливы, они были охвачены страхом. Они боялись войны и нового волшебного оружия, которое способно смести оба царства с лица земли. Они спросили маленького человека: «Разве ты не боишься?»

Он ответил: «Да, все правильно. Человек должен чего-то бояться, к примеру, божественного гнева или конца света. Такой страх – источник жизни». Но люди ему сказали: «Это не настоящий страх. Не современный. Ты должен узнать, что такое современный страх». – У Пола язык отказывался ворочаться. Он боялся уснуть на половине фразы и пробормотал: – Все, я больше не могу. Конец вы услышите завтра. А теперь мне необходимо поспать.

Но братьев совершенно не устраивало такое решение. Как расшалившиеся дети, они настырно лезли к Полу, толкали его, царапали, дергали за рубашку.

– Сказку! – требовали они. – Что было дальше?

– Ох, – простонал Пол, – ему привели жену.

– Кто ее привел? Из какого она была царства? Как ее звали? Проснись же ты! – Братья принялись бесцеремонно трясти его.

– Не важно, откуда она взялась. Поскольку одно царство было зеркальным отражением другого. Между ними не было никакой разницы. Женщина отлично знала, что такое современный страх. Она хотела иметь защиту. Но от колдовства может защитить только колдовство. Поэтому она стала убеждать мужа поселиться в правом царстве. Почему не в левом? Кто его знает! Муж отказался. Он не хотел лишиться свободы даже ради ее любви. Тогда она заявила: «Ты – не настоящий мужчина, потому что не можешь защитить свою жену. Значит, ты – плохой муж. И я ухожу от тебя». – Пол настолько устал, что больше не мог говорить. Все вокруг плыло и покачивалось. Его обволакивал сон.

– И она ушла?

– Да.

– Куда?

– В одно из двух царств. Какая разница, в какое именно? Они же были одинаковые! – Пол несколько раз с усилием моргнул, надеясь еще на некоторое время вернуться к реальности и успокоить братьев, но тут неожиданно для самого себя он услышал странную, механическую музыку. Монотонные аккорды звучали в голове, причем звук с каждой секундой становился все громче, набирал силу. Пол рывком сел. Сна как не бывало.

– Что это было? – спросил он по-английски. – Что я говорил?

Братья засмеялись. Они ничего не поняли. А Пол чувствовал себя полностью проснувшимся и даже довольно бодрым, словно сказка заменила ему несколько часов полноценного сна. Кстати, а он действительно рассказал им сказку?

– Мне надо выбраться отсюда, – заявил он. – И немедленно.

С этими словами он слез с койки, подошел к двери камеры и громко закричал. Братья дружно засмеялись. Похоже, они решили, что этот англичанин появился в камере специально для того, чтобы их порадовать.

– Я передумал, – завопил Пол по-английски, – мне необходимо повидать жену.

Старик в пижаме вздрогнул и что-то пробормотал во сне. Братья подошли к двери, аккуратно отодвинули Пола в сторону и дружно забарабанили по ней кулаками. При этом они громко выкрикивали незнакомые Полу русские слова. Через некоторое время братья сменили тактику. Они запели торжественную песню, одну из тех, которые поют колонны демонстрантов, марширующих по Красной площади в ясный майский день. Металлическая дверь стала барабаном, а ритмичные удары

по ней отбивали ритм марша. После второго припева слышались тяжелые шаги. Кто-то подошел. Братья деликатно отступили в сторону, чтобы дать Полу возможность рассмотреть появившееся в глазке лицо, которое ничуть не напоминало физиономию папаши Каллеиа, державшего радиомастерскую в Брадкастере. Пол сказал по-русски:

– Моя жена... Мне необходимо немедленно увидеть мою жену. Понимаете, меня никто не арестовывал. Сюда меня посадили только потому, что не могли поселить в гостиницу. Меня никто и ни в чем не обвиняет, поэтому я могу немедленно уйти. Выпустите меня, пожалуйста.

Отчетливо видные в глазке квадратные челюсти что-то жевали. Совершенно очевидно, неожиданный концерт прервал ужин охранников. На языке жестов и отдельных звуков, которым владеют полицейские всего мира, он весьма понятно объяснил, что, если арестант не успокоится и посмеет потревожить его еще раз, он войдет в камеру, и тогда всем мало не покажется.

– Я требую, чтобы меня немедленно проводили к товарищам Зверькову и Карамзину! – бушевал Пол. – Они в курсе дела. Иди и найди их! Не будь идиотом! Я хочу, чтобы мне предоставили возможность поговорить с вашими старшими офицерами.

– Тебе придется подождать до утра, ты что, не понял? И ради твоего же блага убери свою поганую задницу подальше от двери. Иначе я за себя не ручаюсь.

– У меня есть права! Хабеас корпус! Дайте мне телефон! Я буду говорить с британским консулом! Немедленно!

Так не следовало себя вести. Лицо охранника исчезло из глазка, а вслед за тем и глазок плотно закрыли со стороны коридора. Снова слышались тяжелые шаги. Теперь они удалялись. Наверное, туда, где еще не закончился ужин.

Что ж, утро так утро. К тому же оно уже не за горами. Пол уже не думал о сне. Он чувствовал себя бодрым и отдохнувшим. Слава богу, ему разрешили взять с собой в камеру чемодан. Настало время снова стать английским джентльменом.

Братья наблюдали за происходящим с неподдельным интересом. Один стоял, прислонившись к двери, другой, разинув рот, сидел на койке. Сперва Пол побрился (зеркало, крем, новая бритва), затем подстриг ногти (маленькие, но очень удобные ножницы). Затем старшему брату пришла в голову идея подстричь довольно сильно отросшие волосы Пола. Он сказал, что умеет это делать хорошо, поскольку долго практиковался у себя в колхозе, даже иногда брал за свою работу деньги. Он признался, что

никогда не испытывал тяги к сельскохозяйственным работам, поэтому и занялся парикмахерским делом. Насколько Пол мог судить, рассматривая результаты его работы в маленьком зеркальце при тусклом освещении, получилось довольно неплохо. Затем Пол обтер лицо и шею носовым платком, который он предварительно намочил питьевой водой из кувшина, надел белую рубашку, коричневый галстук с вертикальной полоской кремового цвета (купленный в Риме на Виа Национале) и свой любимый летний костюм. Братья дружно ахнули, признав в нем настоящего английского джентльмена. Во всех деталях, грустно подумал Пол, кроме...

Самое интересное, что братья инстинктивно поняли, о чем он думает. Очевидно, они довольно часто руководствовались инстинктами и успели развить в себе эту способность.

Старик в пижаме громко храпел, лежа на спине. Братья осторожно залезли в приоткрытый рот. Можно, конечно, воспользоваться искусственной нижней челюстью целиком, но тогда придется выбить Полу все остальные зубы. Это долго, больно и вообще нежелательно. Кроме того, нижняя челюсть храпящего джентльмена может иметь другую форму и не подойдет Полу. Нужно только четыре зуба. Но из чего их сделать? Немного оконной замазки? Нет, вряд ли. Подождите-ка... Младший из братьев живо опустился на колени и начал выгребать мусор из-под коек. В конце концов он поднялся на ноги весьма довольный, держа в руке старую кожуру от апельсина. Из нее вполне можно вырезать нечто напоминающее временный протез. Внутренняя поверхность кожуры весьма схожа по цвету с зубами; пролежав неопределенное время под койкой, материал подсох и стал весьма прочным, да и слюна его не растворит. Пол не мешал братьям увлеченно орудовать ножницами и лезвием.

Позже он не мог сказать, в какой именно момент он отчетливо понял, что уже слишком поздно. Просто было такое чувство, что где-то очень далеко из домика на часах выглянула кукушка и прокуковала очередные полчаса. Ку-ку. О, этот мир, полный страха.

Глава 8

«Сегодня утром, когда меня разбудили, я почувствовала, что ты не придешь меня навестить. Я не виню тебя за это. Ты вообще не обязан являться ко мне, как на службу. Кроме того, я отлично понимаю, что у тебя много дел. Ты должен продать, наконец, платья, чтобы сделать подарок нашей дорогой Сандре. Вот ведь мерзавка! Может быть, ты даже завел себе здесь женщину. Я же помню, как ты смотрел на ту грязную, прыщавую девицу, которую мы встретили в ресторане. Наверное, прикидывал, как бы затащить ее в постель? Хотя это вряд ли.

Я здесь не предаюсь мечтаниям, больше вспоминаю. Иногда мне даже кажется, что я смотрю отрывки из фильма длиною в целую жизнь. Нашу жизнь. Может быть, это из-за лекарств? Не знаю. Я видела нас, тебя и меня в Ричмонде, в той пивной, не помню только, как она называется. Ты еще опрокинул на пол кружку с пожертвованиями для больных раком, проказой или чем-то еще. Ты толкнул ее локтем на пол, все монетки рассыпались, и тебе пришлось долго ползать по углам и собирать их. Ты потом с трудом отдышался. Ты всегда был неповоротливым, пожалуй, даже неуклюжим, но я не обращала на это внимания. Ты всегда обладал некой изысканностью, я бы даже сказала аристократизмом. Мне казалось, что твоя неловкость вызвана лишь тем, что тебе никогда и ничего не приходилось делать своими руками. В первые недели нашего знакомства я считала тебя отпрыском древнего дворянского рода, который вынужден работать в магазине, поскольку предки растредили семейное богатство. У тебя были очень аристократические руки: узкие, с длинными тонкими пальцами и ухоженными ногтями. Твой голос мне тоже сначала показался очень благородным. Видимо, потому, что я слишком плохо знала англичан.

Так вот, после нашего знакомства в той пивной были исполненные романтики прогулки по реке, величавые лебеди, маленькие паровозики, плывущие в сторону Вестминстера, плакучие ивы. Только все это было насквозь фальшивым, ненастоящим, как театральный спектакль или кинофильм. Так не могло быть всегда. Было же и другое время, когда жизнь была настоящей, подлинной. Хотя, возможно, его убила война. Не знаю... Когда я приехала в истерзанную войной Европу, все мои знания о ней были почерпнуты из книг, которые я нашла в библиотеке моего отца. То есть это были или элегантные истории Поупа, или безрадостные повествования Диккенса. Кажется, я даже начала стыдиться своего отца и его лекций. Он

напоминал мне человека, который учит других технике секса, при этом ни разу не переспав с женщиной. В общем, я должна была все увидеть и понять сама. Думаю, подсознательно я всегда искала мать.

Милая старушка Англия! Это единственная страна в мире, где существует Общество по защите детей от насилия и жестокости. Я вспоминаю «Веселую Англию», спектакль, поставленный на нашей любительской сцене в 1940 году. Тогда все в Америке очень переживали, что Англии приходится в одиночку противостоять силам зла. Сборы от этого спектакля должны были пойти на благотворительные цели, кажется, для англичан собирались отправить какие-то товары. Но когда я захотела положить голову на грудь этой милой старушки, из нее с громким пшиком вышел воздух и передо мной оказались лишь два сдувшихся воздушных шарика.

Нет, я не хочу сказать ничего плохого. Временами бывало весьма забавно, а иногда и просто волшебно. Но мне всегда приходилось помнить, что Хэмптон-Корт и Твикенхем созданы вовсе не моим отцом, а лондонский Тауэр существует в действительности, а не только на страницах романов из его библиотеки. Правда, в Суссексе присутствие отца не слишком ощущалось. Киплинг и Честертон никогда не фигурировали в его лекциях. Кроме того, здесь было море, дюны, пивные и очаровательные церквушки. Я полюбила все это, несмотря на то что всегда находились люди, посмеивающиеся надо мной и называющие меня янки. Эти ничтожные людишки просто не понимали, что никто им не давал права насмехаться над другими людьми.

Мы с тобой оба угодили в одну и ту же ловушку. Но очарование прошло, и что же дальше? Пойми, я не собираюсь предъявлять тебе обвинения и выяснять отношения. Просто мне кажется, что единственный приемлемый для тебя способ существования – стать, образно выражаясь, чьей-то идеей. Ты не желаешь заниматься житейскими вопросами. Мужчины в наше время вообще не хотят заботиться о хлебе насущном. Они стремятся жить в свое удовольствие, проводить время с друзьями, многочисленными бедными Робертами, и при этом не иметь никаких обязательств. Что же тогда делать нам, бедным женщинам?

Беда в том, что ты не желаешь жить полной жизнью. Ты хочешь сбросить с плеч груз ответственности и спокойно ожидать конца, продавая тем временем старую мебель и прочую рухлядь, чтобы иметь возможность покупать себе леденцы и карамельки. Причем будешь очень осторожным, чтобы, не дай бог, этот конец не приблизить.

Знаю, мне не следовало все это говорить, но пойми, я тоже имею право

на человеческие чувства. Мне необходимо хоть немного любви, тепла, безопасности. Я так долго этого ждала! Но поверь, я и представить себе не могла, что мне придется приехать сюда, на восток, чтобы все это отыскать. Конечно, может быть, я опять совершаю ошибку, как это получилось с Сандрой, но мне кажется, что нет. Сандра – крайне легкомысленная особа. В любых ситуациях она вела себя как ребенок, который не желает играть на рояле самостоятельно, а только нажимает те клавиши, которые ему показывают. До Сандры было еще две женщины, но я не назову тебе их имен. Да это и не важно. Но я никогда и ни с кем не чувствовала себя в безопасности, понимаешь? Никогда не ощущала, что кто-то думает обо мне, защищает меня от злобного, враждебного мира.

А теперь у меня есть Соня, доктор Лазуркина. Я правильно пишу ее имя? Но дело даже не в Соне, а в том, что она имеет за собой крепкий и основательный, надежный тыл. Я вовсе не имею в виду советскую политическую систему и коммунистическую партию. К коммунизму я отношусь так же, как всегда. К тому же я считаю, что политическая система не оказывает серьезного влияния на жизнь маленького человека, такого, как я. Все, с кем я здесь успела познакомиться, кажутся мне вполне счастливыми и довольными жизнью. Никто не дрожит от страха и не вскакивает по ночам в холодном поту. Мне жаль политиков, писателей, учителей, живущих на Западе, которые начинают оплакивать сами себя при одной мысли о том, что они могут оказаться в коммунистическом государстве. Но я не слишком о них беспокоюсь. Не мое это дело. За Соней стоит большая Любовь, а вовсе не материальные ценности и политическая система. Именно Любовь дала этим людям силу выстоять во время всех исторических катаклизмов, пережить войны, страдания, голод, разруху и ужасающую нищету. Мне кажется, Любовь – это понятие, исчезнувшее у нас на Западе, во всяком случае в Англии и в Соединенных Штатах. Там имеется слишком много совершенно необременительных вещей, с успехом ее заменяющих.

Получилось так, что Соню переводят в город Ростов, который расположен на северном побережье Азовского моря. Я видела его на карте. Это ее родные места. Сониная мать живет в Симферополе или где-то неподалеку от него. Это в Крыму. Мне все еще необходимо находиться под ее наблюдением. Хотя, должна признаться, сейчас я чувствую себя хорошо, только устала очень. Но мы уезжаем вместе. Все получилось достаточно быстро, потому что у Сони еще с прошлого года остался неиспользованный отпуск, который она сейчас взяла. Мы уезжаем сегодня, самолет улетает вечером. Я спросила, как я должна заплатить за лечение, но она мне

объяснила, что у них медицинское обслуживание бесплатное. Что же касается оплаты билетов, питания и всего остального, когда я совсем поправлюсь, то смогу читать лекции, если захочу. Соня говорит, что лекции на английском языке о жизни на Западе будут пользоваться большим успехом. Но она считает, что я не должна так далеко загадывать, главное для меня – окончательно выздороветь. Я уже говорила, что чувствую себя неплохо, но ей виднее, она все-таки врач. Еще она сказала, что я должна обратиться к властям с просьбой о предоставлении мне политического убежища, но я пока этого не сделала, поскольку не очень хорошо понимаю, что это такое.

Не хочу сидеть на шее у Сони, поэтому мне бы хотелось иметь собственные деньги. Думаю, я имею право на часть нашего общего имущества, ведь именно на мои деньги ты в свое время открыл магазин. А пока ты бы мог дать мне часть денег, вырученных от продажи платьев. Половину, к примеру. Думаю, это будет справедливо. После того, как Сандра со мной обошлась, я потрачу эти деньги без малейших сомнений. Соня предложила, чтобы ты перевел деньги на ее счет. Это сделать очень просто: в Ленинграде имеется Госбанк, Сонину фамилию и место работы ты знаешь. Деньги дойдут до меня очень быстро.

Мне никогда не нравилось, что у нас с тобой один паспорт. По этой причине сейчас у меня могли возникнуть большие сложности. Но я проявила удивительную дальновидность и сохранила свой старый американский паспорт. Разумеется, срок его действия давно истек, но я полагаю, что смогу решить эту проблему в здешнем американском консульстве. Так что у меня все хорошо. Соня присматривает за мной, с документами проблем не будет. Когда я решу вернуться в Англию, я дам тебе знать. Но сейчас я не сообщаю тебе свой адрес: не хочу, чтобы ты вмешивался.

Ты не должен обо мне беспокоиться. Я нахожусь под наблюдением квалифицированного врача – Сони. Она знает лучше, чем мы с тобой, что нужно делать. Кстати, если не кривить душой, я уверена, что ты отлично обойдешься без меня. Но ты должен пообещать мне заботиться о Пинки и не давать ей холодного молока. Она любит слегка подогретое молочко, в которое добавлено немного сахара. А если Пинки захочет спать в нашей постели, не смей сгонять ее. Мне бы хотелось, чтобы ты прислал сюда кое-что из вещей, но все зависит от того, на какое время я останусь в Советском Союзе. (Я начала изучать русский алфавит и уже могу написать свое имя.) Не волнуйся. Со мной все будет в полном порядке. Я в этом совершенно уверена. Знаешь, забавно, но я чувствую, что я дома. Причем это не тот

дом, который у меня был, а тот, который я хотела иметь. Береги себя, дорогой. С любовью – твоя *Белинда*».

Глава 9

– Ну и ну, – протянул Мэдокс, возвращая Полу письмо. – Впрочем, пусть катится на все четыре стороны. Между прочим, будь она моей женой, я бы ни за что не позволил ей вернуться. Правда, я никогда не был женат, да и не собираюсь. Это мероприятие не для меня.

Пол лежал на кровати Мэдокса и никак не мог отдышаться. Утро было ужасным. Весь долгий путь до гостиницы «Европа» ему пришлось проделать на своих двоих, поскольку у него не было денег не только на такси, но даже на трамвай. Когда же он добрел до отеля, оказалось, что на дверях всех без исключения лифтов висят стандартные таблички «Не работает», и наверх ему тоже пришлось тащиться пешком. К тому же, добравшись, наконец, до «Европы», Пол начисто позабыл имя секретаря бесполого Дока. Чувствуя себя совершенно несчастным, он долго мерил шагами просторный, но неопрятный вестибюль. Безжалостный солнечный свет, казалось, нарочно обращал внимание посетителей на грязь и убогость. В солнечных лучах отчетливо виднелась висящая в воздухе пыль, словно небесное светило заодно и выбивало ее из потертых ковров и старой мебели. В вестибюле сидели разные люди. Лысый человек с совершенно несчастным выражением лица читал «Daily Worker». Очевидно, других английских газет здесь не было. Трое престарелых финнов сосредоточенно о чем-то размышляли. Может быть, они тоже хотели вспомнить, как зовут Мэдокса?

Пол сложил письмо, потом снова развернул его. Оно было довольно толстым, поэтому не желало складываться в три раза, к тому же еще и мешало в кармане. Повинуясь внезапному порыву, Пол брезгливо выбросил его в корзину для мусора.

– Нет, подождите, – сказал Мэдокс и извлек письмо, упавшее между пустыми сигаретными пачками и двумя бутылками от виски. – Вы обязательно должны это сохранить. В качестве доказательства. Я бы назвал ее поступок дезертирством.

Он разгладил письмо и начал снова его перечитывать. Мэдокс был одет в шелковую пижаму в мелких цветочках. Пол недавно где-то видел очень похожие обои. А на его комнатных тапках красовались большие меховые помпоны.

– Где она тут пишет о втором паспорте?

– Что вы имеете в виду?

Мэдокс подошел, сел на кровать и пристально взглянул на Пола. Его искренние глаза цветом напоминали мочу.

– Вы что-то говорили о деньгах?

– Ей нужно немного денег. То, что она здесь пишет насчет моего магазина, правда. Кроме того, она все еще моя жена, и я чувствую определенную ответственность. Мне невыносима даже мысль о том, что я оставляю ее нищей в чужой стране.

– А-а-а, – протянул Мэдокс и сжал левую лодыжку Пола, – не волнуйтесь, женщины умеют позаботиться о себе. Зачастую даже лучше, чем мужчины. Я думал о другом, вы же хотели привезти немного денег домой, – он придвинулся ближе, – кажется, именно такова была цель вашей поездки. Ну и как вы решили вопрос с местной полицией?

– Нормально, – вздохнул Пол, – мне даже показалось, что Карамзин облегченно перекрестился, когда сегодня утром заглянул ко мне в рот.

– Однако чему же тут радоваться, – удивился Мэдокс, удостоверившись в отсутствии нижних передних зубов во рту у Пола.

– Это долгая история, – пустился в воспоминания Пол. – В камере со мной сидели два парня. Хорошие ребята, честные ремесленники. Они соорудили мне временный протез из апельсиновой кожуры. Если не присматриваться, он выглядел вполне прилично. Но только я его потерял, когда бежал.

– От кого вы бежали?

– Не от кого, а куда. В больницу. Я уже знал, что случилось. Когда мне передали письмо, я уже точно знал, что в нем написано.

– Интуиция, – глубокомысленно сообщил Мэдокс. – Это бывает. Док вообще демонстрирует чудеса по этой части. Только у меня никогда не получалось ничего подобного.

– Зверьков, – продолжал рассказывать Пол, – сообщил, что звонил в больницу. Ему сказали, что там находилась на излечении миссис Хасси. Очевидно, это было сразу же после того, как они уехали. Будь проклята эта женщина!

– Имейте в виду, – сказал Мэдокс, – не исключено, что она все еще в Ленинграде. Милуется со своим доктором где-то в укромном уголке. Мне кажется, так быстро уехать они не могли. Хотя в Крыму сейчас великолепно, – мечтательно добавил он.

Пол решительно сел на кровати, но Мэдокс не дал ему встать. Он вцепился в лодыжки Пола поистине бульдожьей хваткой.

– Черт возьми! – воскликнул Пол. – Я возвращаюсь в эту чертову больницу! Почему меня все время обманывают! Все, кому не лень, делают

из меня идиота! – Благой порыв быстро прошел, с ним улетучилась и злость. Пол тяжело вздохнул и без сил опустился на подушку. Как же он устал!

– Успокойтесь, – мягко проговорил Мэдокс. – Где бы она ни была, вы уже ничего не сможете изменить. Оставьте ее в покое. Пусть живет, как хочет.

– Эти ублюдки промыли ей мозги!

– Ну и что? Ничего не поделаешь. Лучше расскажите мне подробнее, чем закончились ваши дела с полицией.

– Они сказали, что забронировали места для меня и моей жены на теплоходе «Александр Радищев», который отходит сегодня вечером. Его маршрут – Хельсинки, Росток, Тилбери. Мне осталось только предъявить наши обратные билеты с открытой датой. Напоследок полицейские были очень милы. Они посоветовали мне впредь не делать глупости. – Пол смешно нахохлился и зашмыгал носом.

– Перестаньте, – прикрикнул Мэдокс, – я ведь тоже могу врезать.

– Ну вот, – захныкал Пол, – и вы туда же. В этой стране витает дух насилия. Ну что же вы, бейте, не стесняйтесь.

– В какой-то степени вы правы, – сказал Мэдокс уже спокойнее, – они тут как дети. Сначала дерутся, потом плачут. Пообщавшись с этими людьми, невольно начинаешь вести себя так же. Приходится следить за собой. – Он напряженно задумался, продолжая крепко держать Пола за ноги. – И с подарками тоже забавно получилось. Думаю, вы согрели достаточно большое число русских сердец, устроив показательное выступление с бесплатной раздачей платъев.

– Откуда вы знаете?

– Вашу благотворительную акцию бурно обсуждали здесь в отеле. Если бы их «Правда» была нормальной газетой, а не органом партийной пропаганды, в ней сегодня непременно появилась бы соответствующая статья. Сам-то я не очень хорошо читаю по-русски. Зато Док может. Док может все. Исключительная личность. Так как, вы говорили, называется ваше судно?

– Какое еще судно? Ах, ну да... «Александр Радищев».

– Странные у них все-таки имена, вы не находите? Конечно, к ним постепенно привыкаешь. Как, кстати, фамилия того типа, из-за которого вы схлестнулись с их музыкантами на судне?

– Опискин.

– Название судна напоминает редиску, а у этого фамилия просто неприличная. Только они этого не замечают. Скажите, а почему этот Пис –

как-его-там-дальше – так много для вас значит?

– Послушайте, – Пол постепенно начинал терять терпение, – я пришел сюда, чтобы попросить займы немного денег. К сожалению, без этого я обойтись не могу. Но я вовсе не собираюсь вести беседы об Опискине.

– Опискин, Опискин, – забормотал Мэдокс, прикрыв глаза, – я должен помнить это имя. Что же касается, как вы говорите, небольшого займа, думаю, мы можем сделать кое-что получше. Но сначала вы должны рассказать мне все об Опискине.

– Вот второй билет, – сказал Пол, – моей жене он теперь не нужен. Его можно вернуть, но не здесь. В Лондоне. А мне нужно всего несколько фунтов.

– Опискин, – настойчиво повторил Мэдокс.

– Опять, – простонал Пол, но, похоже, смирился. – Это был любимый композитор моего лучшего друга, ныне, к несчастью, покойного. Я собирался продать платья, чтобы помочь его вдове. Вот и все. Но ситуация вышла из-под контроля. И моя поездка в Ленинград сопровождалась таким количеством неприятностей, что я до сих пор не могу из них выпутаться.

– А теперь позвольте мне взглянуть на ваш совместный паспорт, – резко сказал Мэдокс.

– Знаете что, – разозлился Пол, – если вы не хотите мне помочь – не надо. Можете больше не беспокоиться. Но если вы собираетесь втянуть меня в какой-нибудь сомнительный бизнес...

Мэдокс больше не слушал. Он быстрыми и точными движениями обшаривал карманы пиджака, который Пол сиял, перед тем как лечь, и повесил на спинку кровати.

– Вот он где, – удовлетворенно заявил он, вытаскивая маленькую книжицу, удостоверяющую личность Пола, – а вы неплохо выглядите, – сообщил он, мельком взглянув на фотографию, – а ваша супруга – настоящая красавица.

– Не понимаю, что вы хотите...

– Помочь, – улыбнулся Мэдокс, – только помочь. Так что вы еще знаете об Опискине?

– Я немедленно иду к консулу, – сказал Пол, принимая вертикальное положение. – Именно туда следовало отправиться сразу. Прощайте, я ухожу, и спасибо за... ничего. – Он наклонился и начал аккуратно разглаживать помявшиеся брюки.

– Вы идете к Доку, – сказал Мэдокс, произнося слово «Док» так, что оно звучало с большой буквы «Д», – только не немедленно, а через несколько минут. Сейчас Док еще в постели. Ночь была слишком

напряженной. Док помогает людям, а это зачастую является тяжелой работой, как вы, несомненно, знаете, а может быть, и не знаете. Док вам обрадуется, я в этом уверен. Подождите, пожалуйста, здесь. Всего пять минут. После чего вы сможете предстать пред светлые очи Дока. А пока угощайтесь. – Мэдокс сделал рукой приглашающий жест и открыл дверцу бара, за которой стояли сверкающие чистотой стаканы и многочисленные бутылки. – Льда нет, но, если бы мы имели все, что хотели, было бы скучно. Не стесняйтесь, травитесь на здоровье. Я вернусь через пять минут. Опискин, – сказал Мэдокс и покинул комнату.

Пол не нашел в себе сил отказаться от дармовой выпивки. Он налил себе почти полный стакан виски и принялся мерить шагами комнату, чувствуя полную неспособность думать о чем-то серьезном. Перед его мысленным взором снова замелькали карты. Этаким оригинальный пасьянс. Здесь мистер Хасси в образе королевы, а там – валета, у каждого в руках антикварные вещицы. А вот мистер Хасси склоняется в изящном поклоне перед своим антикварным магазином. Только абсолютно пустым, пустым, пустым. Боже правый! А вот и джокер с удивительно знакомым лицом... Пусть она идет своей дорогой, друг мой. Мне она никогда не нравилась. Надеюсь, она будет счастлива. Но однажды ночью она проснется, испытывая мучительную боль, причем вовсе не оттого, что приближаются критические дни. Она будет испытывать угрызения совести. И обязательно захочет вернуться. Вот тогда ее будет подстерегать пренеприятнейшая неожиданность. «Он уехал, уехал, милая леди, и никто не знает куда. Он продал свой магазин и отбыл в неизвестном направлении. И никому не оставил адреса. Говорят, куда-то за границу. Его сердце было разбито, и он отправился искать место, где сможет начать новую жизнь...»

Разбито? Это еще мягко сказано. Полу не очень понравилось виски безо льда. Он поставил стакан и сделал большой глоток из бутылки, имеющей причудливую форму и многообещающее название: «Старуха Смерть». У него сильно дрожали руки, но он не обратил на это особого внимания. От напряжения еще и не такое бывает. Бутылки мелодично звенели, ударяясь друг о друга. Похоже на колокола Опискина.

Вернулся довольный Мэдокс.

– Я все устроил, – сообщил он. – Док примет вас немедленно. С Доком можно повидаться и в таком виде, – сказал он, окинув Пола критическим взглядом, – а к вечеру вы придете в норму. Вам необходимо только как следует отдохнуть. Вы у нас еще будете героем.

– Мне нужна всего лишь небольшая сумма займа, – устало повторил Пол, – больше ничего.

Мэдокс твердой рукой подтолкнул его к выходу. Очень старенькая бабушка медленно подметала длинный, похожий на пенал коридор. Для этой операции она использовала большую уличную метлу. Комната, в которую они направлялись, оказалась совсем рядом. Чуть дальше находился стол дежурной по этажу, на котором Пол успел разглядеть несколько семейных фотографий в простых рамках. Мэдокс негромко постучал в массивную, дубовую и очень уж империалистическую дверь. Знакомый голос пропел разрешение войти. Что они и сделали.

– Как же, как же, я прекрасно помню это лицо. Конечно, это же наш друг – турист. Ну, не совсем турист... Точнее, совсем не турист, не правда ли? Что ж, правда – весьма дорогой товар. Он не в ходу между незнакомцами. Но теперь мы вроде бы уже познакомились, можно и открыть некоторые карты.

Странное существо, с которым Пол имел удовольствие познакомиться на судне, восседало на кровати, облаченное в изысканную парчовую блузу. Кровать была не лучше, чем та, что стояла в комнате Мэдокса, только ее изголовье было украшено выпуклым и позолоченным изображением херувима, выполненным в стиле рококо, а изящное кружевное покрывало придавало ей некоторое сходство с алтарем. На столике рядом с кроватью стоял поднос с завтраком. На полу лежала газета, оказавшаяся сегодняшним номером «Таймс», причем она была аккуратно сложенной и неизмятой, словно ее только что доставили. Пол знал совершенно точно, что это невозможно, и призадумался, стоит ли верить собственным глазам. Его (или ее) артритные пальцы сжимали небольшую книжонку, которая вполне могла сойти за молитвенник, но оказалась унесенным Мэдоксом паспортом. Пол не мог отвести взгляд от величественной, гордо посаженной головы с пышной гривой седых волос, полностью лишенной каких бы то ни было признаков пола. Этаким апокалипсический орел-ястреб-лев.

– В долг, мне необходимо немного денег в долг, – жалобно простонал Пол, – пожалуйста.

Просьба была проигнорирована.

– Сигарету, Мэдокс, и стул для нашего попутчика-филантропа. – Приказания были краткими и точными. – Время дорого, не стоит его терять.

Усевшись рядом с кроватью, Пол с любопытством огляделся. В углу стояло инвалидное кресло, на котором не было ни обычных пледов, ни подушек. Оно было закрыто специальным, тщательно подогнанным чехлом. Пол интуитивно почувствовал, что оно имеет какое-то

таинственное назначение. Каркас кресла и ободы колес были полыми. Выдохнув очередную порцию ароматного дыма, Док сказал (или сказала) Мэдоксу:

– Думаю, теперь тебе известно, что надо делать.

– Но есть же еще и ужин, – сказал Мэдокс, – да и пакетами надо заняться. – Он указал на аккуратно уложенный у стены небольшой штабель из свертков самых разнообразных размеров: одни были очень маленькими, другие – плоскими и прямоугольными, последние, очевидно, были завернутыми в бумагу книгами.

– Об этом не стоит беспокоиться, – существо в постели олицетворяло спокойствие, – обслуживающий персонал в этом отеле тоже должен работать.

– Хорошо, – ответил Мэдокс и подмигнул Полу, – скоро увидимся. Тогда и поговорим о товаре на экспорт. – Полу показалось, что Мэдокс не вышел из комнаты, а растворился в воздухе.

– Я вижу, вас заинтересовали эти свертки. – Голос Дока был сильным и молодым. – Думаете, что Санта-Клаус немного ошибся, перепутал сезон и уже принес детям подарки? Если да, то вы почти угадали.

– А что он говорил о товаре на экспорт?

– Наш Мэдокс любит шутить. Он – человек безусловно полезный, преданный, но большой шутник. Так вот, продолжим. То, что вы видите, это действительно подарки. Но не для детей. Во всяком случае, их предполагаемые получатели себя таковыми не считают. Эти книги в невзрачной упаковке – вовсе не школьные учебники. Как вы думаете, зачем мы здесь – вы, я, Мэдокс? Дать людям то, что они хотят. Ничего больше. А взамен нам нужны только деньги. И не наше дело решать, хорошо или плохо то, что они желают, – леденцы, марихуану, лакричные палочки, «Дейли Миррор», пластиковую посуду, романы мистера Пристли, непристойные открытки, кокаин – мне надо продолжать? Мы все – вы, я, Мэдокс – верим, что у людей должна быть свобода выбора. Поэтому мы здесь. Конечно, мы можем сделать немного. Мы не можем осуществить смену политического режима в стране, обеспечить всех желающих машинами «бентли», биде или молодыми слонятами. Но мы имеем возможность снабдить людей разумным ассортиментом товаров, которых у них нет. Мы хотим дать им немного свободы. Причем мы не являемся ни альтруистами, ни идеалистами. Ад и рай, хлеб насущный и яд – понятия не однозначные, они часто достаточно близки, а зачастую даже могут поменяться местами. То, что для одного – благо, для другого – страшное зло. Поэтому мы не забираемся в высокие материи и не оперируем

категориями добра и зла. Мы делаем деньги. Все остальное нас не интересует.

– Деньги, – снова завел шарманку Пол, – именно за этим я и пришел. Мне необходима небольшая сумма в долг. Очень маленькая. Я не могу доехать отсюда до порта даже на трамвае и купить самых дешевых сигарет. Кроме того, и дома мне придется брать такси. Я же не прошу много. Всего пару фунтов.

– Несчастный... – Жалобная просьба Пола осталась незамеченной. – Судя по состоянию вашей полости рта, новая Россия оказалась вам не по зубам. Только люди, подобные мне, могут выжить здесь.

– А как же «Англорусс»? – Пол, несмотря на отвратительное настроение, неожиданно почувствовал заинтересованность. – Притворство? Лицемерие?

– Ах да. Сегодня мы проводим наш традиционный летний ужин. Жаль, что вы не сможете его посетить. Каждый гость получит небольшой подарок. Видели бы вы, как они всегда радуются, получая даже самый бесполезный сувенир! А здесь их ожидают приятные сюрпризы: книга с красивыми иллюстрациями, упаковка нюхательного табака, для этой леди – коробочка изысканного чая, для того джентльмена – сигареты, которых здесь днем с огнем не достанешь. В этой стране все встало с ног на голову, с тех пор как ликвидировали царя и его семью. Это у них теперь такой новый, модный термин – ликвидировали. Бедный старина Распутин с его грязными... Именно в те времена проявилось истинное очарование этой страны. В ресторанах можно было отведать изысканную французскую кухню, желающие могли совершить комфортабельное путешествие из Петербурга в Москву, подумать только, самовары, меховые муфты и земля, покрытая чистейшим белым снегом! Как это было прекрасно! Иногда, когда Мэдокс собирает плату, так сказать, ответные дары, будем их так называть, он получает не деньги, а настоящие сокровища, например иконы. Поневоле вспомнишь, что когда-то эта страна была великой империей.

– Все это чрезвычайно интересно, – сказал Пол, – но...

– Приятно слышать, что вы находите мои слова интересными, бедный беззубый мальчик. В создавшейся ситуации вы являетесь не более чем жертвой. А теперь мы переходим к той роли, которая отводится вам в этой совершенно безвредной и не слишком доходной работе, которую мы здесь делаем. Мы вполне обоснованно можем называть себя филантропами. Разве филантроп ожидает награды за свою деятельность? Давать людям то, что они хотят, разве это само по себе уже не является наградой? Весьма благородная цель жизни, согласитесь.

– Не всегда, – сказал Пол.

– Не всегда, – повторил Док, – но если, скажем, человек по имени Опискин имеет одно-единственное желание – спастись от жизни, в которой он испытывал только притеснения, причем у него имелись средства и возможности... Я ясно выражаюсь?

– Опискин мертв, – вставил Пол.

– Опискин мертв, – согласился Док. – Музыкант Опискин умер несколько лет назад. О его смерти ходило множество слухов. Рак прямой кишки – вот официальная причина смерти. (Ах, незабвенный Клод Дебюсси, он на самом деле умер от этой же болезни: жизнь, отданная красоте, закончилась болью, вонью и хаосом. Мне посчастливилось познакомиться с ним в Париже.) Я не зря сказал, что это официальная версия, потому что у каждого, кто знал его при жизни, есть основания подозревать совсем другие причины смерти. Но как бы там ни было, Опискин мертв. Но это Опискин-отец – а как насчет Опискина-сына?

– А я и не знал, что у него есть сын, – сказал Пол, – я многого о нем не знал. Это мой бедный, ныне покойный друг увлекался музыкой Опискина.

– Ах да, Мэдокс рассказывал мне что-то об этом. Вам не кажется, что у моего Мэдокса довольно оригинальная манера речи. Обезоруживающая, пожалуй, даже натуральная. Вы говорили об Опискине (поверьте, я помню), потому что были преданы памяти друга. Конечно, конечно. Это делает вам честь. Замена одного лица другим – это выражение теперь часто появляется в печати, причем в самых разных контекстах. Если быть кратким, то дело обстоит следующим образом: сын Опискина живет здесь, в Петербурге, со своей тетей. Причем пребывает в вечном страхе услышать ночью стук в дверь, увидеть ожидающую черную машину, ощутить сопровождаемые пьяным смехом удары тяжелых кулаков и в итоге закончить свои дни в тюремной камере. Это похоже на греческую трагедию: весь род Опискиных должен быть полностью уничтожен. И тут появляетесь вы с паспортом на двоих. Это как с двуспальной кроватью, у которой используется только одна половина. Согласитесь, что не использовать вторую просто грех. Вы приехали сюда с женой (которую я, кстати, не имел удовольствия видеть на борту этого ужасного корабля. Я полагаю, судя по фотографии, она должна быть очень милым человеком), а теперь собираетесь вернуться назад без своей второй половины.

– Все произошло независимо от моего желания, – пожал плечами Пол, – я вынужден возвратиться домой один. И кстати, мне не совсем понятно, что именно я могу сделать для молодого Опискина. Чего, собственно говоря, вы от меня ждете? Я пришел к вам всего-навсего занять

небольшую сумму денег.

– Давайте говорить не о займе, а об оплате за оказанную услугу. Ну, скажем, пятьсот фунтов наличными вас устроит? Под моей кроватью стоит металлический ящик, вы можете взглянуть на деньги, если хотите.

– Но что я должен сделать?

– Сейчас Мэдокс уже, наверное, связался с юным Опискиным. Хотя, конечно, мой верный секретарь всегда непозволительно долго одевается и прихорашивается. Кстати, композиторского сына зовут Алексей, а по отчеству он Петрович.

– Еще один Алексей на мою голову, – вздохнул Пол.

– Вы можете назвать его как вам будет угодно. – Старческая физиономия расплылась в улыбке. – Муж имеет право обращаться к жене как-нибудь уменьшительно-ласкательно. Вам, наверное, больно будет называть его настоящим именем вашей сбежавшей супруги. Вы уже и так достаточно натерпелись в этой поездке.

– Фантастика, – сказал Пол.

– О, – парировал Док, – в нашей жизни нет ничего невероятного. Даже сказки, доложу я вам... что-то я отвлекся. Мэдокс позаботится обо всем. Должно быть, молодому Опискину придется носить вещи его тети: хотя что-то другое, более западное, подошло бы больше.

– Мэдокс, – пробормотал Пол, вспоминая сделку, заключенную несколько дней назад, – позаботится обо всем. Но, – он добавил, – я ни минуты не сомневаюсь, что...

– К счастью, он отрастил волосы вполне достаточной длины, чтобы выглядеть пристойно. Вы даже не представляете, мой мальчик, какое благое дело совершаете. – Док зевнул (или зевнула). – Мэдокс иногда умеет творить чудеса. Он обеспечит вам каюту люкс на «Александре Радищеве». Вместе вы направляетесь в Хельсинки. Там у него друзья. (Еще один зевок.) Из Хельсинки вы уже в одиночестве полетите в Лондон. Пятьсот фунтов – ваш гонорар. Кроме того, вам, разумеется, оплатят все непредвиденные расходы.

– Я не собираюсь этого делать, – сказал Пол.

– Россия, – мечтательно сказал Док, – мне кажется, нам надо двигаться дальше, на восток. Я имею в виду Мэдокса и себя. Я больше не могу выносить бесконечные категории, классификации и противоположности. Добро и зло, мужчины и женщины, плюсы и минусы... Надоело! В Европе жить невозможно, а Россия теперь стала самой европейской из всех.

– Нет, я не стану этого делать, – заявил Пол.

Глава 10

В комнате Мэдокса шло свадебное пиршество. Энергичный пожилой официант в пенсне и теннисных туфлях уставил небольшой стол местными яствами. Здесь был московский борщ (бледная копия своего украинского собрата), черный хлеб, консервированные крабы и салат из огурцов со сметаной. Благодаря неослабным усилиям Пола Мэдокс уже лишился значительной части своих запасов виски. Но это не помогло несчастному антиквару смириться с существованием неприглядной личности, сидевшей напротив него за столом и поглощающей пищу с аппетитом отработавшего целый день на пашне крестьянина. При этом он еще и громко чавкал. И это сын великого композитора? Невероятно!

– Милая, милая, – громко проговорил Пол. Для практики. Юный Опискин тут же перестал жевать и испуганно взглянул на него. – Ты должен привыкнуть к моему голосу, – назидательно сказал Пол. – И постарайся сделать вид, что ты понимаешь английский, черт бы тебя побрал.

– Спокойно, – сказал Мэдокс, – не надо эмоций. Все равно вам придется временно полюбить друг друга.

Пол тяжело вздохнул и похлопал себя по груди. Во внутреннем кармане лежали пятьсот фунтов. Вернее, не вся сумма, но большая ее часть. Пол рассовал деньги по разным карманам. Так ему казалось надежнее. Он снова посмотрел на молодого Опискина и заставил себя улыбнуться. Это оказалось труднее, чем он рассчитывал. Они еще не привыкли друг к другу. Опискин-сын был одет в дрилоновое платье, которое Пол продал Мэдоксу, кроме того, на нем было грубое нижнее белье, купленное в соседнем магазине. В таком же, надо полагать, ходили все русские женщины. На ноги ему обули нечто, весьма напоминающее хирургические бахилы, и сильно поношенные босоножки на толстом стоптанном каблуке. Грудь соорудили из тряпок, но левая грудь получилась несколько больше и (словно поэтому) немного ниже. Молодой Опискин обладал внушительной комплекцией, толстой шеей и поросшими густой растительностью толстыми руками, которые, несмотря на все старания Мэдокса, не удалось выбрить чисто. Юноша явно не унаследовал изящества, которое бедный Роберт находил в музыке его отца. А его физиономия, обрамленная жесткой проволокой волос, была настолько мужской, что всякий раз при взгляде на нее у Пола начинало ныть сердце. Фотографию на паспорте уже заменили,

причем сделали это весьма квалифицированно. Пол, как ни старался, не нашел к чему придраться. Всякий раз, вспоминая о новой фотографии, которая заменила очаровательное личико Белинды, Пол ощущал злорадное удовлетворение. Это была его маленькая месть за ее побег. Видела бы Белинда свою преемницу!

Только одно заставляло Пола проявлять снисходительную доброжелательность к своему неожиданному спутнику – приятная тяжесть в кармане.

Великий русский композитор, не признанный в своем отечестве и всеми гонимый, потому что писал слишком хорошую музыку, породил на свет этого отпрыска – свое величайшее творение. А как его (композитора) любил Роберт!

– Я не понимаю, – сказал он Мэдоксу, – откуда у него деньги? Насколько я понимаю, он как раз едет к деньгам. У знаменитого папаши наверняка припрятаны немалые суммы в западных банках. Но как он раздобыл деньги здесь?

– Они их умеют находить, – вздохнул Мэдокс, – вы бы удивились, узнав, как эти нищие пролетарии умеют быстро обзаводиться деньгами, если приложат к этому определенные усилия. Иногда, правда, они предлагают не деньги, а свое имущество. Зачастую у них есть неплохие дачи или произведения искусства. Не поверите, но нам однажды пытались навязать настоящий боевой самолет, «МиГ», кажется. Но мы не стали связываться. Слишком рискованно. Когда они начинают торговаться, мы обычно задаем только один вопрос: «А сколько, по-вашему, стоит свобода?» Это их сразу приводит в чувство.

– А кого-нибудь ловили? – с замиранием сердца спросил Пол.

– Вы бы лучше занялись друг другом, голубки, – повысил голос Мэдокс. – Кстати, вы уж не обессудьте, что обошлось без свадебного пирога, но так уж повелось, что все иметь невозможно. Кстати, вы отплываете в десять. Я заказал для вас машину. Взятничество, кругом взяточничество! Пришлось переплатить десять рублей! Коррупция погубит эту страну.

– Пойдем, дорогая, – проворковал Пол, протягивая свою узкую, женственную руку навстречу рабочей лапе молодого Опискина. – Боже мой, – вздохнул он, – где же кольцо?

– Я никогда и не утверждал, что безупречен, – вздохнул Мэдокс, – я тоже человек и могу что-то забыть. Ну ничего, сейчас что-нибудь придумаем. Снимем с занавески? Нет, не подойдет. На столе должны быть кольца для салфеток... Нет, тоже великовато. Пожалуй, выход один – найти

кусочек фольги.

Немного поколдовав, Мэдокс обернул толстый и волосатый палец Опискина-сына полоской фольги.

– Ну а теперь, – торжественно объявил он, – вам следует попрощаться со стариной Доком.

«Невеста» Пола неуклюже открыл толстыми пальцами пудреницу, мазнул пуховкой по мясистому носу и убрал ее. Затем он, желая доказать свою полезность, легко подхватил оба чемодана – свой собственный и Пола.

– Так не пойдет, – запротестовал Пол, украдкой разглядывая своего спутника. Это был неплохо сложенный, хотя и слишком крупный юноша двадцати шести лет от роду (правда, теперь, согласно паспорту, он, то есть Белинда, вплотную приблизился к сороколетнему юбилею). Жене Пола удалось здорово помолодеть и прибавить в весе, питаясь отличными советскими продуктами. Опискин широко шагал немного впереди, зажав под мышкой сумочку. Голову он повязал шелковым шарфом, купленным Полом в Копенгагене для жены.

– Теперь я вижу, – вполголоса сказал Пол Мэдоксу, – что в моем согласии на это мероприятие имеется немалая доля героизма.

Док гордо восседал в кресле. Грива седых волос, слегка отливающих голубизной, была аккуратно расчесана, глаза блестели, словно только что закапанные декседрином. Его ноги снова были надежно укутаны пледами, шея и грудь покрыты роскошной шалью. Вопрос пола так и остался открытым. Пол уже совсем было решился спросить об этом самого Дока, но в последний момент передумал. Любое человеческое существо имеет право на свои маленькие секреты.

– Благословляю вас, дети мои, – торжественно заявил Док, – пусть ваш союз будет долгим и счастливым и даст многочисленное потомство. – Пол так и не смог припомнить, откуда Док взял эту цитату. – Мэдокс и я чрезвычайно сожалеем, что не сможем проводить вас, потому что сегодня вечером мы устраиваем здесь большой прием, по я искренне надеюсь, что вы за это на нас не в обиде. И последнее, что я хотел сказать: с сегодняшнего вечера «Англорусс» прекращает свое существование. Оповещать широкую общественность об этом я не буду. Мы уйдем тихо и спокойно, без шумихи. Мы здесь уже сделали все, что могли. Нас будут помнить многие.

– Если позволите, Док, – вмешался Мэдокс, – я бы хотел сказать: не будьте слишком жестоки с ними сегодня, не стоит слишком много говорить о пьяных крестьянах и разлагающихся на полях трупах коров. Ваши гости

опять обидятся.

– Ерунда, – отрезал Док, – им нравится, когда их оскорбляют. Они даже ждут представителя цивилизованного Запада, который приедет и отругает их за глупость. Уж поверьте моему опыту, Хасси, эта их система – не слишком удачный эксперимент. И не более того. Она рано или поздно умрет. Самоликвидируется. Россия очень велика. Она гораздо больше, чем об этом кричат ее бездарные профсоюзные боссы. А об истинном величии русской души вы и представления не имеете. И я ни минуты не сомневаюсь, что в глубине души русские понимают, что слова, подобные моим, хотя и могут на первый взгляд показаться излишне язвительными и жестокими, на самом деле идут от чистого сердца, согретого большой и настоящей любовью к этим людям. И это вовсе не завывание капиталистических шакалов. Как вы думаете, почему они читают из наших газет только «Daily Worker»? Не знаете? Чтобы посмеяться. На деле они ни в грош не ставят наших коммунистов и уважают только образ английского аристократа. Да, еще одно...

– Лучше давайте я провожу эту парочку вниз к машине, – перебил Мэдокс, – иначе они рискуют опоздать к отплытию. Осталось не так много времени.

– Очень хорошо, – не стал спорить Док, – мы с вами еще обязательно поговорим, Хасси, я в этом уверен. Не знаю, где и когда, но наши пути непременно пересекутся. А теперь прощайте.

Слова прощания звучали необыкновенно торжественно, словно были произнесены в церкви с алтаря. Юный Опискин определенно забеспокоился. Судя по его растерянной физиономии, если бы не слишком узкая юбка, он бы непременно преклонил колени, чтобы получить благословение. Пол и его жена, в сопровождении Мэдокса, на цыпочках покинули комнату.

В отель уже начали прибывать гости на устраиваемый «Англоруссом» торжественный прием. Толстый мужичок в голубой форме окинул мощную фигуру молодого Опискина плотоядным взглядом. Тот глупо хихикнул. Ему было строго-настрого приказано открывать рот только для того, чтобы улыбаться. Молодой Опискин был удивительно малообразован, тем более для сына великого музыканта. Он говорил только на одном языке – русском, да и то неграмотно.

На улицы Ленинграда уже опустилась благословенная темнота. Редкие трамваи, звеня, катили по Невскому проспекту.

– Вот мы и пришли, – сказал Мэдокс, указав на ожидающую машину.

Водитель выглянул из окошка и заулыбался. У него было лукавое

выражение лица человека, никогда не упускающего свой шанс.

– Этому проныре уже заплачено, – неприязненно проговорил Мэдокс, – больше ему ничего не давайте.

Затем Мэдокс с чувством пожал руку Пола.

– Прощайте, мой добрый друг. Я непременно напишу вам. Кстати, меня зовут Арнольд.

Пол ответил на рукопожатие, твердо зная, что Мэдокс никогда не выполнит свое обещание и навсегда останется для него своеобразной достопримечательностью Ленинграда. Может быть, это и к лучшему.

По дороге в порт Пол тихо шепнул юному Опискину:

– Должен признаться, я восхищаюсь работами твоего отца. Он был несомненно великим человеком. – Проплывавший за окнами пейзаж отнюдь не радовал глаз. Трущобы, облезлые стены полуразвалившихся складов. Все как в Бродкастере его детства. Машина была грязной и неухоженной. Пол хотел закурить, но пепельница оказалась переполненной. Ему захотелось плакать. – Великий композитор, – с чувством повторил он.

Сын знаменитости хихикнул.

Ворота порта. Паспортный контроль. Жена Пола искоса следил за чиновником, державшим в руках паспорт, и делал вид, что это его не касается. Первая проверка закончилась благополучно. Потом был долгий и утомительный путь между складов, штабелей и кранов, и наконец они подошли к пассажирскому вокзалу, в который вели массивные каменные ступеньки. По ступеням в здание плавно втекала толпа, люди были в приподнятом настроении, словно шли в театр. А заключительная сцена спектакля ожидала их по другую сторону вокзала – на причале. Там стоял, слегка покачиваясь, огромный теплоход, который казался сказочным гигантом на фоне звездного балтийского неба. Пол, которого наличие внушительной суммы в кармане настроило на благодушный лад, дал таксисту рубль, чтобы тот донес чемоданы до вокзала.

– До свидания, – вежливо попрощался Опискин.

– Ты спятил? – зашипел Пол. – Забыл, что ты – английская леди. И не знаешь ни слова по-русски.

В зале таможенного контроля было полно народу. Это устраивало Пола как нельзя больше. Обалдевшие чиновники максимально упростили и сократили необходимые формальности. Пол с супругой быстро прошли через таможенный контроль, затем благополучно получили штамп в паспорте, причем на страничку с фотографией Опискина никто даже не посмотрел. И вот супружеская чета Гасси вышла на причал, где под

темным балтийским небом их ожидал «Александр Радищев», добродушно поглядывающий на своих будущих пассажиров многочисленными глазами – иллюминаторами. Одиноким пассажир, человек пьяный, но явно образованный, что-то допивал в сторонке. Его кадык энергично двигался взад-вперед, а сам он, временами отрываясь от бутылки, приговаривал, глядя в небо:

– А вот и Плутон, задница Солнечной системы.

Безопасность! Безопасность! – ликовала душа Пола. Пропустив вперед супругу, он уже подошел к трапу, когда сзади послышался голос:

– Мистер Гасси! Мистер Гасси!

Ну вот и все, попытка оказалась неудачной, а ведь они были так близки к успеху!

– Я искал вас, – пыхтел Зверьков, – везде искал. Я хотел выпить с вами на дорожку... Значит, это и есть миссис Гасси... – Опискин хихикнул. Подчинившись напору советского официального лица, Пол выдернул супругу из очереди. Слава богу, уже совсем стемнело.

– Она не совсем хорошо себя чувствует, – сказал Пол, – я хотел, чтобы она отправилась прямо в постель. Сами понимаете, у нее получился не слишком удачный отдых.

– Она исключительно красивая женщина, – проявил галантность Зверьков, не разглядевший Опискина. – Я надеюсь (теперь он обращался уже к Полу), что вы не держите на нас зла. Мы только выполняли свой долг, Карамзин и я.

– А где сейчас Карамзин? – поинтересовался Пол.

– На занятиях. Он изучает историю хореографии в вечернем институте культуры. Но он просил передать вам свои наилучшие пожелания. Он искренне надеется, что вы не слишком обижены на него из-за зубов.

– Что вы, ничего страшного не произошло. Он же выбил всего четыре штуки. У меня еще много осталось.

– Все это результат небольшой ошибки, миссис Гасси, – объяснил Зверьков. Здесь на причале, стоя у борта огромного океанского лайнера, Зверьков казался каким-то маленьким, ничтожным. Его нищенская одежонка как-то особенно сильно бросалась в глаза. Свежий морской ветерок с трудом шевелил его грязные, сальные волосы. – Мы не хотели причинить вам вред.

Юный Опискин снова хихикнул.

– Я уверен, – удивился Зверьков, внимательно вглядываясь в его скрытое темной кожей лицо, – что мы уже встречались.

– Не думаю, – быстро вмешался Пол, – моя жена все это время провела

в больнице. – Опискин снова хихикнул и повел могучими плечами.

– Она определенно обладает удивительным чувством юмора, – хмыкнул Зверьков, – она смеется и над вашими неприятностями, и над своими. Я заметил, что посещающим нашу страну англоговорящим туристам всегда свойственно огромное чувство юмора. Надеюсь, – сказал он Полу, – вам понравилось пребывание в Ленинграде. Но наверное, вы не захотите больше к нам приехать. В мире еще так много интересных мест. – Его физиономия неожиданно стала печальной. – Мы здесь очень счастливы, – проговорил он. – Мы идем своим путем. И нас, к сожалению, не всегда понимают. – Его взгляд замер на обнаженных мускулистых руках Опискина.

– Все было прекрасно, – поспешно выпалил Пол. – Я навсегда запомню каждую минуту пребывания в вашем удивительном городе. – Он протянул Зверькову руку, но тот, казалось, ее даже не заметил. Вместо этого он грубо облапил Пола и поцеловал его в обе щеки. Затем, явно имея те же намерения, он подступил к Опискину. – Не стоит, – поспешно загородил супругу Пол, – у нее может быть инфекция.

– Прощайте! Прощайте! – кричал Зверьков, пока Пол, пропустив вперед Опискина, поднимался по трапу. На палубе толпился народ. Оглянувшись, Пол увидел на причале маленького Зверькова, который из всех сил размахивал рукой. Неужели не устал?

К чете Гасси подошла темноволосая стюардесса и, улыбнувшись, спросила:

– Номер вашей каюты, пожалуйста?

– Люкс, – ответил Пол, – по заказу мистера Мэдокса.

– Конечно, – обрадовалась стюардесса, – между прочим, в этой каюте однажды путешествовал сам товарищ Хрущев. Кстати, какой предлог следует употребить перед словом «каюта»? Понимаете, мы используем любую возможность, чтобы усовершенствовать наши знания английского языка.

Пол вздохнул.

– Я буду рад дать вам дополнительный урок... – сказал он и тут же понял, что погорячился: не заниматься же этим в присутствии жены, больше смахивающей на атлета-тяжеловеса, которая к тому же поглядывает на изящную стюардессу с выражением лица, весьма далеким от сестринского. Да и состояние его собственной полости рта не располагает даже к легкому флирту. Вампир Дракула, а не добропорядочный английский антиквар, – по как-нибудь потом.

Они шли по коридору, наполненному специфическими судовыми

запахами (масло, рыба и еще что-то непонятное. Вдали замаячил призрак морской болезни), к каюте. Степы были увешаны плакатами и стенными газетами, изображавшими в разных видах гоблина Хрущева. В конце концов они достигли каюты люкс, где получили возможность лицезреть две кровати. На одной из них спал Хрущев.

– А кто спал с Хрущевым? – любопытствовал Пол.

– Ну... об этом не принято говорить, – ответила стюардесса.

Каюта была достаточно просторной. Выпроводив стюардессу, Пол запер дверь и самым внимательным образом обследовал каждый угол. Даже заглянул в шкаф и под койки. Большие окна гостиной выходили на рабочую палубу. В помещении стояло несколько стульев, покрытый скатертью стол и сломанный радиоприемник. На столе лежали книги об успехах коммунистической партии. Спальня тоже не поражала обилием мебели. Две кровати, накрытые пыльными покрывалами, между ними потертый ковер. По стенам ванной змеились желтовато-коричневые трубы, краны радовали глаз глянцевым блеском. Безопасность! Безопасность! Безопасность!

Пол окинул строгим взглядом юношу в дрилоновом платье.

– Хорошо, теперь раздевайся и ложись в постель. Нет, бюстгальтер не трогай. Женская грудь остается в любой ситуации. Вот ночная рубашка твоей тети. – Он произносил русские фразы медленно и старательно.

Юный Опискин уже успел разоблачиться и устроиться в постели. Да... в нем определенно не было ничего женского. Он снова хихикнул.

– Ладно, – пожал плечами Пол, – думаю, здесь можно говорить по-русски. Только очень тихо.

– Хочу водки, – тут же выпалил Опискин. – Прямо сейчас.

– Придется подождать, – Пол сел на свою кровать, – бары откроются только после отхода. Скажи, – спросил он, – а что ты собираешься делать в Хельсинки?

– Херра Ахонен, – ответил Опискин и произвел руками несколько движений, которые, по всей видимости, означали поворот руля.

– Это я знаю. Мистер Ахонен встретит нас на своей машине. А что потом? Как ты будешь жить? Гонорары твоего отца закончатся очень быстро. – Услышав эти слова, юный Опискин удивленно поднял глаза. Создавалось впечатление, что он впервые в жизни слышит слово «гонорар». Затем он насупился и закурил сигарету «Друг», отчего Пол сразу же раскашлялся. – Я хотел спросить, ты владеешь каким-нибудь ремеслом? Профессией? Чем ты занимался в Ленинграде?

Опискин громко рассмеялся, будто услышал нечто чрезвычайно

забавное. Теперь настала очередь Пола хмуриться. Он не видел в своих словах ничего смешного.

А в это время судно готовилось покинуть порт. Наиболее любознательные пассажиры стояли на палубе, чтобы не пропустить момент отхода. Где-то там осталась Белинда. Она постепенно становилась частичкой прошлого.

– Хочу водки, – капризно повторил Опискин.

– Ладно, я позвоню, – вздохнул Пол. Колокольчик. Колокол. Знаменитое сочинение Опискина-отца. Воспоминание было похоже на сладко пахнущее кипящее варенье. – Не волнуйся, все будет хорошо. Я присмотрю за тобой, малыш. – Правда, Опискин-младший, похоже, не слишком беспокоился. Облаченный в безразмерную ночную рубашку своей тети, он спокойно развалился на кровати и курил. Даже если он и не вполне доверял своему супругу, Опискин свято верил в силу денег, которые Пол уже получил. Несколько раз дернув за веревочку колокольчика в спальне, Пол вышел в гостиную, решив, что лучше подождать стюардессу около входной двери. Очень скоро, а именно быстрого обслуживания вправе ожидать пассажир каюты класса люкс, в дверь постучали. Стук был громкий и жизнерадостный, хотя Пол считал, что в дверь люкса следует стучать очень осторожно, чтобы, не дай бог, не побеспокоить занимающих его важных особ. Пол открыл дверь и остолбенел.

Костюм от Бертон или Джона Колье, ребячливое лицо, очень красная нижняя губа. Это был Егор Ильич собственной персоной, личность, отвечающая за ресторан для пассажиров первого класса на «Исааке Бродском», судне, на котором Пол и Белинда прибыли в Ленинград. Он моментально узнал своего старого знакомого и сразу же принялся приплясывать вокруг и размахивать кулаками, словно вызывая того на боксерский поединок. Улыбаясь во весь рот и угрожающе наступая, Егор Ильич постепенно подтолкнул ошарашенного Пола к стене и затанцевал к двери спальни.

– Я вспомнил, – воскликнул Егор Ильич, – ты – дядя Павел. А где же твоя вторая половина? Там? – И он издал громкий чмокающий звук, который, судя по всему, должен был означать высшую степень одобрения Егором Ильичом всех достоинств Белинды.

– Уйди, – взвизгнул Пол, – отойди от спальни! Она больна! Не лезь туда!

Но не тут-то было. Егор Ильич не изменил направления движения. Его напояженные волосы и влажная нижняя губа радостно сверкали. Пол сделал попытку встать на его пути, но как раз в это время один из

шутливых ударов Егора Ильича достиг цели. Его кулак встретился с животом Пола. В нормальном состоянии Пол наверняка ничего бы не почувствовал. Но за день до этого его пищеварительный тракт изрядно натерпелся от совсем другого кулака и еще не успел полностью восстановиться. Поэтому даже слабый толчок заставил его на секунду скорчиться от боли. А Егор Ильич тем временем исполнил очередное замысловатое на и, радостно напевая, ворвался в спальню. Пол влетел вслед за ним, проклиная все на свете и растирая пострадавший живот. Егор Ильич так и застыл с разинутым ртом, глядя на развалившегося на кровати Опискина-младшего.

– Это не твоя жена, – пискнул он, когда к нему вернулась способность к членораздельной речи, – это вообще не женщина.

Возразить на это было нечего. Опискину не следовало чесать именно это место.

Глава 11

– Шутка, – заявил Пол, криво улыбнувшись. (Он мог хотя бы почесать это место через простыню.) По мнению Пола, Опискин-младший был удивительно дурно воспитан, причем за последние несколько часов он умудрился избавиться от последних представлений о хороших манерах. Сейчас он, похоже, не желал понимать, что речь идет об их жизни и смерти.

– Что? – переспросил изумленный Егор Ильич, воинственно выставив вперед нижнюю губу.

– Да, да. Это обычная шутка. – Пол широко улыбнулся. Когда жизнь заставляла его демонстрировать свою лишенную зубов нижнюю челюсть, он чувствовал себя голым. – Моей жены здесь нет. Она в другом месте. А этот мужчина изображает мою жену. Это всего лишь шутка. Забавно, не правда ли?

– Шутка, – повторил Егор Ильич, но почему-то не засмеялся. – Да, конечно, это обычная шутка. (Пол был очень зол на Опискина, но из всех сил старался сохранять объективность. Он подумал, что этот юноша заплатил хорошие деньги за то, чтобы оказаться в безопасности. Поэтому он вправе ожидать, что он, как любая порядочная женщина, будет защищен от беззастенчивых вторжений излишне фамильярных танцующих стюардов.) Так что я должен принести? – Егор Ильич хмуро взглянул на Опискина. Полу очень не понравилось выражение его лица. – Осетрину, сметану, красную икру, да?

– Пить, – сказал Пол. – Мы хотим выпить. Да, и вот еще... – Он достал из кармана деньги, добрую, старую и исключительно надежную английскую валюту, и, лизнув палец, отделил от небольшой пачки банкнот достоинством в один фунт, затем немного подумал и добавил еще один. Два фунта, решил он, как-то надежнее. – Пусть это шутка останется нашей маленькой тайной, – проговорил он, – ты ведь никому не скажешь, правда? Здесь три фунта.

– За пять я точно никому не скажу, – сообщил Егор Ильич, не сводя взгляда с кармана, куда Пол убрал деньги. (Жадина... коррупционер. Да ладно, черт с ним. Пусть будет пять фунтов. Все-таки это сын великого композитора, музыку которого так любил бедный Роберт.) Егор Ильич аккуратно уложил деньги в нагрудный карман, прикрыв их белоснежным носовым платком, и снова уставился на карман Пола. – Вообще-то лучше шесть фунтов, – заявил он, – тогда я смогу купить подарок для жены.

Пол никак не мог решить, как ему следует поступить с Егором Ильичом. Он представил себе, как облаченный в ночную рубашку своей тети юный Опискин медленно встает с постели и, сжав свои пудовые кулаки, надвигается на Егора Ильича. Затем они его прячут в ванной или в шкафу, связанного по рукам и ногам и с кляпом во рту. И держат его до прибытия в Хельсинки. А что потом? Бросить его в море? Усыпить? Уговорить молчать?

– Пойдем в бар, – устало сказал Пол Егору Ильичу. – Выпьем. А ты, Чарли, – он повернулся к Опискину и подмигнул, – останься здесь. Я принесу тебе чего-нибудь, чтобы ты не умер от жажды.

Опискин хихикнул. Егор Ильич снова затанцевал, изображая нападающего боксера. Черт с ним, главное – увести его отсюда подальше. Заставить молчать. Заставить забыть.

– Где бар? – спросил Пол, запирая дверь каюты на ключ. Егор Ильич повел его через помещения экипажа. На пути им несколько раз попадались группы одетых в грязные робы матросов, играющих в карты. А потом они прошли через подсобное помещение ресторана или столовой экипажа, где хмурый и неопрятный тип ронял пепел с приклеенной в уголке рта папиросы на бутерброды, приготовлением которых занимался. В бар первого класса они вошли через служебный вход.

В помещении было полно народу. В основном это были мужчины. Пол заметил только одну очень пожилую женщину, которая держала в дрожащей руке стакан с содержимым зеленоватого цвета. Бар был грязным, но с претензией на буржуазную роскошь. Все напитки здесь подавались в пивных стаканах.

– Коньяк, одну бутылку, – крикнул Пол, – и не беспокойтесь о стаканах. – Стоящий рядом жилистый мужичок небольшого роста в очках укоризненно покачал головой.

Пол сделал большой глоток.

– За ваше здоровье! – торжественно провозгласил он.

– За ваше здоровье! – ответил Егор Ильич, тоже приложился к бутылке и высосал не меньше десятой части содержимого.

– Это, – сказал молодой человек, обладавший пронзительным, визгливым голосом, – первый признак того, что порядок отсутствует везде, даже на самом верху.

– За ваше здоровье!

– За ваше здоровье! За мир во всем мире!

– Совершенно верно, – вмешался жилистый коротышка, – мы все хотим мира. И не желаем повторять ошибок прошлого. Нет, было, конечно,

и что-то хорошее, но в целом... И если опять случится какая-нибудь заварушка, ее начнете именно вы, русские ублюдки.

– Они такие же простые парни, как мы с тобой, – вмешался мужчина, сидящий за столиком. – Том, Дик или Гарри. Только имена у них другие.

Судя по его болезненной худобе и землисто-серому цвету лица, он был тяжело болен. Пол решил, что, наверное, у него рак, и впервые за весь вечер подумал о смерти.

– За ваше здоровье!

– За ваше здоровье!

Придется просто-напросто напоить Егора Ильича. Пьяный, он уснет и продрыхнет завтра до полудня. Господи, пусть скорее наступит завтра. И все закончится. Пол уже видел себя спокойно сидящим в чистом финском баре, окруженный женщинами с глазами голубыми и глубокими, как прозрачные горные озера. Он посмотрит, как юный Опискин двинется навстречу новой жизни, а потом спокойно пропустит в баре кружечку-другую пивка, в ожидании объявления посадки на свой рейс. Пол инстинктивно уперся правой ногой в палубу, словно нажимал на педаль акселератора. Скорее! Скорее!

– За ваше здоровье!

– За ваше здоровье!

– Простой рабочий, обычный член профсоюза не хочет войны, – сказал больной раком.

– Я, – вздохнул человек с визгливым голосом, – специализировался на изучении эпохи ранних Тюдоров. Русские с тех пор не изменились. 1554 год. Письма Ченселора. Слушайте: «Они все как один – проходимцы и мошенники. Держать в узде их можно только при помощи физических наказаний. Им свойственны беспробудное пьянство, распутство и вымогательство». Какими они были тогда, такими и остались по сей день. Им нельзя доверять.

– Ты, – буркнул толстяк с гладко прилизанными светлыми волосами, – наверное, профессор?

– Пока нет. Но я читаю лекции.

– Ты – профессор. Ну и говори о своем профессорском классе. А с нами все обстоит по-иному.

– За ваше здоровье!

– За ваше здоровье!

– За ваше здоровье! Англичане – клевые парни. А английские бабы – те еще штучки. Шутки шутят, – заливался Егор Ильич.

– С ним полный порядок, видишь? Он русский парень, простой

рабочий. Он нацепил вечерний костюм, но это его рабочая форма. Все равно он рабочий.

– Что-то я не вижу, чтобы он сейчас был занят своей работой.

Человек с маленькой розочкой в петлице нервно забарабанил по столу.

– Они вчера полностью выложились, когда бились с нашими парнями. Жаль, что железный занавес не допускает купли и продажи. Тот, что был на левом краю, как его фамилия?

– Настиков... или как-то очень похоже.

– За ваше здоровье!

– За ваше здоровье!

Бутылка уже почти опустела. Причем ее почти полностью опорожнил Егор Ильич. Полу досталось всего несколько глотков. Глазенки стюарда ярко горели, как изюминки в известной рождественской игре, нижняя губа угрожающе покраснела, но в целом он был почти трезв и преисполнен готовности продолжать застолье.

– ...Заработали пенальти за игру руками, а затем последовал тот удар в перекладину. Потом передача справа этому... как-там-его-зовут, а от него другому... не помню...

– Что-то, оканчивающееся на -инский.

– И прямо в сетку.

– А русские варвары начали приставать к нашим людям с вопросами: откуда они и зачем приехали. Наши ответили, что они англичане и не ищут ничего, кроме дружбы и взаимопонимания, которые пойдут на пользу обоим королевствам...

– Он все это знает. Скажи ему.

– Еще одна бутылка, – крикнул Пол.

– Смотри, англичанин, а по-русски говорит как абориген.

– Не называй их так. Они не аборигены. Они такие же, как мы с тобой.

Откупорили вторую бутылку коньяка. Всякий раз, когда Пол задирает голову, чтобы сделать глоток, у него громко похрустывала шея. Стаканов не было.

– За ваше здоровье!

– За ваше здоровье!

– Знаете, – сказал сопящий толстяк с плоской, квадратной физиономией, – если бы все было сделано как положено, они бы пошли тем же путем.

– Где стаканы?

– По бутылке каждому!

– Слушайте: «Если человека поймали на воровстве, его сажают в

тюрьму, бьют, но на первый раз не вешают. Это они называют милосердием. Если он повторяет свой проступок вторично, ему разрывают ноздри и ставят клеймо на лбу. На третий раз его вешают».

– За ваше здоровье!

– За ваше здоровье!

– У нас есть два стакана, – просипел мужчина с одышкой, – я могу налить.

– Нет, нет и еще раз нет, – запротестовал Пол, – вы ничего не понимаете. Я пытаюсь его напоить. На это есть особые причины. Очень важные. Вопрос жизни и смерти.

– По-моему, он в полном порядке, – усомнился человек с розочкой в петлице, – а вот ты уже хорош.

– Пожалуй, – не стал спорить Пол. – Я вижу, вы спортсмены. Пospорьте с ним на фунт, сможет ли он выпить эту бутылку сам.

– Тогда получится обман, – сообщил больной с землистым лицом, – нечестно.

– За ваше здоровье! – пылко провозгласил Егор Ильич.

– Нет, – икнул Пол, – теперь ты один.

– Почему все самое лучшее достается какому-то грязному русскому? – вздохнул только что подошедший тип, от которого за версту несло прогорклым маслом. – Где этот хмырь воспитывался?

– Ладно, – согласился толстяк с прилизанными волосами, – дам ему пять шиллингов, если он это сделает.

. – Добавьте еще пять от меня, – вскинулся юный знаток эпохи Тюдоров, – за удовольствие видеть его на полу.

– Это же месть! А еще образованный человек. Невежда, вот ты кто.

– Я их ненавижу, – выпалил юноша, – и не скрываю этого. По крайней мере, это честно.

– Еще десять шиллингов от меня, – сказал Пол. – Слышишь? – Он ткнул Егора Ильича в бок. – Получишь фунт, если выпьешь весь коньяк до дна. Один милый, славный фунт. – И он помахал банкнотом перед носом Егора Ильича.

– Понимаю, – сказал Егор Ильич. Он взял бутылку и повернулся к собравшейся вокруг них компании. – За ваше здоровье!

– Я тоже как-то раз был вынужден сделать то же самое, – сообщил Пол, – только я выпил бутылку водки. И при этом едва не вывалился в окно. Меня держали за ногу.

– Тогда пусть он тоже вылезет в иллюминатор, – предложил будущий профессор. – А мы подержим его за ногу.

– Мечь!

Егор Ильич начал пить. Бутылка медленно, но неуклонно поднималась все выше и выше, описывая дугу, центром которой были толстые, влажные губы, присосавшиеся к горлышку. В начале бутылка занимала горизонтальное положение, в конце приняла вертикальное. Глаза Егора Ильича все время оставались закрытыми. Так уставший садовник на ярком солнце утоляет жажду холодным чаем.

– Боже правый! Он сделал это!

Юный лектор, пока еще не ставший профессором, не мог долго оставаться в стороне. Создавалось впечатление, что у него на каждый случай имеется соответствующая цитата из произведений Роберта Ченселора.

– Вот послушайте: «Что можно сделать из этих людей, если приучить их к порядку...» – только на него не обратили внимания. Поскольку, против ожидания, Егор Ильич вовсе не рухнул замертво на пол. Более того, он в своей обычной манере исполнил несколько танцевальных на, затем на секунду замер в боксерской стойке и принялся насккивать на замершую аудиторию.

Насладившись всеобщим вниманием, Егор Ильич согнул ноги в коленях, выпятил живот, надул губы, насупился и несколько раз прошелся взад-вперед по бару, не слишком удачно копируя товарища Хрущева. Затем он перешел к пантомиме, изображающей Хрущева с маленькими девочками. Затем Егор Ильич совершил головокружительный прыжок, которому наверняка позавидовал бы Нижинский, замер, балансируя на одной ноге, послал публике воздушный поцелуй, раскланялся, громко крикнул: «Шутка!» – указал пальцем на Пола, расхохотался, горделиво поднял голову и исчез за дверью.

– Боже мой, – вздохнул Пол.

– Бар закрывается, – мрачно сообщил бармен. Пол, вспомнив про ожидающего его в каюте Опискина, еще раз горестно вздохнул и купил бутылку водки.

– А я думал, что вам уже достаточно, – заметил человек с розочкой.

– Что вы, ночь только начинается, – простонал Пол, обнял бутылку нежно, как ребенка, и побрел в каюту. Товарищ Хрущев бдительно следил за его передвижениями с многочисленных плакатов на стенах.

А юный Опискин безмятежно похрапывал. Пол растолкал его и вручил бутылку водки. Затем он вернулся в гостиную, сел на холодный стул и приготовился ждать. У него в кармане лежала небольшая книжечка стихов русского поэта Сергея Есенина, молодого парня, который в течение года

был женат на Айседоре Дункан, затем начал пить и в припадке безумия написал собственной кровью прощальные стихи и повесился. Это произошло, насколько Полу было известно, в Ленинграде, в отеле «Астория». Пол открыл книжку и под слабый аккомпанемент бульканья водки в спальне прочитал:

До свиданья, друг мой, без руки, без слова,
Не грусти и не печаль бровей, —
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

И вот раздался стук в дверь.

– Войдите, – откликнулся Пол.

Вошел молодой офицер с аккуратно подстриженными усиками. На обеих руках он носил по два кольца. Форменный костюм сидел на нем как влитой. Он наверняка был сшит у первоклассного портного. Что ж, может быть, с некоторых пор лондонские портные обшивают экипаж «Александра Радищева».

– Мистер Гасси?

– Совершенно верно.

– Извините, но у нас в офисе не оказалось вашего паспорта.

– Он здесь, у меня в кармане. Я сам храню его от имени правительства ее величества.

– Извините?

Пол улыбнулся и похлопал себя по карману. Он не собирался выпускать паспорт из рук.

– Вы позволите мне его посмотреть? Необходимо кое-что уточнить.

Пол вытащил паспорт и отдал офицеру. Тот внимательно изучил обе вклеенные туда фотографии и спросил:

– Может быть, я мог бы увидеть и миссис Гасси? Всего на несколько секунд. – У него было просто ужасное «г», совершенно русское.

Пол улыбнулся со всей возможной приятностью.

– Боюсь, это невозможно. Она сейчас спит. – Бульканье водки из спальни наглядно показало, что он врет. Пол решил взять быка за рога. – Товарищ Егор Ильич, наверное, наплел вам множество небылиц, но все это неправда. Он пьян до безобразия.

– Я еще не знаю все имена, – признался офицер, – перед этим рейсом к нам перевели нескольких человек с других судов, работающих на

балтийских линиях. Поймите меня правильно, я делаю свою работу.

– Ну и зачем вам понадобилась моя жена?

– Ходят слухи, что она в действительности мужчина. Мне приказано убедиться, что все в порядке.

– А все и есть в порядке.

Молодой человек выглядел смущенным.

– Мне приказали убедиться.

– Разве вы еще не убедились?

Из спальни раздался хриплый кашель.

– Думаю, – тихо сказал офицер, – я вернусь через десять минут и провожу вас и миссис Гасси к капитану. Поверьте, так будет лучше для всех.

Глава 12

– Он совершенно прав, – сказал капитан. – Он выполнил свой долг. И не вам говорить о вероломстве и предательстве.

– Я дал ему денег, напоил его коньяком, – недоумевал Пол, – зачем он это сделал?

– То, что вы говорите, не может быть правдой, – заявил капитан, – члены судового экипажа взятки не берут. Все они честные и неиспорченные люди. И считают своим долгом докладывать мне о своих подозрениях. Государство должно быть надежно защищено. А судно – это часть государства.

– Боже, как я устал, – простонал Пол.

Он и молодой Опискин сидели в каюте капитана, представлявшей собой образец чистоты и порядка. Помещение было ярко освещено, на полках стояли аккуратные ряды русских книг по навигации и морскому праву. По иронии судьбы ближе всего к Полу оказалась именно юридическая литература. Опасливо поглядывая на корешки книг, Пол мог наглядно представить себе силы, против которых ему пришлось выступить. Юный Опискин на такие мелочи внимания не обращал. У себя в каюте он снова облачился в дрилоновое платье и босоножки со стоптанными каблуками, припудрил нос и отросшую за ночь щетину. Причем он все это проделал, глупо хихикая и подмигивая своему супругу. Теперь он молча сидел, положив на мощные колени пластиковую дамскую сумочку, и преданными глазами смотрел на капитана.

Полу капитан понравился. Это был довольно молодой человек с правильными чертами лица, открытым и честным взглядом. Его роскошная шевелюра слегка серебрилась на висках. Он изящно курил папиросу. Пол решил, что такой внешности и манерам больше подошла бы дорогая сигарета, а не клочок бумаги с дешевым табаком. Пол не сомневался в правоте капитана и от этого чувствовал себя премерзко. Но, вспомнив о бедном Роберте и об умершем великом композиторе, он воспрянул духом и заговорил:

– Посмотрите на все с другой стороны. Может быть, на Западе мы относимся к таким вещам слишком просто, но мы считаем свободу передвижения одним из основных прав человека. Если вы отказываете вашим гражданам в этом праве, то, естественно, должны ожидать, что они начнут ловчить, искать обходные пути.

– Вы говорите слишком быстро, – сказал капитан, – я хорошо понимаю английскую речь, но только медленную.

– Что вы намерены делать?

– Делать? – казалось, удивился капитан. Он вытянул губы вперед, словно собирался кого-то поцеловать, потом взглянул на свое отражение в зеркале, висевшем за спиной Пола, и растянул губы в стороны. Получилась гримаса боли. – Сначала мы выясним, – он указал на хихикающего Опискина, – кто этот человек.

– Это юноша, который ни за что не может отвечать, – объявил Пол. – У него нет ни родителей ей, ни близких родственников. Я везу его к друзьям в Хельсинки. Он отстаёт в умственном развитии, поскольку не может говорить. У него нет никакого образования. – Пол так старался, произнося эту пламенную речь, что почувствовал, как увлажнились глаза. – У него нет работы. Нет денег. Нет ничего.

– У него есть государство, – возразил капитан.

– Государство – это не человек, в нем не течет горячая кровь, оно не может согреть несчастного. А этому бедному парню нужна любовь.

– Ему нужен паспорт, – со вздохом уточнил капитан, – и разрешение на выезд. Вы оба нарушили закон. Это недопустимо. Все, что я могу сделать, это отправить вас обратно в Ленинград.

– Я – подданный ее величества королевы Великобритании, – заявил Пол с пафосом, – и имею определенные права.

– Вы нарушили закон, – напомнил капитан, – советский закон, находясь на советской земле. Думаю, что законы вашей страны вы тоже нарушили. Сейчас вы должны отдать ваш паспорт мне.

– Не получится, – улыбнулся Пол. Он вовсе не считал игру оконченной. – У меня больше нет паспорта. Я случайно уронил его за борт. Вам придется долго его искать в Балтийском море.

– Думаю, вы говорите неправду, – вздохнул капитан, – но посмотрим. Пусть все остается как есть. Полиция разберется.

– В Ленинграде?

– Из Ленинграда. Мы свяжемся с Ленинградом по радио.

– Вы собираетесь упомянуть мое имя?

– А как же! Они заберут вас в Хельсинки. Лететь туда из Ленинграда совсем не долго. Возможно, они нас даже встретят.

– Что ж, я ничего не имею против сотрудничества с властями, – сказал Пол. – Пусть среди тех, кто нас встретит, будут офицеры, которые мною уже занимались.

– У вас уже были проблемы с властями? Вы успели совершить в нашей

стране еще что-то противозаконное? – Эта мысль, похоже, доставила капитану большое удовольствие.

– Товарищи Зверьков и Карамзин, – сказал Пол, – думаю, они будут рады снова увидеться со мной.

– Одного из них я знаю, – сообщил капитан, – он был на моем судне, когда наши органы получили информацию о готовящемся провозе контрабанды. Такое иногда случается на судах. Только советские граждане никогда не принимают участие в подобных делах. Виновными всегда оказываются ииоcтpаццы.

– Естественно.

– Значит, Зверьков и Карамзин. – Капитан записал фамилии в блокноте. – Вы их хорошо знаете?

– Они мне выбили четыре зуба, – сказал Пол и в доказательство широко улыбнулся.

Беззубая улыбка произвела несомненное впечатление на капитана. Потом он презрительно взглянул на хихикающего Опискина и спросил:

– Имя? Фамилия?

– Бесполезно, – пригорюнился Пол, – он не может говорить. Только издает нечленораздельные звуки. Бедный мальчик, он так несчастен. Считайте, что вам повезло, вам случайно удалось узнать, что он – мужчина. Он не вполне нормален и всерьез считает себя женщиной. Я уже говорил, что он ничего не имеет? Так вот, он имеет даже меньше, чем ничего.

– Ладно, – поморщился капитан, – оставим это дело до прибытия полиции. Но где я вас должен разместить сегодня? Вы не должны занимать одну спальню. В конце концов, вы же не муж и жена.

– Я заплатил большие деньги за хрущевские апартаменты, – возмутился Пол, – и требую, чтобы мне была предоставлена возможность полноценного отдыха.

Капитан нахмурился и нажал на расположенную на его столе кнопку.

– Второй помощник капитана Петров отведет вас обратно в ваши апартаменты. Только двери и окна будут заперты снаружи. А с внутренней стороны уберут все дверные и окопные ручки.

– Мы не собираемся прыгать за борт, – фыркнул Пол. – А мой несчастный попутчик вообще не умеет плавать.

– За вашей каютой будет вестись наблюдение, – предупредил капитан, – я должен быть спокоен за безопасность вверенного мне судна.

– Вы нам льстите, – улыбнулся Пол. – Кстати, у меня к вам просьба, капитан. Дело в том, что будет лучше, если бедный мальчик не будет знать, что происходит. Когда придет ваш второй помощник, не говорите с ним по-

русски. Или, по крайней мере, объясните ему задачу как-нибудь поддипломатичнее. И пусть обязательно удостоверится, что мы заперты надежно. Скажите ему, чтобы лично удостоверился в этом. Мой спутник, конечно, идиот, но он склонен к насилию, особенно если считает, что его безопасности что-то угрожает. Так будет лучше, вы уж мне поверьте.

Юный Опискин продолжал хихикать и глупо таращиться на окружающих его людей. Вполне вероятно, что он хорошо приживется на Западе. Его непоколебимой вере в силу денег можно было позавидовать. Вернувшись в каюту, он второй раз за эту долгую ночь снял женскую одежду и напялил ночную рубашку своей тети. При этом он, похоже, пребывал в уверенности, что все идет по плану, что к капитану их пригласили только для того, чтобы познакомиться, и что капитану, судя по всему, приглянулась отличная фигура жены английского антиквара. Пол, наблюдая за Опискиным-сыном, решил, что Опискин-отец, как и многие знаменитые музыканты, вероятно, был сифилитиком. И его сын родился с врожденными пороками головного мозга. Он с неприязнью увидел, как юный отпрыск гения налил изрядную порцию водки в принесенный из ванной стакан для полоскания рта, выпил и молча лег спать. Он не пожелал своему супругу спокойной ночи. Незачем. Пол был обычным инструментом, купленным за деньги.

Пол спал беспокойно. Причем ему мешал вовсе не богатырский храп Опискина, к этому как раз он мог бы приспособиться. Он нервно ворочался, бил кулаком по ни в чем не повинной подушке и думал о том, что в беседе с капитаном продемонстрировал отличительную черту характера каждого уважающего себя англичанина – непоколебимый оптимизм в безнадежной ситуации. Но все же его мучили дурные предчувствия. А молодой Опискин тем временем спокойно спал, уверенный, что все в порядке.

Проворочавшись какое-то время, уставший Пол задремал, и ему приснился спортивный сон. Он напоминал заставку на телевизионном экране перед выпуском спортивных новостей. Монтаж из нескольких картинок: крикет, футбол, гонки на байдарках, прыжки в высоту. Духовой оркестр играет марш. Восторженные крики болельщиков приветствуют спортсменов...

Белинда никогда не любила спорт, ей было чуждо понятие честной борьбы.

В серых предрассветных сумерках вдали показался берег. Где-то там были стройные пихты, голубые, прозрачные озера... Там была Финляндия. Пол спал. А когда проснулся, то с ужасом убедился, что Опискина на месте

нет. Ну вот и все, устало решил Пол. Миссия окончательно провалилась. Однако в гостиной он обнаружил своего попутчика, с удивительным аппетитом уплетающего завтрак. Полу спросонья показалось, что все тело Опискина участвует в процессе поглощения пищи: ноги тянулись за кофейником, руки – за хлебом, словно на конце каждой конечности у него было еще по одному рту.

– Завтрак, – промычал вместо утреннего приветствия Опискин, одетый в очередную невероятную хламиду своей тети.

– Знаю, что завтрак, – неприязненно отозвался Пол. На столе была холодная рисовая каша, абрикосовый джем, очень жирная колбаса, копченый лосось, черная икра, сваренные вкрутую яйца, черный хлеб, масло. Завтрак для узников. Пол перевел взгляд на иллюминатор. Ясное летнее утро, вдали виднеется зеленый берег. По палубе гуляют люди. Пол узнал нескольких человек, которых ночью видел в баре. Он подошел к большому квадратному окну. Рядом прохаживался давешний знаток эпохи Тюдоров.

Пол громко постучал в стекло. Тот повернул голову, прищурился, узнал Пола и кивнул в знак приветствия. Пол громко прокричал ему несколько слов. Тот пожал плечами. Надо же, полная звуконепроницаемость. «Подожди, – шепнул Пол, – не уходи, подожди немного». Он взял книжку, вырвал чистый лист в начале, вытащил шариковую ручку и аккуратно написал: «То, что здесь написано, чистая правда. Примите меры, когда будет необходимо. Политическое убежище. Тайная полиция. Переоделся женщиной. Помогите». Он приложил листок к стеклу. Будущий профессор подошел к окну и внимательно прочитал. И, судя по загоревшимся глазам, сразу поверил. Он показал записку находившимся неподалеку футбольным болельщикам. Прочитав ее, они оживленно заговорили. Затем юный умник сделал Полу знак убрать записку. Очевидно, шел кто-то из русских. Пол живо сделал из своего призыва незаметный шарик. В это время Опискин соорудил себе гигантский бутерброд с колбасой и икрой и начал его жевать, громко и со вкусом чавкая.

А Пол, немного успокоившись, решил выпить кофе. Теперь оставалось только ждать.

Никто не появился, чтобы убрать грязную посуду. Насытившийся Опискин принял душ, побрился, используя для этой цели бритву Пола, натянул женскую одежду, напудрился, густо намазал губы помадой. Выглядел он ужасно, в его внешности было даже что-то устрашающее. Но Пол бодро похлопал его по плечу и проговорил:

– Хочу, чтобы ты знал: я восхищаюсь работами твоего отца. Доверься мне. Все будет хорошо.

Финляндия приближалась. Она, будто недоверчивая сторожевая собака, настороженно принюхивалась к приближающемуся судну. По палубе сновали люди. Пол сидел на стуле и курил. Он заметил, что юный лектор старается держаться поблизости. Очевидно, он совершенно не доверял русским. Молодой Опискип развалился на стуле и внимательно следил за передвижениями мух на потолке. Запакованные чемоданы стояли у двери. Пассажиры каюты люкс ждали Финляндию, как ждут опаздывающее такси.

Она прибыла вовремя. Еще до полудня «Александр Радищев» пришвартовался к причалу финской столицы. Судовые громкоговорители разносили далеко по сторонам бравурную советскую музыку. Из окна Полу не было видно, что происходит на причале. Помимо воли его начала бить дрожь. Опискин, заметив волнение своего защитника, начал сильно потеть. Струйки пота промывали чистые полосы в толстом слое пудры на его физиономии.

– Что теперь? – спросил он у Пола.

– Будем ждать, – сказал Пол. – За нами обязательно придут.

– Ахонен? – уточнил Опискин.

– Нет. Мистер Ахонен будет ждать нас внизу на причале. С машиной. А люди, которые придут сюда, могут показаться грубыми, даже жестокими. Но ты не бойся. Все будет в порядке. Доверься мне.

Опискин озадаченно посмотрел на Пола, затем перевел взгляд на дверь. Уставившись на нее, они выкурили еще по две сигареты.

И вот раздались тяжелые шаги, повернулся ключ. В каюту вошел второй помощник капитана Петров и проговорил извиняющимся тоном:

– Мне очень жаль, что у вас не получилось хорошего отдыха на нашем судне. Но здесь двое полицейских. Они отвезут вас обратно в Ленинград.

Оттеснив вежливого моряка, в дверь протиснулись двое. Полу не довелось их видеть раньше. Оба были одеты в мешковатую коричневую форму и имели абсолютно непроницаемые лица. Они взглянули на Пола, затем на Опискина. Тот, очевидно, знал одного из них. Несчастный затравленно взглянул на Пола, после чего завороченно уставился на дверь спальни. Неужели он хотел там укрыться, бедный мальчик! Полицейские сноровисто подхватили его под руки, поставили на ноги и вывели из каюты. Опискин что-то кричал по-русски, но Пол ничего не понял.

– Верь мне! – крикнул он вслед.

Опискин изо всех сил рвался на свободу, но его держали сильные руки.

– Я очень сожалею, – снова заговорил Петров, – всегда неприятно, когда пассажира каюты люкс уводит полиция.

– А что будет со мной? – поинтересовался Пол.

– Боюсь, вам придется немного подождать. Но я уверен, что в самое ближайшее время за вами тоже придут.

Он говорил как медсестра, сидящая в приемной у зубного врача. Кстати, по прибытии в Англию ему предстоит первым делом посетить именно дантиста, вспомнил Пол. Его случай, без сомнения, можно назвать срочным, поэтому наверняка он избежит длительного ожидания в очереди. Задумавшись, Пол даже почувствовал во рту вкус теплого воска.

– Я вас пока здесь закрою, – сказал Петров, – и не сомневайтесь, очень скоро за вами придут.

Он вышел, храня на лице скорбную улыбку. По его мнению, жизнь могла быть такой простой и приятной. Если бы не дурные поступки отдельных пассажиров. Пол ждал. Он спокойно выкурил сигарету, затем вторую. Он уже почти докурив третью, когда, наконец, пришел его черед. Снова слышались шаги, второй помощник Петров открыл дверь и впустил в каюту двух джентльменов. Пол искренне обрадовался при виде знакомых лиц. Они принадлежали прошлому, были персонажами уже разыгранной пьесы. Они прибыли из Ленинграда, который, как оказалось, Пол любил и испытывал сожаление, что никогда не увидит его снова.

Его первые слова были тщательно продуманы.

– О, товарищ Карамзин, что нового в истории хореографии?

На этот раз Зверьков и Карамзин были одеты в новые костюмы, сшитые не советскими портными. Карамзин насупился, но пока не выглядел опасным. Зверьков улыбнулся:

– Я не сомневался, что мы еще встретимся. У меня было предчувствие. – Поразительно... он повторил слова Белинды! – Наша встреча была предопределена судьбой. Не поверите, но мне как-то приснился именно иностранный порт, правда значительно больший, чем этот. И еще в моем сне было жарче. Я проснулся, но так и не понял, где это было. В конце концов, все, что ни делается, к лучшему.

– Получилось не слишком удачно, – вздохнул Пол. – Как вы считаете, что со мной будет?

– В каком-то смысле вы оказали нам неоценимую услугу, – сказал Карамзин. – Этого человека давно разыскивают. Что же касается лично вас, не думаю, что вам грозит что-то серьезное. Хотя разговоры, конечно, будут, даже, видимо, не слишком приятные. Сами понимаете, такие поступки не способствуют укреплению англо-советских отношений.

– Мне жаль этого парня, – сказал Пол, – его единственное преступление заключается в том, что он – сын великого человека, которого вы ненавидите, причем именно за его величие, за дух свободы, которым наполнены его произведения.

– С этим мы разберемся, – поморщился Карамзин, который уже начал проявлять признаки нетерпения. – Да и с вами поговорим позже. У нас будет достаточно времени.

– Я сам пойду, – сказал Пол. – Ненавижу вульгарные сцены. Мне нести багаж?

– Этим займется Карамзин, – снова улыбнулся Зверьков. – Арестованный – лицо привилегированное.

– Я вам не носильщик, – прорычал Карамзин. Пол открыл рот. Карамзин поспешно заявил: – Ладно, я сделаю это.

И наклонился за чемоданами. Его волосы были аккуратно подстрижены и уложены. Наверное, он только что посетил парикмахерскую.

Пол и сопровождающие его лица не спеша проследовали по коридору. В вестибюле, куда уже проникал свежий финский воздух, стоял Опискин, бдительно охраняемый своими конвоирами. Он выглядел помятым, всклокоченным и безразличным ко всему окружающему. Казалось, он целиком сконцентрировался на единственной проблеме – дышать. Каждый вдох сопровождался появлением на его потерянном лице гримасы боли.

– Свиньи вы, – выругался Пол, – а не цивилизованные люди.

– Встречаются и такие, – нахмурился Зверьков, – согласен, это наша проблема. Но, что поделаешь, рожденный ползать...

Тусклое освещение коридора не способствовало укреплению боевого духа. Пол сосредоточенно шагал вперед. Сейчас все решится. Сейчас или никогда. Он сделал глубокий вдох, набрав в легкие столько воздуха, что хватило бы и для юного Опискина. Осталось всего несколько шагов. Вот уже миновали последний плакат с орущим Хрущевым. Пол замедлил шаг и начал мысленно читать молитву.

Слава богу, они были на месте. Слева и справа от входа на трап, у которого топтались вахтенные, собрались мужчины. Они ездили в Ленинград на футбольный матч и теперь возвращались обратно. Специалист по древней истории в полной боевой готовности стоял во главе группы, занявшей позицию слева. Все хранили настороженное молчание. Пол мог поклясться, что на его просьбу о помощи откликнулось не менее тридцати человек. Он даже узнал некоторые лица. На самом деле все они были единым целым – английским рабочим, но в трех десятках лиц.

– Быстрее, – забеспокоился Зверьков, – поторопитесь. – Опискин получил ощутимый тычок в спину. Один из вахтенных ступил на трап, чтобы идти впереди группы.

– Бог за нас, – спокойно сказал будущий профессор.

Он даже не повысил голос. Но по этой команде две фаланги с криками ринулись друг на друга, словно случайно разметав в разные стороны узников и их стражей. Зверьков и Карамзин вместе с конвоирами Опискина оказались зажатыми в самом центре толпы, вахтенных офицеров притиснули к поручням. Все получилось само собой, в этом не было никакого насилия. Опискин стоял разинув рот. Он не мог поверить в происшедшее.

– Быстрее! – Пол толкнул его к трапу. Поскольку к изрядно помятому Опискину еще не вернулась способность соображать, да и в мирное время он не мог похвастаться быстротой реакции, Пол швырнул его прямо на обалдевшего матроса, который все еще пытался сдержать толпу и не пускать ее на трап. Это был нормальный честный парень, который выполнял свой долг. Немного оправившийся Опискин нанес ему сильный удар в солнечное сплетение слева, после чего добавил правой ногой в пах. Он вознамерился продолжить избиение, но Пол так громко рявкнул: «Скорее! Вниз!» – что сумел перекричать шум потасовки. Зверьков и Карамзин сражались как львы, но толпа держала их надежно.

– Спасибо, парни, – крикнул Пол и побежал вниз. Опискин последовал за ним. – Я же говорил, что ты можешь положиться на меня, – задыхаясь, проговорил Пол.

Глава 13

Пол сидел в небольшом пивном баре неподалеку от центра города. Он чувствовал себя превосходно. Все прошло гладко. Юного Опискина увезли его друзья навстречу светлому будущему, но это уже совершенно не касалось Пола. Он заказал себе билет на самолет, вылетающий из Хельсинкского аэропорта в 19.55. В 01.45 он будет в Лондоне. Посадка начнется за полтора часа до вылета. Багаж? Интересно, заинтересует ли кого-нибудь его отсутствие. Из Лондона он уехал с четырьмя тяжелыми чемоданами. Сейчас у него не было никаких вещей. Последний чемодан остался на судне. Пусть русские делают с ним что хотят. Могут даже отправить ему на дом через английский офис «Интуриста». Это уже не имело никакого значения.

Пол допивал третий стакан легкого финского пива. Он поменял пять фунтов на финские марки и теперь намеревался их истратить до отъезда из Хельсинки. Не менять же потом снова на фунты. Напившись пива, он сходит куда-нибудь поесть. Ему всегда нравилось гулять по чужому городу в одиночестве. Финская столица очаровала Пола, здесь было по-домашнему уютно. Радовали глаз аккуратные домики, консервированные ананасы в витринах магазинов, а прохладный воздух, наполненный ароматом хвои, приятно охлаждал разгоряченное лицо. И женщины здесь были все как на подбор: высокие, изящные, светловолосые, голубоглазые. Да и на мужчин тоже было приятно посмотреть – стройные, подтянутые, аккуратные. Из расположенного неподалеку радиомагазина доносилась веселая музыка. В общем, все вокруг дышало спокойствием. Мимо проехал трамвай. За соседний столик плюхнулся парень, несший стопку очень толстых книг. Похоже, учебники по медицине. Он попросил пива, и побыстрее. Вот она, свобода! Хотя, если разобраться, что такое свобода?

Словно для того, чтобы ответить на этот невысказанный вопрос, в бар зашли Карамзин и Зверьков. Карамзин немного прихрамывал. Пол ощутил легкое беспокойство, по быстро вернулся в прежнее благодушное состояние. В конце концов, кто они такие? Люди, которых он знал когда-то, можно сказать старые друзья. Он привстал и приветственно помахал им. Карамзин увидел его первым и резко дернулся, словно кукла на веревочке. Зверьков удивленно оглянулся и, заметив Пола, примерил на лицо приветливую улыбку. Затем он подвел нервно вздрагивающего Карамзина к столику.

– Если не возражаете, – улыбнулся он, – мы к вам присоединимся.

У Карамзина на носу была длинная царапина. Должно быть, постарался знаток эпохи Тюдоров.

– Присаживайтесь, – сказал Пол. – Вы опоздали на самолет?

Карамзин выпалил длинную русскую фразу, злобно покосился на Пола и сел, отодвинувшись от него как можно дальше.

– Старайтесь сдерживаться, мой друг, – посоветовал Пол, – все-таки вы не дома.

– Совершенно верно, – сказал Зверьков, – мы не дома, вы, кстати, тоже. Финская полиция изъявила готовность к сотрудничеству. Мы как раз идем оттуда. Так что с помощью наших финских друзей мы непременно найдем его. А потом совершим увлекательное путешествие домой на поезде. – Красивая пухленькая официантка, блондинка лет тридцати пяти, подошла, призывно покачивая красивыми грудями. Зверьков сделал заказ.

– Интересно, как вы собираетесь сотрудничать с полицией свободного государства в таком деле, – удивился Пол. – Парень не совершил никакого преступления.

Нервный Карамзин задрожал сильнее. К тому же он начал тоненько поскуливать, периодически переходя на вой. Сидевшие за столиками люди, честные финские любители пива, посматривали на него с любопытством. Зверьков положил руку на плечо друга, стараясь успокоить несчастного.

– Знаете, – задумчиво сказал он, – почему вас очень сложно воспринимать всерьез? Вы слишком невинны. Кажется, еще Толстой утверждал, что все люди должны быть... в общем, я не помню, что он там говорил. Мне некогда читать книги. Кто, по-вашему, человек, которому вы так самоотверженно помогали?

– Сын вашего великого композитора Опискина, – торжественно провозгласил Пол. – И вовсе не потому, что я так думаю. Это факт. Во всем виноват ваш режим. Вы преследуете мальчика из-за его отца, хотя и отец не совершил никакого преступления.

– А почему вы так думаете? – спокойно поинтересовался Зверьков. – Вы видели какие-нибудь документы, удостоверяющие его личность?

– Идиот, – простонал Карамзин.

– Им следовало вам тоже выбить несколько зубов, – вздохнул Пол. Подошла официантка с тремя кружками пива. – Смотрите, – обратился к ней Пол и продемонстрировал свою беззубую нижнюю челюсть, – это сделали русские. Ужасные люди. Очень грубые и жестокие. Держитесь от них подальше.

Официантка сперва очень удивилась, но быстро поняла, что от нее

требуется всего лишь порция сочувствия. Оно выдавалось бесплатно. Затем она взяла у Зверькова деньги и бесшумно удалилась.

– Одна кружка для вас, – сообщил Зверьков. – Это поможет вернуть румянец на ваши бледные щеки.

– Какой идиот, – снова простонал Карамзин и горестно закачался.

– Знаете что, – повысил голос Пол, – скажите вашему уроду, чтобы он не называл меня идиотом.

– Но ведь это же действительно глупо, так свято верить в то, что не является правдой, – сказал Зверьков. – Тот парень, который путешествовал вместе с вами под именем вашей жены, – самый настоящий преступник. Он давно в розыске. Последний раз он гастролировал в Киеве, а потом надолго залег на дно. Его нигде не могли найти. Вы могли бы нам очень здорово помочь. Расскажите, кто заплатил вам за него.

– Я вам не верю.

– Хотите – верьте, хотите – нет, но он не Опискин, а Обноскин. Степан Обноскин. Он из молодых, да ранних. Еще и идиот к тому же. Винить в этом можно кого угодно – капитализм, фашизм... Его отец был убит немцами, мать умерла, я уже забыл отчего. В детстве его сильно ударили по голове, не помню, кто и почему это сделал, но с тех пор он отстает в развитии. Он очень жесток, вы должны были заметить. В разное время он работал на контрабандистов, фальшивомонетчиков. В общем, он свой человек в преступном мире. Между прочим, имелись подозрения, что он забил до смерти старуху, чтобы отобрать у нее несколько рублей.

– Нет, – сказал Пол.

– Покрывший свое имя позором псевдомузыкант Опискин, – вмешался Карамзин, – не имел детей. А ты – кретин, – не удержавшись, добавил он.

– Я вам не верю, – заявил Пол, – и никогда не поверю. Откуда, скажите на милость, у него деньги?

– Вы не хотите верить, – сказал Зверьков. – Вы предпочитаете гордиться тем, что совершили благородный поступок, считаете себя Дон Кихотом и Санчо Пансой в одном лице. Но все, что вы сделали, это помогли жестокому убийце уйти на Запад.

– Его поймут, – пообещал Карамзин. – Сегодня. Здесь. – Он неожиданно улыбнулся и довольно дружелюбно взглянул на Пола. – Слушай, пойдем в туалет вместе.

– Не получится, – засмеялся Пол. – Хотите отключить меня и под видом пьяного отправить в Ленинград? Не выйдет.

– Деньги, – гнул свое Зверьков, – поступили от людей, которые его использовали. Возможно, он послан для связи с кем-то. В любом случае от

него мы сможем узнать очень многое. Он знает множество имен. Он глуп, но хитер. – Зверьков отхлебнул еще пива. – Поймите, иногда преступления бывает очень сложно доказать. Не всегда можно разыскать свидетелей. Но не вызывает сомнений, что этот деятель совершил ряд серьезных преступлений, среди которых имеется и убийство и изнасилование.

– Я не... – промычал Пол, – я только хотел...

– Вы хотели чувствовать себя героем, – сказал Зверьков, – вам нравилось спасать невинное существо от жестокой тирании. – Он задумчиво покачал головой. – Поверьте, не чувствующие за собой никакой вины люди довольно редко стремятся покинуть Советский Союз. Что они могут найти здесь такое, чего нет у нас?

– Свободу.

– Свободу, – фыркнул Карамзин, – для футбольных фанатиков, которые позволяют себе играть с законом. Вольность, – с ненавистью выговорил он.

– А что случилось после того, как мы ушли? – спросил Пол.

– Что могло случиться? Они сказали, что не имели в виду ничего плохого. Что это была только игра. Да и мы не стремились раздуть скандал. Надо было сохранить лицо.

– Им повезло, – буркнул Карамзин, – что мы не были вооружены.

– Кстати, – задумчиво пробормотал Зверьков, – мы так и не видели вашу жену. Интересно, где она?

– Считайте, что я холост, – ответил Пол, – так будет проще.

Он уже несколько минут напряженно прислушивался к звукам музыки, доносившейся из соседнего магазина. Мелодия казалась удивительно знакомой. Но это был, слава богу, не Опискин. Совершенно точно, это был не Опискин.

Зверьков рассеянно разглядывал многочисленные вывески, выполненные на финском и шведском языках.

– Странный все-таки язык у финнов, – сказал он, – у меня все время на языке вертится одна фраза, но я не представляю, где я ее услышал или прочитал. – И он произнес несколько слов по-фински. – В переводе это означает: «Пришла зима и привела с собой долгие ночи».

Пол вздрогнул.

– Зима еще не скоро.

– Только не для ваших маленьких стран, – сказал Зверьков. – Я имею в виду Финляндию, Швецию, Данию, это рискованное государство, где королева – киноактриса, да и вашу страну тоже. Темнота... темнота... Вам обязательно захочется света и тепла, вы не сможете без них жить, и когда-

нибудь вы поймете, что найти их сможете только у нас. Или по другую сторону Атлантики. Будущее принадлежит большим и сильным державам.

Пол, наконец, узнал музыку. Это был финал Пятой симфонии Сибелиуса. И тут же почувствовал, что у него сильно кружится голова. Видимо, финское пиво вовсе не такое уж легкое, как ему сначала показалось.

– Вы оставили меня без всего, – сказал он, – без зубов, без жены. Я даже не знаю, кто я есть на самом деле, я имею в виду – в сексуальном отношении. Правда, сексуальная ориентация Шекспира тоже не вполне ясна. А есть еще и Сократ. Я возвращаюсь домой, в свой антикварный магазин. Кто-то же должен сдувать пыль с предметов старины, пока вы вместе с американцами не сделали мир полностью пластмассовым. У меня впереди сплошное лето. А теперь прислушайтесь к этой музыке, созданной в очень маленькой стране. – Пол несколько секунд помолчал и добавил: – А что такое свобода, вы когда-нибудь обязательно узнаете. От нас.

Еще не договорив, он усомнился в собственных словах.

– Свобода, – ухмыльнулся Карамзин.

– Свобода, – задумчиво молвил Зверьков.

В тишину ворвались заключительные аккорды симфонии.

– Свобода... что бы это ни было, – согласился Пол.